George Kennan. Siberia and the Exile System.

3 frs.

2 экз. К

Дубликатъ.

Ж. КЕННАНЪ

СИБИРЬ И ССЫЛКА

Томъ II.

Переводъ съ англійскаго — безъ пропусковъ.

Лондонъ.
Вольная типографія.
1890.

2 экз
К
„Пров 49"

Великій Лама Забайкалья.

Послѣдніе дни пребыванія въ Иркутскѣ мы всецѣло посвятили приготовленіямъ къ нашему путешествію по мало-извѣстному Забайкалью. Это путешествье, мы знали — должно было быть переполнено всякими трудностями. Забайкалье было чуть ли не самой дикой частью Сибири, какую мы видѣли, за исключеніемъ, можетъ быть, Алтая. Рудники и каторжныя поселенія — главная цѣль нашей экскурсіи — разбросанные на тысячеверстномъ пространствѣ въ дикой гористой мѣстности между верховьями Амура и границей Монголіи, часто лежали въ сторонѣ отъ почтовыхъ дорогъ, — иногда даже не были отмѣчены на картѣ; — къ тому же подступала суровая сибирская зима съ своими бурями и морозами, которые не обѣщали намъ ничего хорошаго. Но всего непріятнѣе было то обстоятельство, что, на наше несчастье, незадолго до нашего пріѣзда, Забайкальская Область была изъята изъ вѣденія Иркутскаго Генералъ-Губернатора и присоединена къ Генералъ-Губернаторству Амурскому, и мы не могли, поэтому, получить въ Иркутскѣ ни разрѣшенія на доступъ въ рудники, ни рекомендаціи къ Забайкальскимъ властямъ. — „Забайкальская Область внѣ нашей компетенціи, — отвѣчали мнѣ на этотъ счетъ графъ Игнатьевъ и губернаторъ Петровъ, — Вамъ надо обратиться къ Генералъ-Губернатору Корфу, или къ губернатору Барабашу."

И тотъ и другой были въ это время въ Хабаровкѣ, на нижнемъ Амурѣ, въ 1500 миляхъ по ту сторону рудниковъ и въ 2000 миляхъ за Иркутскомъ. Понятно, что перспектива отправляться къ нимъ за разрѣшеніемъ не очень намъ улыбалась. Поэтому мы рѣшили ѣхать безъ разрѣшенія, надѣясь на свое счастье и находчивость. Чтобы за одно побывать въ Кяхтѣ, посмотрѣть на Маймачинъ и на главный въ этихъ мѣстахъ буддистскій „дацанъ" (храмъ) на Гусиномъ Озерѣ, мы рѣшили отклониться на время отъ прямаго пути на Кару и въ Верхнеудинскѣ повернуть на югъ, къ Монгольской границѣ. Мы видѣли за это время слишкомъ много людскихъ страданій, слиш-

комъ много этаповъ и тюремъ; нервы были разстроены въ вполнѣ достаточной степени; чувствовалось настоятельная потребность отдохнуть и развлечься на какихъ-нибудь иныхъ, болѣе свѣтлыхъ впечатлѣніяхъ. Къ тому же, я давно интересовался Ламаизмомъ, этой испорченной формой Буддизма, широко распространенной среди забайкальскихъ бурятовъ и представляемой тѣми особыми монастырями, которые извѣстны здѣсь подъ названіемъ „дацановъ“. Дацанъ на Гусиномъ Озерѣ — самый важный изъ всѣхъ; онъ — резиденція Великаго Ламы Забайкалья, и такъ какъ этотъ дацанъ находится всего въ 30 верстахъ отъ Селенгинска, черезъ который лежалъ нашъ путь въ Кяхту, то мы рѣшились непремѣнно посѣтить его.

Изъ Иркутска въ Забайкалье — двѣ дороги. Первая — болѣе прямая — идетъ вдоль Ангары до ея истока изъ Байкала и затѣмъ черезъ озеро — къ деревнѣ Боярской; вторая идетъ къ Боярской, огибая южный берегъ озера, по живописнымъ крутизнамъ висящихъ надъ водою горъ. Къ сожаленію, недавній разливъ смылъ здѣсь мосты и попортилъ дорогу, почему намъ пришлось отказаться отъ „кругоморскаго тракта“ и прозаически переѣзжать Байкалъ на пароходѣ.

Въ виду приближающейся зимы мы бросили свой тарантасъ въ Иркутскѣ и рѣшили ѣхать на „перекладныхъ“, т. е. на почтовыхъ телѣгахъ, перемѣняющихся на каждой станціи. Болѣе ужаснаго способа ѣзды я не знаю. Если бы я предвидѣлъ до какой степени мучительна вѣчная тряска этихъ безрессорныхъ первобытныхъ экипажей, до какой степени чувствуешь себя разбитымъ, и тѣломъ и духомъ, послѣ продолжительной ѣзды на нихъ, я ни за что не бросилъ бы нашего испытаннаго тарантаса.

24-го сентября, попрощавшись съ иркутскими друзьями, мы кое-какъ усѣлись на почтовую телѣгу, заваленную всякими дорожными ящиками и узлами, и съ равномѣрнымъ звономъ поддужныхъ колокольчиковъ тронулись въ путь. Погода была прекрасная. Воздухъ былъ полонъ благоуханіемъ поздней осени. Листва на деревьяхъ, хотя и пожелтѣла, но еще держалась, и цвѣты кое гдѣ пестрили поляны. Хлѣбъ вездѣ былъ убранъ, и въ крестьянскихъ дворахъ сушились на солнцѣ табакъ и конопля.

Едва выѣхавъ изъ Иркутска, мы встрѣтились съ какой-то повозкой, напоминающей фургонъ звѣринца и запряженной четверкой лошадей. На мой вопросъ: — „что это такое? —

225090

ямщикъ отвѣтилъ, что это везетъ въ Иркутскъ для выставки амурскаго тигра. Живой тигръ, пойманный въ Сибири! Мы, конечно, остановились, соскочили съ телѣги и попросили сторожа показать намъ любопытнаго звѣря. Сторожъ добродушно согласился и вынулъ широкую боковую доску, закрывавшую желѣзную клѣтку. Раздалось грозное ворчаніе и, прежде чѣмъ мы успѣли отскочить, громадный краснобурый полосатый звѣрь съ такой силой бросился къ намъ на желѣзныя прутья, что вагонъ чуть не перевернулся. Къ счастью прутья оказались крѣпче, чѣмъ намъ на мгновенье показалось; они погнулись отъ толчка, но не сломились. Сторожъ схватилъ длинный желѣзный прутъ и нѣсколько разъ сильно ударилъ звѣря, черезъ рѣшетку; это средство его усмирило и онъ снова улегся въ углу, фыркая и ворча, какъ раздраженная кошка. Я не могъ узнать отъ сторожа ничего точнаго насчетъ размѣровъ этого амурскаго тигра, но онъ мнѣ показался прекраснымъ представителемъ своей породы. Онъ былъ пойманъ крестьянами на Амурѣ — единственномъ мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ тропическій тигръ встрѣчается рядомъ съ сѣвернымъ оленемъ.

Отъ Иркутска до Байкала всего 40 миль. Мы ѣхали быстро, потому что дорога была хороша. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ она дѣлалась выше и живописнѣе. На послѣдней станціи она приняла совершенно горный характеръ и шла на 50—60 футахъ надъ уровнемъ воды, вырѣзанная въ крутомъ склонѣ горы и отгороженная отъ обрыва солидными перилами. — Къ вечеру холодный густой туманъ, идущій съ озера, началъ заволакивать воздухъ. Онъ то скрывалъ отъ глаза все, кромѣ куска дороги впереди, который, казалось, висѣлъ въ воздухѣ; то, вдругъ, разрывался на куски между которыми тускло виднѣлись вдали темныя очертанія скалистыхъ горъ на противуположной сторонѣ озера. Озеро Байкалъ лежитъ на 400 фут. выше, чѣмъ Иркутскъ, и Ангара, черезъ которую озеро соединяется съ Ледовитымъ океаномъ, проходитъ это 400-футовое паденіе на разстояніи всего 40 миль; ея теченіе крайне быстро — 12—15 миль въ часъ. Пароходы проходя разстояніе до Иркутска въ 2 часа, требуютъ 6—8 часовъ на то же разстояніе, идя назадъ, противъ теченія. При выходѣ изъ озера, гдѣ теченіе особенно бурно, рѣка почти никогда не замерзаетъ и возлѣ Иркутска замерзаетъ только въ Январѣ, хотя морозы уже въ Декабрѣ доходятъ до 40°/₀. Рѣка эта, вообще, чрезвычайно оригинальна. Вмѣсто того, чтобы начинаться ничтожнымъ

ручьемъ, она выходитъ изъ озера потокомъ въ милю шириною; хотя ея вода холодна какъ ледъ въ самые сильные лѣтніе жары, она замерзаетъ послѣ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ; наконецъ, она разливается не весною, какъ дѣлаютъ всѣ прочія рѣки, а раннею зимою, когда другія уже покрыты льдомъ.

Мы пріѣхали въ Лиственичную, — байкальскій портъ — къ 9 часамъ вечера. Съ озера дулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ и въ гостинницѣ, въ которой мы остановились было такъ холодно, что мы тотчасъ же нераздѣвшись отправились въ постель. Выраженіе „отправились въ постель“ надо понимать, конечно, не буквально. Мы просто на просто улеглись на полу, потому что кроватей въ гостинницѣ не было. Вообще, за все время моего путешествія по Забайкалью я $^{3}/_{4}$ ночей спалъ на полу, не раздѣваясь, и это было далеко не самое большее изъ неудобствъ.

На слѣдующій день пароходъ отходилъ только въ полдень и у насъ было достаточно времени, чтобы осмотрѣть „Лиственничное“, — маленькую, жалкую деревушку, тянущуюся въ одну улицу вдоль берега Байкала, который имѣетъ здѣсь всего 20 миль въ ширину. Впрочемъ и средняя ширина его очень невелика — всего 30 миль при 400 мил. длины.

Къ полудню подошелъ изъ Иркутска пароходъ „Бурятъ“ съ нашимъ багажемъ. Мы заняли каюту на „Платонѣ“, перенесли туда свои вещи и послѣ нѣкотораго ожиданія тронулись въ путь. Пассажировъ на „Платонѣ“ было мало — человѣкъ 20—30, ѣхавшихъ все въ III-мъ классѣ. Между ними обращали на себя наше вниманіе 3—4 китайскихъ купца, везшихъ съ собою около 1000 фунтовъ знаменитыхъ „изюбрипыхъ роговъ“. Эти рога, снятые въ извѣстное время, славятся въ Китаѣ своими цѣлебными свойствами и цѣнятся чрезвычайно дорого. Торговцы ѣздятъ за ними въ самые глухіе уголки Алтая и часто даютъ по 200 руб. за пару. Въ Катунскихъ Альпахъ, на Алтаѣ, мы сами встрѣтили одного крестьянина, который успѣлъ одомашнить до 12 изюбровъ, которые давали ежегодно своими рогами до 12 тысячъ рублей. Высушенные и истолченные въ порошекъ эти рога продаются въ Китаѣ по меньшей мѣрѣ на вѣсъ серебра.

Восточный берегъ Байкала дѣлался все ниже по мѣрѣ нашего движенія на сѣверъ и подъ вечеръ высокія покрытыя снѣгомъ вершины остались далеко позади. Часовъ въ 6 мы подошли къ „Боярскому“, но къ большому огорченію сойти на

берегъ намъ не удалось. Съ берега дулъ сильный вѣтеръ, было слишкомъ темно, и нашъ пароходъ, послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ войти въ гавань, бросилъ якорь въ открытомъ морѣ. Мы провели очень непріятную ночь въ нашей „первоклассной“ каютѣ, и только на разсвѣтѣ „Платонъ“ подошелъ къ пристани. Но какимъ раемъ казалась намъ потомъ каюта, которую мы такъ проклинали! Мы вышли на берегъ, конечно, не позавтракавъ. Погода была отвратительная; въ Боярскомъ не оказалось никакой гостиницы; почтовая станція, холодная и грязная, была переполнена пассажирами, ожидающими лошадей; лошадей этихъ не было. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось найти лошадей у одного крестьянина. Напившись у него чаю, мы снова взобрались на ужасную сибирскую телѣгу и выѣхали по направленію къ Селенгинску.

Трудно передать всѣ тѣ страданія, которыя приходится испытывать человѣку путешествующему на этой телѣгѣ по плохой дорогѣ. Не проѣхали мы и 60 миль, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и больнымъ. Каждый новый ухабъ мучительно отдавался во всемъ тѣлѣ и, особенно, въ головѣ. Я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, перемѣняя положеніе и поддерживая больное тѣло на упертыхъ рукахъ, но руки скоро уставали и приходилось снова отдаваться на произволъ ужасной тряски. Часовъ въ 10 вечера мы пріѣхали въ Илинское. Я положительно не могъ ѣхать дальше и мы рѣшили здѣсь ночевать. Фростъ легъ на полу почтовой станціи, а я, какъ больной, завладѣлъ скамьей. Послѣ долгой борьбы съ паразитами, я, наконецъ, уснулъ. Не проспалъ я и нѣсколькихъ минутъ, какъ на станціи поднялось какое-то движеніе. Пріѣхалъ какой-то чиновникъ по казенной подорожной. Въ комнатѣ зажгли огонь; чиновникъ ходилъ изъ угла въ уголъ, громко разговаривая съ станціоннымъ смотрителемъ о состояніи дорогъ. О снѣ нечего было и думать. Однако, черезъ полъ часа чиновникъ уѣхалъ, и мы снова расположились спать. Снова звонъ колокольчиковъ, снова суета и движеніе: подъѣхала почта изъ Иркутска. Съ часъ продолжалась перекладка тюковъ и запряжка лошадей; каждую минуту двери почтовой станціи отворялись и затворялись, обдавая насъ холоднымъ ночнымъ воздухомъ. Къ половинѣ втораго почта уѣхала, свѣчи потухли и все успокоилось. Но едва мы закрыли глаза опять стукъ и звонъ; и кто-то вошелъ, громко зовя смотрителя. Оказались новые пассажиры — мужъ съ женою и съ плачущимъ ребенкомъ. Чае-

питіе, разговоръ, плачъ и кашель ребенка продолжались до 4 часовъ. Наконецъ, и эти пассажиры уѣхали. Но за это время всѣ станціонные паразиты успѣли открыть мѣсто, гдѣ я спалъ, и набросились на меня съ невѣроятнымъ остервененіемъ. Я бросилъ свою скамью, перебрался на полъ и началъ забываться. И опять, только что я началъ засыпать, раздался звонъ колокольчика, струя холоднаго воздуха ворвалась въ комнату черезъ отворенную дверь и на станцію вошли 2 проѣзжихъ купца. Опять появился неизбѣжный самоваръ и начался громкій разговоръ, который тянулся до половины шестаго. Лошадей не оказалось и, покончивъ чаепитіе, купцы начали укладываться спать, когда снова зазвенѣли колокольцы, и въ комнату вошелъ какой-то старикъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Куда ѣхалъ этотъ новый пассажиръ, — я не знаю; но когда онъ заказалъ самоваръ и вступилъ въ оживленную бесѣду съ двумя купцами, я со стономъ обратился къ Фросту: „нѣтъ; это безполезно. Съ меня довольно и блохъ, и холоднаго воздуха, и всѣхъ этихъ прелестей. Я встаю.“ Уже разсвѣтало. Старикъ пригласилъ насъ „откушать“ съ нимъ чаю. Онъ, оказалось, видѣлъ насъ на пароходѣ. Горячій чай и общая бесѣда о „Калифоріи“ — недавно открытыхъ золотыхъ пріискахъ на монгольской границѣ, — нѣсколько оживили меня и какъ-будто возстановили упавшія силы.

Часовъ въ 10 утра лошади были запряжены и мы продолжали свой путь. Верстахъ въ 10 отъ Илинскаго дорога поворачиваетъ на югъ и идетъ по лѣвому берегу Селенги, свѣтлыя и спокойныя воды которой напомнили мнѣ какое-нибудь шотландское озеро. Долина Селенги между Илинскимъ и Верхнеудинскомъ показалась мнѣ самой теплой и плодородной во всемъ Забайкальѣ. Еще въ эту пору она была полна благоуханій. Окаймляющіе ее холмы, испещренные цвѣтами, ничего не говорили о близости зимы. Окрестные луга, густо уставленные копнами собраннаго сѣна; тамъ и сямъ мелькающіе бурятскіе поселки, пасущійся скотъ говорили о мирныхъ радостяхъ жизни и заставляли насъ на минуту забывать, что мы въ Сибири, — на пути къ рудникамъ. — Если бы не „перекладная“, наше путешествіе здѣсь было бы чистымъ наслажденіемъ; къ сожалѣнію, усталость и разбитость были слишкомъ сильны. Въ *Мухлинское*, первая станція за Верхнеудинскомъ, — мы пріѣхали къ 7 часамъ вечера. Было еще рано и проѣхали мы за этотъ день всего 30 миль; Фростъ былъ сравнительно бодръ, но я положительно отказался ѣхать дальше, и мы остались здѣсь на

ночевку. Жена станціоннаго смотрителя накормила насъ — въ первый разъ въ Забайкальѣ — прекраснымъ супомъ, и это обстоятельство — вмѣстѣ съ сравнительно спокойнымъ сномъ, позволило мнѣ на слѣдующій день кое-какъ проѣхать остававшіяся до Селенгинска 70 миль.

Эту ночь мы провели въ Селенгинской почтовой станціи, и на этотъ разъ, я спалъ какъ убитый, несмотря ни на постоянный шумъ, ни на невѣроятную массу паразитовъ. Впрочемъ, они сдѣлали свое дѣло, хотя и не могли помѣшать мнѣ спать. Они до такой степени искусали меня, что на слѣдующій день я долженъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ класть на лицо холодные компрессы, прежде чѣмъ выйти на улицу. Приведя себя въ нѣсколько приличный видъ, я отправился на поиски за Хинуевымъ, начальникомъ мѣстной бурятской полиціи, котораго намъ рекомандовали какъ хорошаго переводчика. Я нашелъ его въ исправничьей канцеляріи. Это былъ атлетически сложенный бурятъ, лѣтъ 60-ти, съ круглой, большой, коротко-остриженной головой, съ густыми усами, съ маленькими косыми, монгольскими глазками, и съ рѣзкими, грубыми чертами лица. Онъ былъ одѣтъ въ длинный бурятскій халатъ, перехваченный у таліи поясомъ, и отороченный шелкомъ и въ маленькую войлочную монгольскую шапку, надѣтую на бекрень.

Я отрекомандовался секретарю и объяснилъ ему, чего я хочу.

„Вотъ Хинуевъ — сказалъ секретарь, указывая на бурята — переговорите съ нимъ сами.“

При болѣе внимательномъ взглядѣ я увидѣлъ, что Хинуевъ былъ уже значительно подвыпивши, несмотря на ранній часъ. Впрочемъ, это ничуть не мѣшало ему вполнѣ владѣть своими способностями, — которыя, очевидно, были велики, — и вести себя съ соотвѣтственной его званію важностью. Съ первыхъ же словъ онъ съумѣлъ обойти меня вполнѣ и взять съ меня вѣроятно втрое больше денегъ, чѣмъ было нужно на приготовленія къ экскурсіи. Я далъ ему 17 руб.— болѣе, чѣмъ все его мѣсячное жалованье.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія на станцію, явился туда и Хинуевъ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ преобразился до неузнаваемости: надѣлъ длинный свѣтлоголубой шелковый халатъ, перехваченный малиновымъ поясомъ съ серебряной пряжкой, новые сапоги и красную войлочную блюдообразную шапку,

прихваченную подъ подбородкомъ разноцвѣтными лентами. За это время онъ успѣлъ, очевидно, выпить еще нѣсколько рюмокъ водки и былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Напыщенная важность сановника исчезла безслѣдно и замѣнилась легкомысленной фривольностью, мало подходившей къ его возрасту. Я никогда въ жизни не видалъ такого оригинальнаго полицейскаго чиновника и не безъ тревоги думалъ о ожидающемъ насъ пріемѣ у Великаго Ламы.

Скоро къ почтѣ подъѣхала нанятая Хинуевымъ повозка, запряженная тремя жалкими бурятскими клячами, и мы начали собираться въ путь. На мой вопросъ, не нужно ли захватить съ собой провизіи, Хинуевъ отвѣчалъ отрицательно; „но если у Васъ есть „сумасшедшія капли“ — прибавилъ онъ съ наглохитрой улыбкой — захватите ихъ съ собой; сумасшедшія капли всегда полезны.“ Мы сложили въ телѣгу наши одѣяла, полушубки и большую дорожную фляжку, наполненную водкой, и кое-какъ усѣлись. Я съ Фростомъ помѣстились у задка телѣги, Хинуевъ у нашихъ ногъ. Всѣмъ намъ было тѣсно и неловко; но мы отчасти уже привыкли къ всевозможнымъ дорожнымъ неудобствамъ, а Хинуевъ, неоднократнымъ возліяніямъ, былъ въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что не замѣчалъ ничего. Онъ говорилъ безъ устали. Замѣтивъ, что мы, съ своей стороны, больше слушали, чѣмъ говорили, онъ, повидимому, объяснилъ нашу молчаливость тѣмъ подавляющимъ дѣйствіемъ, которое произвели на насъ его величіе и могущество, и захотѣлъ насъ ободрить. „Вы не безпокойтесь, что я начальникъ полиціи, — сказалъ онъ мнѣ съ дружеской снисходительностью, — я для Васъ обыкновенный человѣкъ.“

Я поблагодарилъ его за такую снисходительность, и онъ продолжалъ безъ устали болтать всякій вздоръ, очевидно желая изгнать изъ насъ послѣдніе слѣды боязни и стѣсненія передъ его особой. Проѣхавъ верстъ 5 мы остановились, чтобъ пересѣсть поудобнѣе, и Хинувъ тотчасъ намекнулъ „что теперь самый удобный моментъ принять нѣсколько „сумасшедшихъ капель.“ Я передалъ ему флягу. Онъ, прежде чѣмъ выпить, налилъ нѣсколько капель себѣ въ ладонь и брызнулъ ими на четыре стороны свѣта, въ видѣ жертвы своимъ богамъ, затѣмъ проглотилъ двѣ рюмки, крякнулъ и съ удивительнымъ безстыдствомъ сказалъ, презрительно морщась: „простая кабачная!“ Это меня нѣсколько взорвало, и я не могъ ему не замѣтить, что разъ это, — по его мнѣнію, — „простая

кабачная“ — ему слѣдовало бы остановиться на первой рюмкѣ и не отравлять себя второю. Мое замѣчаніе, однако, прошло незамѣченнымъ; я склоненъ даже думать, что онъ не понялъ его смысла, и онъ продолжалъ отъ времени до времени прибѣгать къ моей фляжкѣ, пьянѣя все больше и больше. Велъ онъ себя все время возмутительно: бросался на несчастнаго ямщика и, хватая его за горло, заставлялъ ѣхать быстрѣе; повелительно кричалъ и ругалъ попадавшихся на дорогѣ бурятовъ и разъ, встрѣтивъ миловидную бурятку, ѣхавшую верхомъ, приказалъ ей остановиться, слѣзть съ коня и подойти къ нему за поцѣлуемъ. Все это онъ продѣлывалъ, очевидно, для того, чтобы поразить и вызвать въ насъ завистливое удивленіе передъ его всемогуществомъ и тѣмъ страхомъ, который онъ внушалъ окружающимъ. Онъ не забывалъ, конечно, и фляжки, и я началъ серьезно бояться, чтобы онъ не сталъ для насъ совершенно безполезенъ и чтобы Великій Лама, замѣтивъ его состояніе, не приказалъ бы утопить его въ озерѣ. Но я слишкомъ мало зналъ Хинуева!

Верстахъ въ 20 отъ Селенгинска мы поднялись на перевалъ и передъ нами открылась долина Гусинаго озера, тихія воды котораго были окаймлены голыми, низкими берегами, съ пожелтѣвшей отъ морозовъ травою. Деревьевъ почти нигдѣ не было видно, и, вообще, вся долина производила мрачное впечатлѣніе заброшеннаго мертваго царства. По ту сторону озера, у его западнаго края виднѣлось, большое бѣлое зданіе, окруженное деревянными бурятскими жильями. Это и былъ знаменитый „дацанъ.“

При видѣ святыни Хинуевъ, который былъ уже почти пьянъ въ 10 час. утра и съ тѣхъ поръ не переставая прикладывался къ моей фляжкѣ, началъ замѣтно трезвѣть: А когда, черезъ полъ-часа, мы огибали озеро, онъ соскочилъ съ повозки и попросилъ насъ немного обождать, пока онъ нѣсколько освѣжитъ свою голову холодной водой. Послѣ этой операціи онъ вернулся къ повозкѣ совершенно трезвымъ, полнымъ суровой важности, приличествующей полицейскому чиновнику, и началъ давать намъ нужныя наставленія, какъ вести себя, причемъ особенно настаивалъ на необходимости глубокаго почтенія къ особѣ Великаго Ламы.

„А какъ же величать Васъ“ — внезапно спросилъ онъ меня и, видя, что я не понимаю вопроса, объяснилъ: „Какой у васъ чинъ?“

— Въ нашей странѣ нѣтъ чиновъ — отвѣчалъ Фростъ. — Мы простые американскіе граждане.

— Значитъ Вы не дворяне?

— Нѣтъ — отвѣчали мы.

— У васъ нѣтъ никакого титула?

— Нѣтъ.

— И вы не на службѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же Вы путешествуете по Сибири?

— Для собственнаго удовольствія — отвѣчали мы.

— Значитъ вы — богачи?

— Нѣтъ, мы не богачи.

Хинуевъ былъ пораженъ и разочарованъ. Значитъ ему приходилось представлять Великому Ламѣ двухъ ничтожныхъ иностранцевъ, безъ чина, безъ званія, безъ положенія, безъ богатства. . .— " Такъ я доложу, — сказалъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — что вы — важные сановники, посланные правительствомъ Великой Американской — какъ вы сказали, республики? — Великой Американской республики. чтобы изслѣдовать Сибирь; что ваше правительство хочетъ купить ее у нашего Государя."

Между тѣмъ мы въѣхали въ деревню. Хинуевъ совершенно перемѣнился. Онъ сталъ скроменъ и почтителенъ, сидѣлъ, вытянувшись въ струнку, съ открытой головой. Это — онъ началъ играть свою комедію. Онъ хотѣлъ показать, что люди, которыхъ онъ везетъ къ Великому Ламѣ, — такіе важные господа, что даже онъ, Хинуевъ, начальникъ полиціи, не осмѣливается быть при нихъ въ шапкѣ.

Мы подъѣхали прямо къ дому Ламы, гдѣ были встрѣчены нѣсколькими буддистскими монахами, съ бритыми головами, въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ, подпоясанныхъ черными поясами. Хинуевъ, — все съ открытой головой — быстро соскочилъ съ повозки и съ утрированнымъ подобострастіемъ началъ высаживать меня, каждымъ жестомъ своимъ говоря окружающимъ: „не смотрите, что у этого человѣка такая непредставительная наружность, помятая рубаха и короткій сюртучекъ; это важный чиновникъ — incognito."

Пріемная, въ которую насъ ввели, была большая холодная комната, покрытая узорными коврами мѣстной работы и уставленная нѣсколькими тяжелыми русскими стульями и кушеткой, обитой голубымъ репсомъ. На стѣнахъ висѣли виды разныхъ

буддистскихъ монастырей въ Монголіи и Тибетѣ, портреты знаменитыхъ буддистскихъ святыхъ, плохіе литографическіе портреты Александра II и Александра III и фотографическая карточка германскаго императора.

Бывшіе въ комнатѣ студенты и прислужники говорили между собой шепотомъ, какъ бы боясь разбудить Великаго Ламу и, вообще, вели себя благоговѣйно. Въ комнатѣ было холодно и сыро. Хинуевъ, замѣтивъ, что мы прозябли, почтительно предложилъ намъ перейти на солнечную сторону. Вообще, онъ продолжалъ играть ту же комедію: молчалъ, отвѣчалъ только на вопросы, сидѣлъ на кончикѣ стула и старался по глазамъ угадать наши желанія.

Послѣ получаса ожиданія Хинуевъ, выходившій на развѣдки, поспѣшно вбѣжалъ въ комнату и провозгласилъ: „идетъ“. Черезъ минуту дверь широко распахнулась и появился Великій Лама. Это былъ 60-лѣтній бурятъ, средняго роста, съ безбородымъ, морщинистымъ, но добродушнымъ лицомъ сѣверномонгольскаго типа. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно роскошно: — въ длинный, шитый золотомъ халатъ изъ оранжеваго шелка, отороченный пурпуровымъ бархатомъ и съ подкладкой изъ голубаго атласа. Черезъ плечо у него былъ перекинутъ красный шелковый шарфъ, въ ядръ шириною и въ 5 ядровъ длиною. Его голову украшала высокая остроконечная шапка изъ краснаго войлока; ея концы откидывались назадъ, какъ у русскаго башлыка, и были сплошь вышиты золотомъ. Всѣ принадлежности костюма были изъ самыхъ дорогихъ тканей, а различные яркіе цвѣта окружали особу Великаго Ламы блескомъ и великолѣпіемъ.

Лама встрѣтилъ насъ безъ малѣйшаго замѣшательства, и съ безстрастнымъ лицомъ выслушалъ длинную, изукрашенную рѣчь Хинуева, въ которой тотъ давалъ ему фантастическій отчетъ о нашихъ особахъ. Великій Лама пригласилъ насъ на чай, сервированный по русски — изъ самовара. За чаемъ я попросилъ у него позволенія посмотрѣть храмъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ только онъ узналъ, что у него такіе почетные гости, онъ тотчасъ отдалъ распоряженіе, чтобы открыли храмъ и отслужили въ немъ молебенъ. Онъ самъ нездоровъ и не можетъ служить, но Хинуевъ пойдетъ съ нами и позаботится обо всемъ. Затѣмъ мы раскланялись съ большими церемоніями, конечно, — и мы съ Хинуевымъ отправились въ храмъ.

Бурятскій „дацанъ“ есть, собственно, монастырь. Онъ расположенъ обыкновенно въ уединенной мѣстности, вдали отъ

селъ и деревень, и состоитъ изъ собственно „дацана“ — храма и нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ зданій, въ которыхъ живутъ ламы, студенты, прислужники и пилигримы, сходящіеся сюда въ опредѣленные дни. Во время нашего посѣщенія $^3/_4$ домовъ стояли пустыми. Самый храмъ находился въ срединѣ обширной, поросшей травой, площадки. Это было квадратное зданіе, представляющее собою нѣчто въ родѣ трехъярусной пирамиды, кирпичное, покрытое бѣлой известкой и изукрашенное по карнизамъ и надъ портикомъ массою красныхъ и черныхъ орнаментовъ.

Внутренность „дацана“ представляла обширную, полуосвѣщенную залу. Круглыя колоны, окутанныя красною тканью, поддерживали потолокъ; стѣны были сплошь покрыты изображеніями святыхъ мѣстъ и людей и свѣтлыми драпировками; цвѣтныя хоругви, фонарики и флаги висѣли повсюду; вообще внутренность храма была до такой степени переполнена всякими аксесуарами, что непривычный глазъ терялся въ этой пестротѣ, которая, въ общемъ, производила чрезвычайно оригинальное и сильное впечатлѣніе. Въ глубинѣ храма находился алтарь съ тремя большими креслами, покрытыми золотой парчей и желтыми подушками. Это были троны, предназначаемые для Великаго Ламы, Шеретуя (главный Лама Дацана) и его помощника. Послѣдніе два трона при нашемъ входѣ были заняты. Противъ нихъ, въ два ряда, лицомъ къ лицу, на длинныхъ диванахъ сидѣли по татарски, съ поджатыми ногами, 17 ламъ, однообразно одѣтыхъ въ шелковые желтые халаты. Передъ каждымъ изъ нихъ, на маленькихъ красныхъ столикахъ, лежало по нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ. Передъ двумя изъ нихъ стояли на деревянныхъ подпоркахъ громадные барабаны, а передъ двумя другими, желѣзныя трубы, футовъ въ 8 длины. Стулья, приготовленные для насъ, находились въ центрѣ, между двумя рядами ламъ.

Зрѣлище, въ первыя минуты, показалось мнѣ болѣе величественнымъ и оригинальнымъ, чѣмъ я ожидалъ. Полумракъ, высокіе желтые троны, вырисовывающіеся въ глубинѣ алтаря, блескъ и обиліе декорацій, колоссальные барабаны и трубы, густая черная толпа студентовъ и прислужниковъ въ одномъ концѣ, и два ряда блестящихъ оранжевыхъ ламъ въ другомъ, — придавали картинѣ какой-то новый, полудикій блескъ . . . Съ минуту послѣ нашего входа въ храмъ царила полная тишина. Затѣмъ Шеретуй взмахнулъ маленькой трещеткой, и въ

отвѣтъ на этотъ сигналъ разразилась невозможная музыка, произведенная звономъ цимбалъ, громомъ барабановъ, звяканіемъ колокольчиковъ, гуломъ громадныхъ желѣзныхъ трубъ, звуками роговъ и иныхъ инструментовъ. Это не была какая-нибудь мелодія; это не была музыка; это была просто ужасная инструментальная какофонія, которая продолжалась съ минуту. Затѣмъ она внезапно прекратилась, и 17 ламъ запѣли кокой-то быстрый, дикій гимнъ, низкими монотонными голосами, въ унисонъ. Къ концу каждой строфы присоединялся акомпаниментъ цимбаловъ и барабановъ. Пѣніе продолжалось нѣсколько минутъ. За нимъ снова послѣдовала прежняя инструментальная какофонія, отъ которой не устояли бы іерихонскія стѣны. Вся служба состояла изъ перемежавшихся такимъ образомъ музыки и пѣнья и тянулась минутъ 15. Этого было болѣе чѣмъ достаточно.

Послѣ службы мы обошли внутренность храма. Въ алтарѣ, за перегородкой находились три громадныхъ идола, изображенныхъ сидящими въ обычной буддисткой позѣ. Передъ каждымъ изъ нихъ стояли зажженныя масляныя свѣчи, фарфоровыя чашки съ рисомъ, пшеницей и просомъ, искуственные цвѣты, курящіяся бумажки, и бронзовыя чашки съ святою водою. Вдоль стѣнъ стояли шкапы съ стеклянными дверцами, набитые тысячами маленькихъ „бурхановъ“ (идоловъ). Они представляли безконечное разнообразіе типовъ и должны были изображать канонизированныхъ святыхъ или сверхъестественныя существа. По объясненію Хинуева эти бурханы въ буддитскомъ храмѣ играютъ туже роль, какую играютъ образа въ русскомъ, но, по внѣшности нѣкоторыхъ изъ нихъ можно думать, что „бурханъ“ можетъ быть изображеніемъ не только добраго, но и злаго духа, — вообще — сверхъестественнаго существа. — Въ одномъ углу „кумирни“ (комнаты, въ которой помѣщались бурханы,) стояло молитвенное колесо, состоящее изъ полаго цилиндра, вращающагося на оси. Въ него вѣрующіе кладутъ свои молитвы и заклинанія. — При насъ, впрочемъ, колесо это въ ходъ не пускали.

Изъ кумирни мы поднялись на верхній этажъ, гдѣ нашли новыхъ бурхановъ и коллекцію священныхъ книгъ. Если бы мнѣ не сказали раньше, я не принялъ бы ихъ за книги. Это были прямоугольные листы тонкой китайской бумаги, 14 фут. длины и 4 ширины, сложенные между деревянными или картонными пластинками и перевязанные разноцвѣтными лентами. Печать была только на одной сторонѣ листовъ. На иныхъ

листахъ были попытки иллюстрацій и виньетокъ, попытки, надо признаться, мало удачныя.

Осмотрѣвъ главный храмъ, мы перешли въ близлежащую часовню, въ которой помѣщался одинъ изъ главныхъ бурхановъ — Майдера — колоссальная человѣческая фигура, въ сидячемъ положеніи, искустно вырѣзанная изъ дерева, раскрашенная и позолоченная. Она нѣмала футовъ 35 въ вышину и стояла въ центрѣ часовни, окруженная хоругвями, флагами и фонарями. Передъ этимъ идоломъ тоже стояли всевозможныя приношенія и курились фиміамы. Затѣмъ мы перешли въ третье зданіе, заключавшее въ себѣ священнаго бѣлаго слона. Я до сихъ поръ всегда ассоціировалъ поклоненіе бѣлому слону съ Сіамомъ и потому не мало удивился, очутившись здѣсь передъ этой святыней. Слонъ Гусинаго озера былъ искустно вырѣзанъ изъ дерева какимъ то трудолюбивымъ ламой, окрашенъ въ бѣлый цвѣтъ и поставленъ на четыре низкія колеса. Онъ былъ нѣсколько меньше настоящаго слона, и его клыки были придѣланы подъ угломъ, который удивилъ бы натуралиста, но все же сходства было болѣе чѣмъ достаточно. Бѣлый слонъ играетъ не послѣднюю роль среди здѣшнихъ святынь. Такъ, въ великій годовой ламаистскій праздникъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, его впрягаютъ въ роскошный ковчегъ, въ которомъ помѣщается одинъ изъ важнѣйшихъ бурхановъ и торжественно провозятъ вокругъ храма при адскомъ шумѣ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ парадно разодѣтыхъ ламъ.

Пока мы осматривали бѣлаго слона, для насъ приготовлялось другое интересное зрѣлище: священный „танецъ бурхановъ.“ Этимъ мы были обязаны дипломатіи Хиннуева. Танецъ долженъ былъ происходить на площадкѣ передъ „дацаномъ“, гдѣ были приготовлены мѣста для музыкантовъ, для Шеретуя и для насъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, по данному сигналу, на площадку вбѣжали 12—15 самыхъ дикихъ по виду фигуръ и, подъ аккомпаниментъ цимбалъ и трубъ, начали ритмическій, медленный танецъ. 4—5 изъ танцоровъ имѣли на лицахъ маски, изображавшія скалящихъ зубы монгольскихъ демоновъ; двое — человѣческіе черепа; одинъ — рогатую голову сибирскаго оленя; другой — быка, и нѣсколько человѣкъ, — безъ масокъ, — изображали добрыхъ духовъ. Эти послѣдніе были въ высокихъ вышитыхъ шапкахъ, съ какими то золоченными украшеніями ввидѣ сердца на верху и съ обнаженными кинжалами въ рукахъ. Танецъ долженъ былъ изображать, повидимому,

борьбу злыхъ духовъ съ добрыми и побѣду послѣднихъ, но, впрочемъ, я никакъ не могъ добиться толку отъ Хинуева, практическій умъ котораго не былъ склоненъ къ символизму. Танцоры были одѣты чрезвычайно роскошно. Въ ихъ костюмахъ, — крайне сложныхъ, — преобладали яркіе цвѣта, золото и серебро. Они были увѣшены маленькими колокольчиками и трещетками, которые сопровождали звономъ движенія танцующихъ. Представленіе продолжалось минутъ 15, и послѣдними удалились со сцены фигуры съ обнаженными кинжалами — добрые духи.

Когда мы вернулись въ домъ Великаго Ламы насъ ждалъ уже обильный обѣдъ съ мадерой для насъ, — посланниковъ Великой Американской Республики, и съ водной — для Хинуева. Послѣ обѣда мы довольно долго бесѣдовали съ Великимъ Ламой о моей странѣ, о географіи, и, главнымъ образомъ, о формѣ земли. Трудно, казалось бы, встрѣтить въ XIX вѣкѣ „образованнаго“ человѣка, занимающаго важный постъ, который никогда не слыхалъ бы Америкѣ и не былъ бы убѣжденъ въ шарообразности земли. Но Великій Лама былъ такимъ человѣкомъ.

— Вы были во многихъ странахъ — сказалъ онъ мнѣ черезъ переводчика — и бесѣдовали съ мудрыми людьми запада; каково ваше мнѣніе о формѣ земли?

— Я думаю —, отвѣчалъ я, — что земля похожа на большой шаръ.

— Слышалъ я это отъ русскихъ чиновниковъ, — сказалъ Лама, задумчиво глядя въ пространство, — но такой взглядъ противорѣчитъ ученію нашихъ старыхъ тибетскихъ книгъ, хотя я и замѣтилъ, что русскіе ученые люди правильно предсказываютъ затмѣнія... Но почему Вы думате, что земля кругла?

— По многимъ основаніямъ — отвѣчалъ я. — Но можетъ быть самое сильное основаніе у меня то, что я обѣхалъ вокругъ ея.

— Какъ?! — изумился Лама. — Что Вы понимаете подъ этимъ? И почемъ же Вы знаете, что Вы объѣхали вокругъ земли?

— Потому что я ѣхалъ изъ дому все въ одномъ направленіи, по солнцу, и черезъ много мѣсяцевъ вернулся домой. Я переѣзжалъ моря и земли. Каждую ночь солнце заходило передо мной и каждое утро оно всходило за мною. Земля постоянно казалась мнѣ плоскою, но я нигдѣ не нашелъ ея начала и конца и, въ концѣ концевъ, проѣхавъ больше 30.000 верстъ, я снова очутился въ моей странѣ и пріѣхалъ домой со сто-

роны, противоположной той, откуда я поѣхалъ. Если бы земля была плоская, я не могъ бы сдѣлать этого.

— Это странно — сказалъ Лама послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья. — Гдѣ ваша страна? Далеко она отъ Петербурга?

— Она дальше отъ Петербурга, чѣмъ Петербургъ отсюда. Она лежитъ почти подъ нашими ногами. И если бы можно было пройти насквозь земнаго шара, то это была бы самая короткая дорога въ мою страну.

— Значитъ ваши соотечественники ходятъ внизъ головами подъ нашими ногами? — сказалъ Лама съ очевиднымъ изумленіемъ, но все съ тѣмъ же безстрастнымъ лицомъ.

— Да — отвѣчалъ я. — И имъ кажется, что мы здѣсь ходимъ внизъ головами.

Затѣмъ Великій Лама попросилъ меня подробно описать дорогу изъ Америки въ Сибирь и названія странъ, черезъ которыя мы проѣхали. Онъ зналъ, что на Западѣ Россіи лежитъ Германія; онъ слышалъ о Индіи и Англіи, — вѣроятно, черезъ Тибетъ, и имѣлъ смутное представленіе о Тихомъ Океанѣ. Но объ Атлантическомъ океанѣ и объ Американскомъ материкѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. — Послѣ длинной бесѣды, въ которой мы разсмотрѣли вопросъ о шарообразности земли со всѣхъ точекъ зрѣнія, Великій Лама, кажется, хотя отчасти убѣдился въ истинности этого ученія, и сказалъ со вздохомъ: „Это противорѣчитъ нашимъ книгамъ; но, должно быть, русскіе ученые правы.“

Замѣчательно, что докторъ Эрманъ, единственый иностранецъ, посѣтившій до насъ „Дацанъ“ Гусинаго озера, имѣлъ почти буквально такой же разговоръ съ тогдашнимъ Великимъ Ламой (1828 г.) Почти 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ — и вѣроятно пройдетъ еще 60 лѣтъ, а ученіе о шарообразности земли будетъ также смущать умы Ламъ на Гусиномъ озерѣ.

Около 5 часовъ по полудни, обмѣнявшись фотографіями съ Великимъ Ламой, и поблагодаривъ его за любезность и гостепріимство, мы оставили Гусиное озеро. Хинуевъ игралъ свою комедію до конца, и съ такимъ же подобострастіемъ помогъ намъ сѣсть въ телѣгу, съ какимъ, при пріѣздѣ, помогалъ намъ выйти изъ нея. Насъ почтительно провожала большая толпа чернорясыхъ студентовъ и прислужниковъ.

II.

Русская полиція.

Нѣтъ, вѣроятно, страны въ мірѣ, гдѣ бы полиція занимала болѣе широкое мѣсто, играла болѣе важную роль и всестороннѣе отзывалась на частной жизни гражданъ, чѣмъ въ Россіи. Въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народъ — самодержавенъ, функціи полиціи опредѣлены строго и ясно; ея дѣло — предупреждать и открывать преступленія, и поддерживать порядокъ въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Россіи же, гдѣ народъ относится къ своему правительству, какъ опекаемое дитя, положеніе полиціи совершенно иное. Теорія, которой придерживается русское правительство въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ такова, они не только неспособны вести дѣла своей страны, своего округа, но даже свое домашнее хозяйство; съ того мгновенія, когда русскій гражданинъ оставляетъ свою колыбель, до того, когда его уносятъ въ могилу, въ теченіи всей его жизненной карьеры его никогда, ни на минуту нельзя предоставить самому себѣ; его всегда должно вести на помочахъ, направлять, удерживать, толкать, указывать правильный и спасительный для него путь. Естественнымъ послѣдствіемъ этой патріархальной теоріи является средоточіе власти въ рукахъ бюрократической олигархіи и безграничное расширеніе полицейской власти. Дѣла, предоставляемыя во всѣхъ странахъ личности или мелкимъ группамъ личностей, въ Россіи регулируются министромъ черезъ посредство императорской полиціи. Такъ, если вы желаете издавать газету, вы должны получить разрѣшеніе отъ министра*), если вы хотите открыть воскресную школу, въ заброшенномъ-ли уголкѣ Петербурга, въ родной-ли

*) Иннокентій Кузнецовъ, богатый золотопромышленникъ въ Красноярскѣ цѣлые годы добивался разрѣшенія издавать еженедѣльную газету, и не добился ничего, несмотря на то, что во всей Сибири выходятъ всего 4 газеты, изъ которыхъ одна недавно была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ. Жители Нерчинска, съ 1886 года искавшіе такого же разрѣшенія, такъ же встрѣчали постоянный отказъ, хотя имѣли и средства и литературныя силы. Издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ говорилъ мнѣ, что министръ три раза уже отказалъ ему въ разрѣшеніи выпускать газету 3 раза въ недѣлю, вмѣсто одного раза, — почему — неизвѣстно.
Пр. Кеннана.

деревушкѣ въ Камчаткѣ, — вы должны получить разрѣшеніе отъ министра*); если вы хотите устроить концертъ или выставку картинъ съ какою-нибудь благотворительной цѣлью, вы должны получить разрѣшеніе отъ мѣстнаго представителя министра, представить ему для одобренія программу и сборъ передать ему же въ руки, хотя бы вы и опасались, — не безъ основанія часто—, что онъ не дойдетъ по назначенію**). Если хотите быть разносчикомъ газетъ, вы должны быть записаны въ книгу и повѣсить на шею мѣдную бляху съ блюдо величиною, свидѣтельствующую ваше право на это занятіе. Если вы хотите открыть лавку, типографію, фотографію, вы должны имѣть разрѣшеніе. Если вы хотите познакомиться въ публичной библіотекѣ съ „Геологіей“ Лайеля или „Соціальной статикой“ Спенсера, вы должны получить спеціальное разрѣшеніе. Докторъ, прежде чѣмъ практиковать, долженъ имѣть разрѣшеніе, также, какъ онъ долженъ его имѣть, чтобы не практиковать — имѣть право не идти на зовъ больнаго. Чтобы прописывать больнымъ „сильнодѣйствующія“ средства, вы должны имѣть спеціальное разрѣшеніе, безъ котораго аптекаря не имѣютъ права выдавать ихъ по вашему рецепту. Если вы хотите отойти на 15 миль отъ своего дома, вы должны имѣть на это разрѣ-

---

*) Многія изъ ссыльныхъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ въ Сибири, имѣли свои первыя столкновенія съ полиціей на этой почвѣ: — онѣ открывали безъ разрѣшенія воскресныя школы или у себя на дому учили крестьянскихъ дѣтей. Поучительную иллюстрацію отношенія русскаго правительства къ людямъ, принимающимъ близко къ сердцу дѣло народнаго образованія можно найти въ „Отечест. Запискахъ“ Февр. 1881 г. 145 стр. Прим. Кеннана.

**) Циркуляръ на этотъ счетъ былъ выпущенъ въ 1882 г. Въ этомъ циркулярѣ разрѣшаются благотворительныя спектакли и увеселенія только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы продажа билетовъ производилась полицейскимъ агентомъ или подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и чтобы сборъ передавался ему же. Мотивировалось это распоряженіе тѣмъ обстоятельствомъ, что иначе злонамѣренные люди могутъ устраивать вечера и пр. якобы съ благотворительной цѣлью, но въ сущности имѣя ввиду помощь революціонерамъ и ссыльнымъ.

Ничто въ Россіи не кажется слишкомъ мелкимъ для государственнаго контроля. Въ бытность мою въ Сибири любители въ Красноярскѣ затѣяли основать маленькое музыкальное общество. И что же? Имъ пришлось представлять свой уставъ и программу для одобренія министра. Даже ученыя общества, какъ напр., Императорс. географическія общества Иркутска и Омска, подвержены этому надоѣдливому и тягостному контролю. Напр., они могутъ избирать предсѣдателя, но этотъ выборъ долженъ быть одобренъ министерствомъ; они могутъ печатать отчеты и „записки“, но представивъ ихъ предварительно на одобреніе цензуры и т. д.

Пр. Кеннана.

шеніе. Если вы иностранецъ, вы должны получить разрѣшеніе на въѣздъ въ имперію, разрѣшеніе на выѣздъ изъ нея, разрѣшеніе оставаться въ ней болѣе шести мѣсяцевъ. . . Однимъ словомъ, вы не можете ни жить, ни передвигаться, ни дышать безъ разрѣшенія русской полиціи.

Полиція, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ во главѣ, контролируетъ, при помощи паспортовъ, передвиженія всѣхъ обывателей; держитъ подъ постояннымъ надзоромъ тысячи „подозрительныхъ"; продаетъ не выкупленные заклады; представляетъ суду банкротовъ; выдаетъ свидѣтельства о поведеніи; наблюдаетъ за исправленіемъ дорогъ и мостовъ, за театральными и иными представленіями; собираетъ статистическія данныя; блюдетъ за исполненіемъ санитарныхъ распоряженій; производитъ обыски въ частныхъ домахъ; читаетъ письма подозрительныхъ лицъ; „увѣщеваетъ" уклоняющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей, и, вообще, слѣдитъ за надлежащимъ исполненіемъ тысячъ разнообразныхъ постановленій и узаконеній, имѣющихъ ввиду благосостояніе подданныхъ и безопасность государства. Законодательство, относящееся къ полиціи, занимаетъ собою болѣе 5000 параграфовъ Свода Законовъ, и едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ провинціяхъ и деревняхъ, вдали отъ центровъ, полиція есть всемогущій и всепроникающій регуляторъ жизни россійскихъ гражданъ — нѣчто въ родѣ бюрократическаго замѣстителя божественнаго провидѣнія.

Чтобы яснѣе представить читателю характеръ и безконечное разнообразіе отношеній, регулируемыхъ въ Россіи полиціею, я приведу здѣсь, наугадъ, нѣкоторыя изъ распоряженій, перечисленныхъ въ циркулярахъ губернаторамъ министра внутреннихъ дѣлъ 1880—1884 годовъ. Вотъ что, между прочимъ возлагалось ими на императорскую полицію:

1) Наблюдать за религіознымъ воспитаніемъ въ свѣтскихъ школахъ.

2) Предупреждать случаи конокрадства.

3) Разрѣшать на сценѣ такія-то и такія-то драмы.

4) Не допускать продажи пилюль Шиманскаго.

5) Не дозволять крестьянамъ портить молодыя березки для украшеній церквей и частныхъ домовъ по праздничнымъ днямъ.

6) Проставлять примѣты на еврейскихъ паспортахъ.

7) Выработать условія пользованія минеральными водами больными и ранеными офицерами.

8) Запрещать продажу зерна на мѣру, а не на вѣсъ.

9) Выработать правила касательно ношенія бѣлыхъ чехловъ на офицерскихъ фуражкахъ.

10) Слѣдить, чтобы устраивали сборы въ пользу святыхъ мѣстъ только тѣ, кто имѣетъ на это разрѣшеніе.

11) Контролировать надписи на книжкахъ папиросной бумаги.

12) Слѣдить за тѣмъ, чтобы на земскихъ или думскихъ собраніяхъ ораторы не позволяли себѣ выходить изъ предѣловъ, имъ отведенныхъ.

13) Не допускать эмиграціи сектантовъ въ Закавказье.

14) Слѣдить за надлежащимъ способомъ постройки домовъ въ деревняхъ.

15) Не допускать употребленія въ школахъ книгъ и школьныхъ пособій, не одобренныхъ министерствомъ народ. просвѣщ. и церковною властью.

16) Наблюдать, чтобы разрѣшенія театральныхъ и иныхъ представленій выдавались въ установленномъ порядкѣ.

17) Не допускать въ продажу хининъ дурнаго качества.

18) Регулировать цензуру печатныхъ визитныхъ карточекъ, прейскурантовъ, пригласительныхъ билетовъ и т. п.

Вотъ немногіе, наугадъ взятые, изъ безчисленнаго множества предписаній, циркуляровъ и распоряженій, касающихся юрисдикціи русско императорской полиціи. Далеко не всѣ они, конечно, исполняются, ибо это выше силъ какого бы то ни было учрежденія. Но, исполняемыя или неисполняемыя, онѣ стоятъ непреодолимою и вездѣсущею преградою личной самодѣятельности и въ корнѣ подрываютъ всякую инициативу.

Американцу трудно понять, даже представить, подобныя отношенія между народомъ и его правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте вообразить, что нью-іорскій губернаторъ циркулярно обязываетъ всѣхъ гражданъ его штата представлять ему для цензуры ихъ личныя печати, ихъ визитныя карточки, а въ Россіи это никому не кажется страннымъ, и часто можно наблюдать еще болѣе невѣроятныя вещи, чѣмъ контроль власти надъ продажею зубныхъ щетокъ и порошка противъ клоповъ. Передо мной лежитъ рапортъ полицейскаго пристава, написанный на форменномъ бланкѣ, въ которомъ онъ докладываетъ по начальству, что онъ, согласно предписанію отъ такого-то числа, являлся къ такимъ-то и такимъ-то лицамъ и „увѣщевалъ“ ихъ не уклоняться отъ обязанности причащенія, подъ опасеніемъ

подвергнуться полицейскому взысканію. Употребленіе полицейской власти, какъ средства принуждать нерадивыхъ исполнять ихъ религіозныя обязанности; отправка вооруженнаго чиновника съ порученіемъ притащить лукаваго христіанина къ алтарю и заставить его ѣсть и пить символъ тѣла и крови Христовой! — Это что-то невиданное, смѣю думать, нигдѣ, кромѣ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ міръ пережилъ мрачную эпоху варварства и инквизиціи.

Здѣсь я хочу набросать читателю организацію этого учрежденія, на которою въ Россіи возлагаются, между прочимъ, такія необыкновенныя обязанности, и привести нѣсколько иллюстрацій, показывающихъ, *какъ* оно ихъ исполняетъ.

Русскую полицію можно раздѣлить на 4 отдѣла: *сельскую*, въ которую входятъ *урядники*, назначаемые правительствомъ, и *сотскіе* и *десятскіе*, избираемые міромъ; обыкновенную *городскую*, обязанности которой совпадаютъ съ обязанностями нашей муниципальной; *секретную* и *жандармерію*. Эта классификація не вполнѣ точна: — есть нѣсколько родовъ жандармовъ, тайная полиція тоже подраздѣляется на нѣсколько подъ-отдѣловъ, — но для моей цѣли достаточна.

Тайная полиція и жандармскій корпусъ были до недавняго времени въ вѣденіи „Третьяго Отдѣленія“ Императорской Канцеляріи и составляли совершенно независимый Департаментъ Государственной Полиціи, занятый исключительно политическими преступленіями. Послѣ уничтоженія Третьяго Отдѣленія онъ былъ, наравнѣ съ прочими родами полиціи, подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ. Чрезвычайно трудно опредѣлить съ точностью численный составъ русской полиціи. По даннымъ „Голоса“ въ 1882 году полиція обошлась государству въ 12.000.000 руб. Если положить среднюю величину жалованья на человѣка въ 300 руб., то численный составъ опредѣлится въ 40.000 чел., но надо думать, что въ дѣйствительности онъ гораздо значительнѣе. Опредѣлить численность сельской полиціи, не оплачиваемой государствомъ, еще труднѣе. 1-го мая 1886 год., „Правительственный Вѣстникъ“ опубликовалъ списокъ городовъ, селъ и деревень, въ Европейской Россіи, гдѣ производится розничная продажа питей. Такихъ мѣстностей оказалось 268.928. Но въ каждой изъ нихъ надо предположить по меньшей мѣрѣ 2-хъ полицейскихъ; значитъ число ихъ болѣе полумилліона. Урядниковъ считается 5-6.000. Они распредѣлены по „станамъ“, находящимся въ вѣденіи „становыхъ при-

ставовъ“ (въ Сибири: засѣдателей); нѣсколько становъ приходится на каждаго исправника; нѣсколько исправниковъ — на губернатора. Урядники имѣютъ присвоенный имъ мундиръ и вооруженіе. Жалованье имъ полагается крайне жалкое — отъ 50—100 долларовъ въ годъ. Находить при такихъ условіяхъ честныхъ и способныхъ людей для этой должности очень трудно, если не возможно; идутъ сюда худшіе элементы,— отбросъ населенія. Большинство ихъ—люди невѣжественные и неспособные; меньшинство — пользуется своимъ умомъ для вымогательствъ и взятокъ, опираясь на безконечное разнообразіе неисполнимыхъ министерскихъ циркуляровъ и распоряженій. Напримѣръ. Министръ одушевленный самыми благими намѣреніями, издаетъ циркуляръ, по которому, во избѣжаніе частыхъ пожаровъ въ лѣтнюю пору, крестьяне должны обмазывать соломенныя крыши своихъ избъ слоемъ жидкой глины. Становой, на обязанности котораго лежитъ оповѣстить свой станъ о новомъ распоряженіи, нарочно ждетъ самой горячей поры лѣтней страды, когда каждый часъ такъ дорогъ крестьянину, тогда созываетъ сходъ, читаетъ циркуляръ и настаиваетъ на его немедленномъ исполненіи. Крестьяне въ отчаяніи. Они не могутъ терять нѣсколькихъ дорогихъ дней и, наученные горькимъ опытомъ, спрашиваютъ станового: „сколько?“ Становой ломается, указываетъ на опасность, которой онъ подвергается, если не исполнитъ распоряженія начальства; его могутъ уволить со службы; у него семья; но онъ понимаетъ и ихъ положеніе — копать въ такую пору глину!— и готовъ пожертвовать своими интересами; пусть несутъ по 20 коп. съ души, и онъ возьметъ грѣхъ на себя. Крестьяне развязываютъ свои мошны, а остроумный становой начинаетъ выискивать еще какой-нибудь завалявшійся циркуляръ, который могъ бы оказать ему такую же услугу.

Но это не худшая форма, которую принимаетъ полицейское вымогательство. Вотъ случай, имѣвшій мѣсто во Сибири, почти на нашихъ глазахъ. Нѣсколько крестьянъ одной деревни Минусинскаго округа согласились нанять барку, сплавить на ней по Енисею запасъ пшеницы въ нѣсколько тысячъ бушедей и продать ихъ въ сѣверной части провинціи непосредственно потребителямъ, минуя скупщиковъ и кулаковъ. Предпріятіе полезное, выгодное для всѣхъ, но оно въ самомъ началѣ наткнулось на препятствія со стороны полиціи. Мѣстный кулакъ, услыхавъ о крестьянской затѣѣ, такъ дерзко нарушавшей его

„права“, поспѣшилъ къ засѣдателю и разсказалъ ему подробно о дѣлѣ. „Ну-съ, дорогой Иванъ Николаевичъ,— закончилъ онъ. — Этого дѣла такъ оставить; вѣдь тутъ намъ можетъ перепасть кое-что“....

— Какимъ образомъ? — спросилъ заинтересованный засѣдатель.

— Да очень просто. Вѣдь эти ребята не могутъ безъ паспорта отлучаться изъ дому дальше, чѣмъ на 30 верстъ. Предположимъ теперь, что по тѣмъ или другимъ основаніямъ—ихъ то не долго найти такому умному человѣку, какъ вы — ну, хоть, бланки у васъ вышли, что-ли, — вы не можете выдать имъ паспорта. Побьются, побьются ребята и продадутъ хлѣбъ мнѣ; я его сплавлю самъ и уже не позабуду и васъ“.

Сказано, сдѣлано. Когда крестьяне явились къ засѣдателю за паспортами, тотъ началъ тянуть дѣло, откладывать выдачу ихъ со дня на день, подъ тѣми или другими предлогами, пока, наконецъ, крестьяне, отчаявшись, не продали свой хлѣбъ кулаку за безцѣнокъ. Пострадали не только производитель и потребитель; пострадала — и это болѣе важно — личная иниціатива и предпріимчивость, эти главные двигатели благосостоянія и прогресса. „Къ чему заботиться, искать новыхъ путей, лучшаго? — должны были сказать себѣ крестьяне послѣ этого опыта — все равно не вырвешься изъ лапъ міроѣда,*) за котораго горой стоитъ начальство.“ И такія дѣла, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, постоянно происходятъ по всему государству, особенно же въ Сибири, гдѣ полиція еще менѣе контролируется, чѣмъ въ Европейской Россіи, и гдѣ ея личный составъ еще ниже. Красивъ, тюменскій исправникъ, такъ любезно принимавшій насъ въ своемъ городѣ, былъ потомъ арестованъ по обвиненію въ вымогательствѣ, осужденъ и сосланъ въ Восточную Сибирь, какъ поселенецъ. Крестьяне, вызванные въ качествѣ свидѣтелей, говорили на судѣ: „Всякій беретъ съ насъ, кто только можетъ — писарь, засѣдатель, исправникъ; мы привыкли ко этому и не жалуемся. Мы и теперь молчали бы, если бы насъ не спросило начальство“. Это свидѣтельство чрезвычайно характеристично для русскаго крестьянина, для того сознанія безпомощности, которое онъ ощущаетъ подъ игомъ русскаго бюрократизма. Онъ привыкъ къ угне-

*) „Міроѣдами“, „кулаками“, „кровопійцами“ и пр. — называютъ крестьяне эксплуататоровъ деревни, которые создаютъ свое богатство на нищетѣ и задолженности односельчанъ. Пр. Кеннана.

тенію; онъ привыкъ къ вымогательству; всегда такъ было; это наказанье божье, отъ котораго нѣтъ спасенія. Никто не знаетъ сколько денегъ вымогаютъ у крестьянъ эти разбойники въ полицейскихъ мундирахъ, но, надо думать, очень и очень много. Исправникъ К—бергъ въ Енисейскѣ хвастался, что онъ ежегодно получаетъ отъ крестьянъ своего округа до 20.000 руб.

Путешествуя по Сибири, я случайно встрѣтился возлѣ Иркутска съ однимъ волостнымъ писаремъ, — назову его Ивановымъ. Когда мы познакомились и разговоръ зашелъ о сибирскомъ взяточничествѣ, Ивановъ сказалъ: „М-ръ Кеннанъ, я беру взятки. Я прекрасно знаю, что это безчестно, но что мнѣ прикажете дѣлать? Я получаю ничтожное жалованье. Мой непосредственный начальникъ, засѣдатель, беретъ взятки; его начальникъ, исправникъ, беретъ взятки; губернаторъ тоже беретъ ихъ. Если бы я вздумалъ не брать ихъ, меня тотчасъ же или арестовали бы, какъ переодѣтаго революціонера, или прогнали бы съ должности за то, что я хочу быть честнѣе и лучше, чѣмъ „сами его превосходительство“.*)

Нѣкоторые изъ способовъ, къ которымъ прибѣгаютъ представители сельской полиціи для вымогательствъ отъ крестьянъ, крайне остроумны и оригинальны. Незадолго до нашего проѣзда черезъ Тюмень, мѣстный засѣдатель получилъ увѣдомленіе, что въ сосѣдней деревнѣ, за околицей, найдено „мертвое тѣло.“ Обязанность засѣдателя въ такихъ случаяхъ, совмѣсто съ докторомъ, произвести слѣдствіе и въ сельской „мертвецкой“ вскрыть трупъ. Въ данную минуту докторъ былъ въ отсутствіи, и засѣдатель отправился одинъ, оставивъ доктору записку. Пріѣхавъ на мѣсто и произведя первоначальное слѣдствіе, онъ приказалъ вести тѣло въ деревню. Онъ зналъ, что въ ней нѣтъ мертвецкой и уже успѣлъ скомбинировать блестящій планъ. Онъ подвезъ тѣло къ дому богатаго крестьянина, у котораго готовились къ свадьбѣ дочери, и распорядился, чтобы, за отсутствіемъ мертвецкой, разлагающійся трупъ, до пріѣзда доктора положили у него въ избѣ. Вы можете легко представить ужасъ крестьянина. Онъ началъ протестовать, просить, умолять,

*) Послѣ фіаско перваго революціоннаго порыва, извѣстнаго подъ названіемъ „хожденія въ народъ“, многіе благородные представители русской интеллигентной молодежи старались занимать въ деревняхъ должности писарей, съ цѣлью помогать народу, научая его признаннымъ закономъ правамъ и защищая его отъ эксплуататоровъ. Ихъ скоро арестовывали, заключая о ихъ революціонности по тому, что они не пьянствовали и не брали взятокъ. Пр. Кеннана.

указывая на дочь, на приготовленія къ свадьбѣ,... но засѣдатель былъ неумолимъ. Ему очень жаль, но онъ только исполняетъ свой долгъ; дѣло это очень важное; найденное тѣло носитъ на себѣ слѣды насильственной смерти; необходимо самое тщательное вскрытіе, и т. д. Крестьянинъ въ отчаяніи; онъ усиливаетъ свои мольбы, намекаетъ, что онъ не пожалѣлъ бы денегъ, чтобы только избавить свою дочь и дѣтей отъ такого ужаснаго зрѣлища . . . При этомъ намекѣ засѣдатель перемѣняетъ тонъ: онъ понимаетъ, какъ тяжело должно быть — имѣть въ своемъ домѣ мертвеца, особенно въ день свадьбы; у него — свои обязанности, но вѣдь и онъ — человѣкъ; онъ готовъ пожалуй пойти на рискъ и избавить крестьянина отъ этого „постоя“, если его хорошо „поблагодарятъ“, и проч. Осталось только установить величину „благодарности“. Поторговавшись, засѣдатель получилъ, кажется, 30 руб., и приказалъ везти мертвое тѣло къ избѣ другого состоятельнаго мужика. Здѣсь таже комедія, и тѣ же результаты въ видѣ 15—20 руб. Ободренный успѣхомъ, засѣдатель объѣхалъ съ своей драгоцѣнностью всѣ мало-мальски состоятельные дома деревни, вездѣ получилъ по нѣсколько рублей отступнаго и затѣмъ оставилъ трупъ въ какомъ-то пустомъ амбарѣ, куда онъ съ такимъ же удобствомъ могъ бы положить его съ самого начала.

Бесѣдуя съ сибирскими крестьянами въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, я узналъ, что этотъ случай — далеко не единственный въ своемъ родѣ. Разъ такое же мертвое тѣло — и съ такимъ же успѣхомъ — совершило объѣздъ *трехъ* деревень. Мертвое тѣло въ сибирскихъ деревняхъ, при той массѣ бродягъ, которые тамъ постоянно проходятъ, — явленіе самое обыкновенное, и крестьяне, найдя такое тѣло, стараются скрыть такую находку, не донося о ней по начальству. Зная, во что имъ обыкновенно обходится слѣдствіе, они или зарываютъ найденный трупъ тайкомъ, или относятъ его ночью къ околицѣ какой-нибудь другой деревни. — „Восточное Обозрѣніе“ сообщаетъ одинъ случай (Вос. Обоз. No 38, 12), когда мертвое тѣло было оставлено въ тюремной камерѣ вмѣстѣ съ живыми арестантами, до тѣхъ поръ пока они не заплатили извѣстнаго выкупа.

Не всѣ способы, къ которымъ прибѣгаютъ полицейскіе чиновники для полученія взятокъ, такъ возмутительны, но многіе изъ нихъ не менѣе оригинальны. Я знаю одинъ случай, гдѣ становой приставъ приказалъ созвать къ себѣ на становую

квартиру всѣхъ крестьянъ одной деревни по крайне важному дѣлу къ 2-мъ часамъ дня. Крестьяне явились и нашли становаго сидящимъ въ полной формѣ за столомъ, на которомъ лежало нѣсколько громадныхъ томовъ „Свода Законовъ“. Оказалось, что онъ получилъ предписаніе ознакомить крестьянъ ввѣренаго ему округа съ законами Россійской Имперіи, и тотчасъ же намѣренъ приняться за его исполненіе. Онъ развернулъ одинъ изъ томовъ и началъ читать несчастнымъ жертвамъ непонятные параграфы, одинъ за другимъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ онъ распустилъ собраніе, приказавъ завтра явиться снова для продолженія чтенія. Конечно, въ тотъ же вечеръ къ нему явилась депутація, чтобы узнать, сколько надо заплатить, чтобы избавиться „отъ законовъ“. За 20 коп. съ души крестьяне получили дипломы „законниковъ“.

Между разнообразными натуральными повинностями сибирскихъ крестьянъ, самая тяжелая — дорожная повинность — является по всей Сибири могущественнымъ средствомъ вымогательства для сельской полиціи. Исправникъ, вмѣсто того, чтобы позволить жителямъ деревни А исправлять дорогу по сосѣдству, отправляетъ ихъ за 50—100 верстъ къ деревнѣ В, а крестьянъ деревни В отсылаетъ къ *А*. Если и такая остроумная комбинація не развязываетъ крестьянскую мошну, у исправника имѣются и другія средства. Онъ не распускаетъ рабочихъ по домамъ, пока не осмотритъ работъ и держитъ иногда по недѣлямъ сотни людей подъ открытымъ небомъ и въ праздности, когда дома ихъ ждутъ неотложныя работы. И все это дѣлается подъ покровомъ закона, и крестьянамъ не остается иного выбора, какъ подчиняться, или платить.

Не мало любопытныхъ исторій слышали мы и о томъ невѣжествѣ, которое проявляетъ сельская полиція въ дѣлахъ политическаго характера. 4—5 лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ убійства революціонерами жандармскаго офицера Судейкина, фотографіи Дегаева, убійцы, были разосланы во всѣ полицейскіе участки имперіи. На оборотной сторонѣ ихъ было напечатано обѣщаніе 10.000 руб. вознагражденія тому, кто укажетъ убійцу, а на лицевой — 6 портретовъ Дегаева: — въ шапкѣ и безъ шапки, въ бородѣ и безъ бороды, въ усахъ и безъ усовъ. Одинъ невѣжественный и вѣчно пьяный полицейскій чиновникъ въ Западной Сибири, прельщенный наградой, арестовалъ четырехъ жалкихъ бродягъ, имѣвшихъ несчастіе отчасти походить на присланныя ему фотографіи, и посадилъ ихъ

въ тюрьму. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ всюду хвалился, что „4-хъ изъ этихъ проклятыхъ Дегаевыхъ," онъ изловилъ, и будетъ держать ихъ пока не поймаетъ „двухъ остальныхъ", чтобы представить начальству сразу всѣхъ и тогда уже навѣрное получитъ не только 10.000 руб., но и орденъ.

Другой полицейскій задержалъ члена Императорскаго Географическаго общества, который предпринялъ орнитологическую экскурсію въ его „царство". Несчастный натуралистъ имѣлъ привычку заносить въ свою записную книгу названія птицъ, которыя ему удавалось ловить. Проницательный полицейскій, прочитавъ въ этой книжкѣ такія записи, какъ: „іюня 13-го — убилъ прекраснаго королевскаго бекаса;" іюня 17-го — сегодня застрѣлилъ Silvia hortensis", сейчасъ же сообразилъ, что передъ нимъ самый отчаянный террористъ, а его книжка — воспоминанія о совершенныхъ имъ убійствахъ, въ которыхъ подъ „королевскимъ бекасомъ" — надо подразумѣвать августѣйшую особу Государя Императора. Натуралиста тотчасъ же, подъ строжайшимъ конвоемъ, отправили въ губернскій городъ.

Мало кто изъ иностранныхъ путешественниковъ, долгое время пробывшихъ въ Россіи, могъ избѣгнуть ареста сельской полиціи. Уиггинсъ, англійскій морякъ, былъ арестованъ въ Сибири и провелъ три дня въ тюрьмѣ; Мэккензи Уоллесъ былъ арестованъ, какъ шпіонъ; Лэндель, англійскій миссіонеръ, былъ арестованъ, какъ пропагандистъ; я и Фростъ были арестованы только потому, что намъ пришлось три раза пройти мимо пермской тюрьмы.

Слѣдующій за сельской полиціей по численности, но стоящій безконечно выше ея по образованію и вліянію, — есть корпусъ жандармовъ и тайной полиціи, который имѣетъ своихъ представителей вездѣ въ странѣ, но особенно въ большихъ городахъ. Мало что извѣстно публикѣ относительно ихъ организаціи, численности и способовъ дѣйствія, сверхъ того, что они подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, и что ихъ главное дѣло — предупрежденіе и раскрытіе политическихъ преступленій. Значительная доля ихъ обязанностей состоитъ въ надзорѣ надъ лицами, подозрѣваемыми въ сочувствіи революціонному движенію и извѣстными на оффиціальномъ языкѣ подъ именемъ „неблагонадежныхъ". Во время восшествія на престолъ Александра III въ Европейской Россіи считалось до 3.000 поднадзорныхъ, да въ Сибири ихъ было до 2.000. Но эти цифры относятся только къ людямъ, находившимся подъ гласнымъ на-

дзоромъ; кромѣ ихъ въ веденіи государственной полиціи всегда находится громадная категорія людей, состоящихъ подъ тайнымъ надзоромъ.

Въ Петербургѣ я имѣлъ случай видѣть бланкъ, на которомъ полицейскій чиновникъ долженъ редижировать ежемѣсячный отчетъ касательно надзора надъ лицомъ, за которымъ ему поручено слѣдить. Онъ состоялъ изъ слѣдующаго ряда вопросовъ:

Департаментъ Государственной Полиціи.
(Бланкъ No 2).

1) Имя, отчество и фамилія лица, находящагося подъ надзоромъ.

2) Гдѣ онъ (или она) живетъ? Часть, кварталъ, улица, домъ и номеръ квартиры.

3) Какъ давно живетъ онъ тамъ и гдѣ жилъ раньше?

4) Занимаетъ ли онъ собственную квартиру или снимаетъ ее у кого. Въ послѣднемъ случаѣ—, кто собственникъ? Его имя, занятіе и прошлое.

5) Живетъ ли онъ одинъ, или съ кѣмъ-либо? Съ кѣмъ?

6) Имѣетъ ли прислугу? Если да, — кого? Если нѣтъ, — кто убираетъ его комнату? Какіе предметы у него въ комнатѣ? Кто и гдѣ живетъ его прачка?

7) Когда и отъ кого получаетъ онъ письма, какъ простыя, такъ и денежныя?

8) Гдѣ онъ обѣдаетъ?

9) Посѣщаетъ ли онъ библіотеку? Если да, — какую? Какія книги бралъ онъ въ теченіи мѣсяца?

10) Чѣмъ онъ занимается у себя на дому?

11) Каковы его средства существованія? Если онъ даетъ уроки, — то кому? Если у него есть какое-нибудь занятіе, — то какое?

12) Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ его въ первый разъ агентъ, которому поручено за нимъ наблюдать? Знаетъ ли онъ этого агента въ лицо?

13) Когда онъ уходитъ изъ дому и когда возвращается?

14) Не находится ли онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ какою-нибудь женщиной (или она — съ мущиной)? Если да, — то съ кѣмъ? Гдѣ она живетъ? Гдѣ они встрѣчаются?

16) Кто бывалъ у него и когда (если возможно имена и адресса посѣтителей)?

16) Не ночевалъ ли кто-нибудь у него? Кто? когда?

17) Кто могъ бы еще засвидѣтельствовать его знакомство съ вышеназаными лицами?

18) Играетъ ли онъ въ карты?

19) Видѣли ли его пьянымъ?

(Этотъ листъ долженъ быть подписанъ агентомъ, скрѣпленъ инспекторами секретной полиціи и переданъ въ Департаментъ Государственной Полиціи).

Прочитавъ этотъ вопросный листъ, можно подумать что начальникъ полиціи, въ рукахъ котораго скопляются подобные ежемѣсячные отчеты, могъ бы легко написать самую подробную и интимную біографію поднадзорнаго... Но и эти мѣры далеко не достигаютъ своихъ цѣлей. Подконъ на Малой Садовой былъ вырытъ, заряженъ 2-мя пудами динамиту и снабженъ баттареями, проволоками и румфордовою спиралью двумя членами террористической организаціи, которые находились именно подъ такимъ надзоромъ. Они имѣли сырную лавку; эта лавка была осмотрѣна какъ разъ за три дня передъ 1-мъ мартомъ, и подкопъ остался не открытымъ. Вообще, я думаю, что способности русской полиціи сильно преувеличиваются. Мнѣ самому, какъ и многимъ другимъ иностранцамъ, удавалось очень часто проводить ее. Мой личный опытъ подтверждается и разсказами нѣсколькихъ сотенъ революціонеровъ, которые годами состязались съ полиціей въ хитрости и ловкости. Въ каждомъ большомъ городѣ имперіи всегда были десятки и сотни революціонеровъ, неизвѣстныхъ полиціи; гектографированныя и литографированныя брошюры,—между прочимъ и мои статьи изъ „Century“,— всегда ходятъ по рукамъ; и я увѣренъ, что нѣтъ тюрьмы въ Россіи — за исключеніемъ, можетъ быть, Шлиссельбургской крѣпости, — гдѣ политическіе заключенные не вели бы постоянной переписки съ товарищами на волѣ.

Хорошо освѣдомленный петербургскій корреспондентъ „New-York Tribune“ вотъ что говорилъ недавно о русской полиціи: „Едва ли есть учрежденіе въ имперіи, умѣлость и ловкость котораго болѣе преувеличивались бы, особенно за границей. Ни одна европейская полиція ни такъ неспособна, ни такъ плохо освѣдомлена, ни такъ плохо организована, какъ полиція русская.“

Къ чему же служитъ, въ концѣ концовъ, такая полиція,

такая система управленія? Внимательный наблюдатель не можетъ не прійти къ заключенію, что русскій царь былъ бы гораздо болѣе спокоенъ самъ и полезенъ своей странѣ, если бы отказался отъ системы недовѣрія и гнета; если бы отозвалъ своего злаго духа, гр. Дмитрія Толстого; распустилъ $^{5}/_{6}$ своей полиціи и допустилъ бы страну къ участію въ управленіи дѣлами. Едва ли положеніе Россіи было бы хуже.... И есть много основаній думать, что либеральная политика, настойчивая и послѣдовательная могла бы сдѣлать Россію цвѣтущею и счастливою, не лишивъ ея могущества и силы.

III.

По Забайкалью.

Вернувшись изъ „Дацана“ къ вечеру, во вторникъ, мы въ тотъ же день, часовъ въ 11 ночи, выѣхали въ Кяхту, отстоящую отъ Селенгинска на 60 миль. Въ сущности, мы должны были бы быть въ Кяхтѣ къ утру среды, но путешественникъ по Сибири, особенно по Забайкалью, всегда долженъ ожидать какихъ-нибудь задержекъ и недоразумѣній. Верстахъ въ 6 отъ Селенгинска мы должны были остановиться предъ рѣкою, переѣздъ черезъ которую совершался не по мосту, котораго не было, а на карбасѣ. Карбасъ былъ на той сторонѣ и мы въ теченіи по меньшей мѣрѣ часа, хоромъ и въ одиночку, кричали „ка-рба-а-а-съ!“ пока, наконецъ, не замѣтили темныхъ очертаній низкаго парома, отчаливающаго отъ того берега. Черезъ полчаса мы были на южной сторонѣ рѣки и продолжали свой путь дальше. Въ три часа утра мы должны были остановиться снова и на этотъ разъ болѣе основательно: на станціи Поворотной не было лошадей, и цѣлая куча спящихъ проѣзжающихъ занимала почти всѣ углы небольшой станціонной комнаты. Намъ не оставалось ничего другого какъ послѣдовать ихъ примѣру; не безъ труда нашли мы свободный уголокъ возлѣ печки, между двумя китайскими торговцами и тюкомъ изюбровыхъ роговъ, и проспали нѣсколько часовъ.

Весь слѣдующій день мы ѣхали по пустынной и угрюмой странѣ, покрытой короткой пожелтѣвшей травой и соснякомъ, изрѣдка встрѣчая на пути низкіе холмы, заросшіе березой и лиственницей. Отъ времени до времени на встрѣчу намъ попадались обозы съ чаемъ изъ Китая или верховые буряты, въ своихъ блюдообразныхъ шапкахъ и длинныхъ кафтанахъ, убранныхъ на груди краснымъ сукномъ. Но вообще, дорога казалась заброшенной и страна — пустынной, и на всемъ протяженіи 50 миль мы не видали ничего любопытнаго, кромѣ священныхъ кучъ камня на вершинахъ холмовъ, которыя Фростъ назвалъ „бурятскими алтарями“. Среди туземцевъ всей Сибири есть обычай при перевалѣ черезъ высокія холмы или горные хребты приносить какую-нибудь умилостивительную жертву духамъ бури и грозы. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири эти при-

ношенія состоитъ обыкновенно изъ табаку, въ Забайкальѣ же буряты и монголы обыкновенно сгребаютъ на вершинѣ кучу придорожныхъ камней, втыкаютъ въ нее прутья и на нихъ вѣшаютъ клочки своею платья. Всякій благочестивый путникъ обязанъ сойти передъ такой кучей камней съ коня или съ телѣги, произнести молитву и повѣсить на одинъ изъ прутьевъ клочекъ своего кафтана или рубашки. Въ результатѣ эти своеобразные алтари представляютъ собой нѣчто въ родѣ коллекціи обрашиковъ платья всевозможной формы, цвѣта и назначенія. Теоретически разсуждая, въ этомъ обычаѣ можно, пожалуй, найти слѣды практической цѣли. Туземецъ, знающій одежду своихъ пріятелей, по клочку висящему здѣсь на палкѣ, можетъ узнать, что такой-то проѣзжалъ здѣсь; онъ можетъ прослѣдить его отъ перевала до перевала. Однако, на дѣлѣ, это вовсе не такъ легко. Каждый правовѣрный бурятъ, отправляясь въ дальній путь, беретъ съ собою мѣшокъ съ тряпьемъ, которымъ и умилостивляетъ Забайкальскихъ духовъ бурь. По крайней мѣрѣ для меня несомнѣнно, что такія ветхія, грязныя, жалкія клочья, какія я видѣлъ вездѣ на этихъ алтаряхъ, не могли бы быть частями отъ одежды, которую еще носитъ самый бѣдный бурятъ.

Весь день погода была отвратительная: — холодъ пронизывалъ до костей; отъ времени до времи накрапывалъ дождь или падалъ снѣгъ. Мы почти ничего не ѣли, были голодны и промезли и съ несказанной радостью завидѣли къ вечеру огоньки Троицкосавска.

Троицкосавскъ. Кяхта и Маймачинъ представляютъ какъ бы одинъ городъ, лежащій на русско-монгольской границѣ, въ 100 мил. на юговостокъ отъ Байкала. Троицкосавскъ и Кяхта лежатъ на сѣверной пограничной чертѣ, Маймачинъ—на южной. Между ними — саженъ сто нейтральной почвы. Троицкосавскъ больше другихъ и въ административномъ отношеніи — важнѣе, но Кяхта ближе къ границѣ и болѣе извѣстна.

По совѣту одного купца, съ которымъ мы познакомились на Байкалѣ, мы рѣшили проѣхать въ Кяхту и остановиться въ домѣ Соколова, домѣ, представлявшемъ собою, какъ мы поняли, нѣчто въ родѣ отеля. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли, наконецъ, этотъ домъ, но онъ совсѣмъ не походилъ на гостинницу. Онъ стоялъ особнякомъ, внутри обширнаго двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ стѣною. Всѣ окна были темны и, не смотря на сравнительно еще не поздній часъ, ворота

были уже заперты. Мы начали стучать и кричать и минутъ черезъ десять разбудили таки какую-то горничную, которая вначалѣ, кажется, готова была посмотрѣть на насъ, какъ на бродягъ или разбойниковъ. Однако, убѣдившись, что мы — только мирные путешественники, она сообщила намъ, что здѣсь вовсе не гостинница, что г-нъ Соколовъ принимаетъ иногда у себя гостей, но или знакомыхъ или рекомендованныхъ, и что намъ лучше всего вернуться назадъ въ Троицкосавскъ и тамъ найти себѣ ночлегъ. Такъ какъ у насъ не было никакихъ рекомендательныхъ писемъ къ г-ну Соколову, и такъ какъ молодая женщина рѣшительно отказалась продолжать переговоры и захлопнула форточку, намъ ничего не оставалось, какъ послѣдовать ея совѣту. Мы снова взобрались въ телѣгу и отправились назадъ въ Троицкосавскъ, гдѣ нашли пристанище въ пекарнѣ, которую содержалъ тамъ ссыльный полякъ Клемботскій. Онъ имѣлъ нѣсколько свободныхъ комнатъ и согласился принять насъ, хотя у насъ и не было никакихъ рекомендацій. Нельзя сказать, чтобы комната, которую отвели намъ, была особенно комфортабельна: голыя деревянныя стѣны, нѣсколько стульевъ, топорной работы сосновый столъ и такая же узкая кровать —вотъ все ея убранство. Но выбирать было не изъ чего. Послѣ скуднаго ужина мы улеглись спать и, конечно, добрую, половину ночи провели, какъ обыкновенно, въ розыскахъ въ крайне неинтересной и слишкомъ уже знакомой намъ отрасли энтомологіи. На слѣдующій день мы наняли „долгушу“ и отправились въ Кяхту. Мы имѣли ввиду посѣтить тамъ мѣстнаго богатаго чайнаго торговца, Лушникова, котораго рекомендовали намъ въ Иркутскѣ.

Троицкосавскъ, Кяхтя и Маймачинъ расположены въ узкой и мрачной долинѣ одного изъ небольшихъ притоковъ Селенги. Два параллельные оголенные хребта, между которыми течетъ рѣка, закрываютъ перспективу, и только къ югу далеко, за крышами и стѣнами Маймачина, виднѣются голубоватыя очертанія монгольскихъ горъ. Кяхтя на первый взглядъ кажется довольно большой и богатой сибирской деревней. Въ ней довольно много комфортабельныхъ двухъэтажныхъ домовъ и двѣ церкви съ бѣлыми стѣнами и съ золочеными или крашенными куполами. Но никто, глядя на нее, не подумалъ бы, что передъ нимъ самый важный коммерческій пунктъ въ Восточной Сибири. Однако, черезъ Кяхту изъ Китая и изъ Россіи въ Китай ежегодно проходитъ товаровъ на 20—30 милліоновъ рублей. Почти весь

чай, потребляемый Россіей проходитъ черезъ Кяхту. Здѣсь онъ перепаковывается и длинными обозами перевозится дальше черезъ всю Сибирь. Черезъ Кяхту же идутъ въ Россію китайскій шелкъ, крепъ, кирпичный чай и другіе продукты. Изъ Россіи же, черезъ Кяхту въ Китай, идутъ русскіе мануфактурные продукты, изюбрины рога, мѣха, мѣдь и т. д. Даже американскіе серебрянные доллары идутъ въ Китай черезъ Кяхту. Среди русскихъ торговцевъ, живущихъ въ Китаѣ есть люди очень богатые; нѣкоторые изъ нихъ отъ своихъ торговыхъ оборотовъ, особенно съ чаемъ, получаютъ въ годъ 75—100 тысячъ долларовъ въ годъ.

Лушниковъ жилъ въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, въ центрѣ города. Узнавъ, кто мы, онъ принялъ насъ съ тѣмъ сердечнымъ радушіемъ, которое характеризуетъ русскихъ вездѣ отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря. За завтракомъ, который тотчасъ же появился на сценѣ, Лушниковъ, между прочимъ, сказалъ, что едва ли найдется въ Кяхтѣ и въ Маймачинѣ что-нибудь достойное вниманія иностранныхъ путешественниковъ; еще, пожалуй, Маймачинъ можетъ дать что-нибудь въ этомъ отношеніи, если мы не видали китайскаго города, но Кяхта — это обыкновенный сибирскій городокъ. Послѣ минутнаго раздумья онъ вдругъ встрепенулся, какъ бы пораженный новой мыслею. „Вы ѣли когда-нибудь китайскій обѣдъ?“ — спросилъ онъ.

— Никогда — отвѣчали мы.

— Прекрасно. Вотъ это будетъ нѣчто новое для васъ. Послѣ завтра мы устроимъ такой обѣдъ. У меня есть въ Маймачинѣ знакомый китаецъ, у котораго — прекрасный поваръ; и хотя я не могу обѣщать вамъ въ такой короткій срокъ обѣдъ болѣе, чѣмъ въ 40 блюдъ, но этого, пожалуй, будетъ достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ настоящемъ народнамъ китайскомъ обѣдѣ.

— О да! отвѣчалъ я. — Хотя мы и не ѣли почти ничего, кромѣ хлѣба съ чаемъ, все это время, но 40 блюдъ будетъ достаточно, чтобы вполнѣ удовлетворить и нашъ аппетитъ и нашу любознательность.

Отъ Лушникова мы отправились къ русскому пограничному коммиссару, Сулковскому, который встрѣтилъ насъ, какъ давнишній пріятель. Намъ не разъ уже приходилось встрѣчать въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ, на краю свѣта, людей, знакомство съ которыми вызывало ассоціацію родины и цивилиза-

ціи. Такъ и здѣсь, въ домѣ Лушникова, мы имѣли совершенно неожиданное удовольствіе бесѣдовать по англійски съ m-me Гамильтонъ, шотландскою лэди, которая проѣхала Китай и Монголію и жила теперь у Лушниковыхъ, какъ членъ ихъ семьи, а въ лицѣ Сулковскаго мы нашли человѣка, который встрѣчался со многими офицерами „Жанеты“ — между прочимъ съ Мельвилемъ и Даненгоуеромъ, видѣлъ пароходъ „Роджерсъ“ на его зимней стоянкѣ у береговъ Берингова пролива и былъ знакомъ съ Берри, капитаномъ этого парохода, и съ Джильдеромъ, корреспондентомъ „Herald'“а.

Послѣ новаго завтрака у г-на Солковскаго, мы вернулись въ Троицкосавскъ и провели остатокъ дня въ осмотрѣ города, базара и китайскихъ лавокъ. Въ одной изъ нихъ, къ немалому удивленію, мы нашли истрепанный экземпляръ романа Дикенса „Круглый годъ“ на англійскомъ языкѣ. Какъ онъ попалъ сюда — не знаю, но — думалъ я —, если здѣсь представлена англійская литература, то не найду ли я какой-нибудь номеръ американскаго журнала? Побуждаемый профессіональной и патріотической гордостью, я началъ поиски: — не можетъ же „Круглый годъ“ имѣть большее распространеніе въ Монголіи, чѣмъ, напр., „Century“. Мои долгіе поиски увѣнчались относительнымъ успѣхомъ. „Century“, положимъ, не оказалось, но за то въ одной лавченкѣ я нашелъ старые изломанные стѣнные часы, сдѣланные въ „Providence, Rhode Island“ и представлявшіе здѣсь американскую промышленность. Конечно, часы не могли вполнѣ замѣнить образцы американской литературы, но впослѣдствіе я былъ утѣшенъ: въ другомъ гораздо болѣе дикомъ и заброшенномъ уголкѣ Забайкалья я нашелъ и „Жизнь на Миссисипи“ Марка Твайна и „Радость ревущаго стана“ Бретъ-Гарта.

Въ пятницу мы снова были въ Кяхты и вмѣстѣ съ Сулковскимъ сдѣлали визитъ китайскому губернатору Маймачина. Маймачинъ отдѣляется отъ Кяхтѣ, какъ я уже сказалъ выше 150 саженями нейтральной почвы; но для китайской исключительности этого мало. Городская стѣна и высокія постройки пагоды скрываютъ городъ и входъ въ него отъ нескромнаго взора варвара — чужестранца. Трудно представить себѣ болѣе внезапную и поразительную перемѣну впечатлѣній, которыя испытываетъ путешественникъ на этихъ двухъ сотняхъ саженей. Только что вы были въ русскомъ провинціальномъ городкѣ съ его обычными лавками и домами, съ его златоверхими церк-

вями, солдатами, привычными крестьянскими лицами, — черезъ нѣсколько минутъ вы проходите подъ высокими этажами пагоды и внезапно оказываетесь въ самомъ настоящемъ Китаѣ. Вы сразу чувствуете себя за тысячи верстъ отъ Россіи. Узкія, немощенныя улицы заперты сѣрыми одноэтажными домами, безъоконныя стѣны которыхъ сдѣланы изъ глины, смѣшанной съ рѣзаной соломой, и крыши которыхъ, украшенныя затѣйливой рѣзьбой, по угламъ поднимаются кверху; неуклюжія двухколески, запряженныя волами, погоняемыми смуглыми монголами, и нагруженныя чаемъ, замѣняютъ русскія телѣги, запряженныя лошадьми; китайскіе торговцы въ ладьеобразныхъ шапкахъ, длиннополыхъ кафтанахъ и башлыкахъ стоятъ у воротъ домовъ вмѣсто привычныхъ вамъ русскихъ фигуръ въ высокихъ сапогахъ, жилетахъ и рубахахъ, надѣтыхъ „навыпускъ“; дикіе на видъ, загорѣлые всадники въ оранжевыхъ халатахъ и блюдообразныхъ шапкахъ, — пришельцы изъ Гоби — попадаются вамъ на каждомъ шагу. Всюду, куда вы не смотрите, вы видите, что Китай съ его особенной, своеобразной жизнью царитъ тутъ всецѣло.

Домъ „Сургуша“ — мѣстнаго губернатора — отличался отъ другихъ двумя высокими шестами съ золоченными шарами наверху. Сюда мы и поѣхали. Губернаторъ принялъ насъ очень любезно и тотчасъ пригласилъ откушать чаю, сладостей и „майгало“ (китайская водка). Мы обмѣнялись съ нашимъ хозяиномъ церемонными и не особенно любопытными вопросами и отвѣтами насчетъ нашего взаимнаго здоровья и положенія дѣлъ, выпили по нѣсколько чашекъ чаю, попробовали засахаренныхъ плодовъ и затѣмъ — такъ какъ наступилъ часъ молитвы — отправились, по приглашенію губернатора, въ храмъ, гдѣ онъ исполнилъ свои религіозныя обязанности передъ большимъ деревяннымъ идоломъ, подъ аккомпаниментъ медленнаго звона колокола. Этотъ звонъ оповѣщалъ жителей Маймачина, что ихъ губернаторъ сообщается съ богами. Послѣ молитвы Фростъ нарисовалъ его портретъ, для чего онъ принялъ самую торжественную позу на своемъ тронѣ, и мы разстались, получивъ каждый по пакету, въ которомъ оказались орѣхи, пирожки и фрукты, не доѣденные нами за угощеніемъ.

Оставшееся время мы употребили на осмотръ города и на тщетныя попытки снять фотографіи съ представителей мѣстнаго населенія. За нами постоянно ходила толпа монголовъ, бурятъ и другихъ туземцевъ изъ южныхъ степей, но стоило

только Фросту установить свой аппаратъ и взяться за пластинку, скрывавшую за собой его циклопово око, какъ толпа моментально разсыпалась, какъ-будто бы въ рукахъ артиста была не безобидная камера, а митральеза. Сколько я помню Фросту такъ и не удалось снять никого, кромѣ нѣсколькихъ увѣчныхъ нищихъ, слишкомъ неповоротливыхъ, чтобы исчезнуть раньше, чѣмъ аппаратъ сдѣлаетъ свое дѣло. Въ этотъ же день къ вечеру Фроста чуть не избили за то, что онъ началъ срисовывать одного типичнаго монгольскаго торговца. Здѣсь мы еще разъ пожалѣли, что не взяли съ собой маленькаго моментальнаго аппарата. Имъ можно было пользоваться во многихъ случаяхъ, когда большой вызывалъ страхъ или подозрѣнія.

Китайскій обѣдъ въ субботу, который обѣщалъ намъ Лушниковъ, оказался новымъ и чрезвычайно интереснымъ экспериментомъ. Онъ былъ устроенъ въ Маймачинѣ въ конторѣ одного богатаго китайца. Приглашенныхъ было 6—8 знакомыхъ г-на Лушникова, я и Фростъ. Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и уставленъ на европейскій ладъ блюдами, тарелками, ножами и вилками и т. д. Китайскія ложечки изъ слоновой кости, конечно, фигурировали на столѣ, но мы ими пользовались очень мало, — только для пробы.

Когда всѣ усѣлись, вокругъ стола обнесли большой флаконъ съ темнымъ китайскимъ уксусомъ, и каждый изъ насъ отлилъ изъ него въ свою посуду.

— Зачѣмъ этотъ уксусъ? — спросилъ я Лушникова.

— Китайцы мокаютъ въ него все, что ѣдятъ, — отвѣчалъ онъ. — Это не дурно.

Такъ какъ я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какого рода будетъ это „все“, я рѣшилъ подождать, прежде чѣмъ дѣлать заключенія объ умѣстности или неумѣстности уксуса. Внесли первое блюдо. Я затрудняюсь сказать, что это было; въ моей записной книжкѣ оно опредѣлено такими словами: „колючая морская трава или, вообще какое-то морское растеніе, похожее на твердый мохъ.“ Надо думать, что оно было предварительно сварено или сжарено, но я положительно не рѣшаюсь ничего утверждать на этотъ счетъ; одно для меня было ясно: — что оно было подано холоднымъ и имѣло крайне непривлекательный видъ. Каждый изъ русскихъ гостей взялъ небольшой кусочекъ этого блюда, обмакнулъ его въ уксусъ и съѣлъ, если не съ удовольствіемъ, то, во всякомъ случаѣ, съ героической твердостью духа. Мнѣ съ Фростомъ

оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. — Слѣдующія девять блюдъ въ моей записной книжкѣ перечислены слѣд. образомъ:

1) Кусочки холоднаго мяса, завернутые въ какой-то желтоватый студень.

2) Черные грибы неизвѣстнаго мнѣ сорта.

3) Салатъ изъ лука и какой-то тонко нарѣзанной травы.

4) Березовый мохъ.

5) Тонкіе ломтики бѣловатой, непріятной на видъ колбасы, составныя части которой мнѣ неизвѣстны.

6) Маленькіе ломтики яйца, различной формы и окрашенные подъ цвѣтъ сафьяна.

7) Раковыя шейки, поджаренныя до черна.

8) Морская трава зеленаго цвѣта.

9) Закрученные стебли какого-то морскаго растенія, напоминающаго видомъ крошенную капусту.

Я не претендую на научную точность этихъ опредѣленій. Очень часто я не могъ догадаться, что такое подаютъ мнѣ, и мнѣ оставалось только записать впечатлѣніе, какое производило на меня такое блюдо и назвать его тѣмъ, на что оно наиболѣе походило. Почти всѣ эти блюда подавались холодными и мокались въ уксусъ. Возлѣ обѣденнаго стола на жаровнѣ помѣщался большой сосудъ съ горячей водой, въ которую было погружено нѣсколько серебряныхъ кувшиновъ съ рисовой водкой — майгало. Послѣ каждаго блюда слуга обходилъ столъ съ такимъ кувшиномъ и наполнялъ горячею жидкостью маленькія чашки гостей.

Незадолго передъ пріѣздомъ въ Кяхту я слышалъ анекдотъ обо одномъ невѣжественномъ сибирскомъ крестьянинѣ, который, роя себѣ погребъ, наткнулся на что-то, что онъ принялъ за остатки мамонта. Надѣясь получить награду онъ поспѣшилъ сообщить о своей находкѣ мѣстному исправнику, а, чтобы его разсказъ могъ бы внушить къ себѣ болѣе довѣрія, онъ даже съѣлъ кусочекъ сохранившагося въ землѣ животнаго. Исправникъ поспѣшилъ донести по начальству о такой замѣчательной находкѣ; еще бы, мамонтъ сохранился такъ хорошо, что его можно было еще ѣсть. Изъ Иркутска былъ тотчасъ посланъ ученый натуралистъ, который по изслѣдованіи нашелъ, что эти останки мамонта были ничто иное, какъ залежи особаго сибирскаго минерала, извѣстнаго подъ названіемъ „горной кожи“. Взбѣшенный исправникъ, попавшій въ такое нелѣпое

положеніе призвалъ крестьянина и началъ его распекать: „Что же ты, болванъ, наговорилъ мнѣ, что ты даже ѣлъ этого мамонта? Вѣдь это вовсе не мамонтъ, скотина ты этакая! Вѣдь это минералъ, камень такой-то“.

— Я вправду ѣлъ его, баринъ, — упорствовалъ крестьянинъ; но — прибавилъ онъ наивно — чего нельзя ѣсть съ масломъ!

Теперь, когда намъ подносили, одно за другимъ, всѣ эти странныя блюда, я вспомнилъ этого крестьянина и говорилъ про себя: „чего нельзя ѣсть съ уксусомъ и китайской водкой?“

Когда окончилась первая серія холодныхъ блюдъ, намъ перемѣнили тарелки, снова наполнили чашки укусомъ и начали разносить разныя горячія.

1) Мясные пирожки, состоящіе изъ тонко нарѣзанной телятины, завернутой въ тѣсто и затѣмъ сваренной.

Фростъ какимъ-то чутьемъ открылъ, — или думалъ, что открылъ, — что намъ вѣроломно подаютъ подъ видомъ телятины мясо молодой сабаки и рѣшительно отказался ѣсть это блюдо, даже съ уксусомъ. Я робко попытался его пристыдить и урезонить, говоря, что такіе предразсудки недостойны путешественника и изслѣдователя, три года пробывшаго въ Россійской Имперіи; если бы я зналъ, что насъ ожидаетъ дальше, лучше бы я молчалъ!

2) Мясные пирожки, поджаренные.

3) Какой-то паштетъ.

4) Вареная курица съ густой бѣловатой подливкой изъ слизняковъ.

Тутъ спасовалъ и я. Слизняки отъ варки почернѣли и чрезвычайно походили на большихъ червей. Я выпилъ двѣ рюмки майгало, надѣясь побѣдить предубѣжденіе, но не успѣлъ и со стыдомъ уклонился отъ этого блюда.

5) Какое-то сало въ бѣловатыхъ, прозрачныхъ кусочкахъ.

6) Жареный поросенокъ.

Это было лучшее блюдо, превосходно приготовленное.

7) Тонкіе ломтики баранины, жареные на вертелѣ.

8) Цыплята въ бульонѣ.

9) Вареный рисъ.

10) Какіе-то лишаи съ темной подливкой.

11) Тонкіе и прозрачные макароны.

12) Пѣтушьи головки, — и

13—19) Различнаго рода супы.

Эти супы закончили обѣдъ. Столъ очистили и подали разнаго рода десертъ, цвѣточный чай и французское шампанское. Обѣдъ занялъ часа три. За это время каждый изъ насъ долженъ былъ хоть попробовать 30—40 блюдъ, уничтожить 2—3 чашки уксусу; выпить 20—25 чашечекъ водки и затѣмъ окончательно доканать себя сластями и шампанскимъ, въ честь нашего амфитріона.

Какъ мы добрались до своихъ дрожекъ, какъ мы не поумирали къ слѣдующему утру — знаетъ одинъ богъ. Мое любопытство было вполнѣ удовлетворено. Если китайцы каждый день обѣдаютъ такимъ образомъ, то совершенно непонятно, какъ не вымеръ этотъ народъ. Одинъ такой обѣдъ въ позднюю осень позволилъ бы, кажется, человѣку уподобиться медвѣдю и залѣзать въ берлогу до слѣдующей весны.

Я совсѣмъ не думалъ, уѣзжая въ этотъ день изъ Маймачина, что этотъ обѣдъ — послѣднее развлеченіе на многіе мѣсяцы впередъ, и что я въ послѣдній разъ вижу этотъ китайскій городокъ. На слѣдующій день, съ утра, я почувствовалъ себя нехорошо. У меня начался ознобъ, скоро перешедшій въ сильнѣйшую лихорадку, соединенную съ страшными головными болями, кашлемъ, болью въ боку и крайней прострацiей. Это было начало серьезной болѣзни, которая на двѣ недѣли приковала меня къ постели, и отъ которой я вполнѣ оправился только черезъ три мѣсяца. Съ этой болѣзни началась самая тяжелая часть моихъ сибирскихъ испытаній. До того времени я еще находилъ въ себѣ силы переносить неизбѣжныя лишенія въ путешествіи по такой странѣ, но съ этихъ поръ меня только чудомъ поддерживали хининъ, сила воли и искуственное возбужденіе. Я не буду описывать всѣхъ страданій, съ которыми сопряжена была моя болѣзнь въ такомъ мѣстѣ, какъ комната въ пекарнѣ Клемботскаго. Въ письмѣ, которое я кое-какъ написалъ тогда домой, я говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Одно дѣло — болѣть дома, въ чистой постелѣ, съ заботами близкихъ людей; но совершенно другое дѣло — лежать, какъ собака, на голомъ полу, безъ бѣлья, укутаннымъ собственнымъ платьемъ, вмѣсто одѣяла и, въ параксизмѣ лихорадки, подвергаться ожесточеннымъ преслѣдованіямъ клоповъ и блохъ.“ Вначалѣ я лечилъ себя самъ, но узнавъ, что въ городѣ есть врачъ, пригласилъ его къ себѣ. Онъ началъ кормить меня хининомъ, который въ концѣ концевъ побѣдилъ лихорадку. Че-

резъ 15 дней я могъ, наконецъ, вставать, хотя былъ еще очень слабъ.

Только теперь, лежа въ пекарнѣ Клемботскаго, я понялъ, что долженъ испытывать политическій ссыльный, котораго гдѣ-нибудь на этапѣ захватитъ болѣзнь, который питается казеннымъ пайкомъ, дышетъ зараженнымъ воздухомъ и лежитъ въ безпамятствѣ, закованный въ кандалы. — Чарушинъ, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ, не былъ раскованъ даже тогда, когда бредилъ въ тифозной горячкѣ.

15-го октября мы выѣхали изъ Троицкосавска по направленію къ Селенгинску. Я былъ еще очень слабъ это утро и боялся новаго приступа болѣзни. Но мнѣ казалось, что даже тряская сибирская дорога и свѣжій воздухъ подѣйствуютъ на меня благотворнѣе, чѣмъ покой въ отвратительной, зараженной комнатѣ, которую я такъ долго занималъ, поэтому я рѣшилъ ѣхать во что бы то ни стало, если только у меня хватитъ силъ добраться до телѣги. Мы проѣхали въ этотъ день 60 миль, ночевали на станціи Поворотной и пріѣхали въ Селенгинскъ утромъ слѣдующаго дня. Въ этомъ жалкомъ полубурятскомъ городкѣ мы хотѣли остановиться на день, чтобы познакомиться съ жившими тутъ ссыльными. Я зналъ, что въ Селенгинскѣ были поселены: Шамаринъ, молодой студентъ, родомъ изъ Екатеринбурга, Кардашовъ, — грузинъ съ Кавказа, и Брешковская изъ Кіева. Кардашовъ и Брешковская кончили свой срокъ на каторгѣ и могли быть мнѣ очень полезны указаніями на счетъ лучшаго способа добраться до Кары и относительно тамошняго чиновничества, съ которымъ мнѣ пришлось бы имѣть постоянныя сношенія.

Шамаринъ, къ которому я пришелъ прежде всего, былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 24—25, средняго роста съ сдержанными, приличными манерами, съ честными и открытыми глазами, сразу внушавшими полное довѣріе къ ихъ обладателю. Его исторія можетъ служить недурной иллюстраціей той безцеремонности по отношенію къ правамъ личности, которая характеризуетъ русское правительство въ его отношеніи къ людямъ, — основательно или неосновательно — заподозрѣннымъ въ неблагонадежности. Еще студентомъ онъ былъ арестованъ по политическому обвиненію и, послѣ 3 лѣтъ одиночнаго заключенія въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости, былъ преданъ суду. Данныхъ для его осужденія было такъ мало, что судъ приговорилъ его всего къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго за-

ключенія. Держать человѣка въ продолженіи 3 лѣтъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи для того, чтобы приговорить его затѣмъ къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы — замѣчательно само по себѣ, но я не буду настаивать на этой сторонѣ дѣла. Шамаринъ имѣлъ, конечно, полное основаніе ожидать свободы по отбытіи срока наказанія, наложеннаго на него судомъ, но правительство думало на этотъ счетъ иначе и, вмѣсто освобожденія, послало его административно въ Баргузинъ, городокъ Забайкальской Области, болѣе чѣмъ въ 4000 миль отъ Петербурга. Лѣтомъ 1881 года онъ съ тремя другими ссыльными, въ томъ числѣ съ Брешковской, попытался, но неудачно, бѣжать черезъ Забайкалье къ Тихому Океану, надѣясь тамъ на какое-нибудь американское судно. За это онъ былъ переведенъ въ Якутскую область, гдѣ его видѣли члены американской экспедиціи, посланной для спасенья экипажа Жаннеты. Въ 1883 году онъ былъ переведенъ въ Селенгинскъ, гдѣ его и застала осень 1884 года, — срокъ его высылки. У него не было средствъ возвратиться на родину. Правительство, административно высылающее своихъ подданныхъ въ Сибирь, не возвращаетъ ихъ на свой счетъ на родину иначе, какъ по этапу. Но этапное путешествіе, и вообще крайне медленное, для обратныхъ партій еще медленнѣе. Полковникъ Загаринъ, пересыльный инспекторъ для Восточной Сибири, говорилъ мнѣ, что обратной партіи нужно 300 дней для того, чтобы пройти 1000 миль отъ Иркутска до Томска. Конечно, немногіе изъ политическихъ ссыльныхъ рѣшаются провести цѣлый годъ въ ужасныхъ сибирскихъ этапахъ и тюрьмахъ, даже въ виду возвращенія на родину. Большинство ихъ, если они не смогли за время ссылки заработать себѣ на проѣздъ, остаются на время въ Сибири. Я самъ помогъ одному изъ такихъ ссыльныхъ вернуться домой, купивъ у него за 100 руб. собранную имъ коллекцію сибирскихъ цвѣтовъ. Я радъ былъ бы помочь и Шамарину, но онъ сказалъ мнѣ, что уже болѣе года онъ работаетъ въ старомъ селенгинскомъ архивѣ и надѣется, что губернаторъ заплатитъ ему за эту работу достаточно для проѣзда въ Россію на свой счетъ. — Переписка политическихъ ссыльныхъ, само собою разумѣется, находится подъ контролемъ исправника, прочитывающаго всѣ получаемыя и отсылаемыя письма. Когда срокъ ссылки Шамарина кончился, онъ, естественно, считалъ себя, de jure и de facto, свободнымъ человѣкомъ; онъ подалъ прошеніе губернатору, прося освободить его переписку изъ подъ-

контроля. Эта просьба была, однако, отклонена, и въ теченіи цѣлаго года послѣ окончанія срока всѣ письма Шамарина — теперь совершенно полноправнаго русскаго гражданина — предварительно читались и одобрялись исправникомъ. До какой степени возмутительнымъ должно казаться человѣку такое циничное, пренебрежительное отношеніе къ его неотъемлемымъ личнымъ правамъ — читатель легко себѣ представитъ, поставивъ себя мысленно въ положеніе Шамарина.

Пока я бесѣдовалъ съ Шамаринымъ, въ комнату вошла г-жа Брешковская, которой меня тотчасъ представилъ мой собесѣдникъ. Это была женщина лѣтъ 35-ти, съ некрасивымъ, но интеллигентнымъ и сильнымъ лицомъ. На этомъ лицѣ невольно привлекали вниманіе слѣды тяжелыхъ страданій; ея черные, волнистые волосы, коротко остриженные на Карѣ, тамъ и сямъ уже посѣдѣли. Но ни страданія, ни ссылка, ни каторга не сломили ея смѣлаго, закаленнаго духа, не подорвали ея понятій чести и долга. Какъ я скоро увидѣлъ изъ разговора, она была очень знающа и образованна: пройдя гимназическій курсъ у себя на родинѣ, она получила окончательное образованіе въ Цюрихѣ. Она говорила по французски, по нѣмецки и по англійски, была прекрасной музыкантшей и, вообще, показалась мнѣ чрезвычайно интересной и привлекательной женщиной. Ей пришлось быть два раза на Карѣ: — второй разъ за неудачный побѣгъ изъ Баргузина. По отбытіи своего вторичнаго каторжнаго срока она и была отправлена на поселеніе въ этотъ жалкій, забытый богомъ, Селенгинскъ, откуда на 100 миль кругомъ нельзя найти другой образованной женщины. Она получала отъ казны 6 долларовъ мѣсячнаго содержанія; ея корреспонденція находилась подъ контролемъ; она была навсегда разлучена съ своей семьей и своими друзьями; ей ничего иного не оставалось ждать отъ будущаго, какъ многихъ лѣтъ страданій и лишеній, и, наконецъ, вѣчнаго успокоенія на маленькомъ кладбищѣ надъ Селенгою, гдѣ ни одинъ симпатизирующій взоръ не остановится тоскливо на простомъ деревянномъ крестѣ съ ея именемъ. И тѣмъ не менѣе она съ мужествомъ смотрѣла на свое ужасное будущее и съ несокрушимой вѣрою — трогательной и геройской — ждала неизбѣжнаго торжества свободы на своей родинѣ. „М-ръ Кеннанъ — таковы были ея послѣднія слова, обращенныя ко мнѣ — мы можемъ умереть въ ссылкѣ; за нами могутъ умереть въ ней наши дѣти и дѣти нашихъ дѣтей, но что-нибудь выйдетъ изъ этого!“ Съ тѣхъ поръ я

не слышалъ и не видѣлъ болѣе г-жи Брешковской; она прошла, какъ случайная тѣнь, въ моей жизни; но всякій разъ, когда я вспоминаю ея послѣднія слова, я снова и снова чувствую, до какой степени было поднято мое мѣрило мужества, силы и героическаго самоотверженія, — и поднято рукою этой женщины. Встрѣчи съ такими людьми — а ихъ не мало видѣлъ я въ Забайкальѣ — дѣйствовали на меня болѣе укрѣпляющимъ образомъ, чѣмъ всевозможныя лекарства. Я могъ быть боленъ и слабъ, я могъ вести трудную жизнь, но такіе примѣры страданій, благородно переносимыхъ ради идеи, ради своего народа, могли бы, кажется, воскресить человѣка на краю могилы.

Мы оставили Селенгинскъ въ 4 часа полудни, 16-го октября, и, проѣхавъ въ сутки 108 миль, добрались до окружнаго города, Верхнеудинска. Погода была въ это время холодная и сырая, и тряская ѣзда на почтовой перекладной не должна была особенно благотворно дѣйствовать на человѣка, только начинающаго оправляться отъ сильной лихорадки; но чистый, здоровый воздухъ дѣлалъ свое дѣло, и я чувствовалъ себя не хуже, если не лучше, чѣмъ при выѣздѣ изъ Троицкосавска, хотя мы и сдѣлали въ двое сутокъ 170 миль. — Въ Верхнеудинскѣ мнѣ хотѣлось посѣтить двѣ находящіяся тамъ тюрьмы, и я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ воскресенье же явился къ мѣстному исправнику, предъявилъ ему мои рекомендательныя письма и условился съ нимъ встрѣтиться къ полудню въ старой тюрьмѣ.

Верхнеудинскій острогъ, служащій одновременно и пересыльной и городскою тюрьмою и домомъ для предварительнаго заключенія, есть ветхое, разрушающееся деревянное зданіе, расположенное на высокомъ правомъ берегу Селенги, на разстояніи почти мили отъ города. Онъ мало чѣмъ отличается по виду отъ этапа обычнаго сибирскаго типа. Впрочемъ, онъ значительно больше и выше его и внутри камеръ имѣетъ два этажа наръ. Верхній этажъ, на который взбираются по узкой, крутой лѣсенкѣ, былъ, очевидно пристроенъ впослѣдствіи, когда началъ ощущаться недостатокъ мѣста. Къ нашему визиту тюрьму вычистили, насколько это было возможно. Половину арестантовъ выгнали во дворъ; всѣ окна и двери были открыты для притока свѣжаго воздуха, полы въ камерахъ и въ корридорѣ были подметены. Построена была эта тюрьма въ разсчетѣ на 170 человѣкъ. При мнѣ въ ней содержалось 250,

а исправникъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ на мой вопросъ, что позднею осенью и зимою въ ней часто скопляется до 700 человѣкъ, которые принуждены тогда спать и подъ нарами и въ корридорѣ даже во дворѣ. Что должно происходить здѣсь въ такія минуты, зимою, когда окна заперты,— я съ трудомъ могу вообразить. Тогда эта тюрьма должна казаться чистымъ адомъ.

Г-нъ Орфановъ, извѣстный русскій чиновникъ, которому нѣсколько разъ приходилось ревизовать эту тюрьму еще задолго до нашего проѣзда, такъ описываетъ ее въ свой книгѣ, которую цензура нашла возможнымъ пропустить:

„Первый забайкальскій острогъ находится въ Верхеудинскѣ. Онъ стоитъ за городомъ на высокомъ берегу Селенги. На берегу въ 5—6 саженяхъ отъ тюрьмы, выбрасываются всѣ тюремные отбросы, которые свободно гніютъ и заражаютъ, особенно лѣтомъ, воздухъ до невозможности. Само зданіе крайне ветхо и разсчитано на 140 челов. За время моей службы мнѣ не разъ приходилось бывать въ этой тюрьмѣ. Никогда не заставалъ я въ ней меньше 500 чел., иногда же число заключенныхъ доходило до 800. Я хорошо помню одно изъ моихъ посѣщеній. Я сопровождалъ тогда губернатора. Это было зимою, и губернаторъ пріѣхалъ въ тюрьму рано утромъ, такъ что дверь тюрьмы была отперта при немъ. Отвратительная вонь, пахнувшая на насъ изъ отворенной двери, была такъ сильна, что губернаторъ, не смотря на все свое нежеланіе сознаться передъ арестантами, что ихъ помѣщеніе хуже собачьяго, не могъ войти въ тюрьму. Онъ приказалъ открыть противоположную дверь и вошелъ лишь послѣ того, какъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ сильный токъ сквознаго вѣтра нѣсколько очистилъ атмосферу. Первое, что бросилось ему въ глаза, была стоящая въ углу переполненная „параша“, сверху же, черезъ второй этажъ наръ просачивалась жидкость изъ другой „параши“, тоже переполненной, стоявшей наверху. Тутъ же въ углу спали на полу человѣкъ 6. Губернаторъ былъ пораженъ. „Какъ это возможно?“ — воскликнулъ онъ, и страшно распушилъ смотрителя и надзирателей; но и онъ ничего не могъ перемѣнить здѣсь.“*)

Нѣкоторые изъ моихъ критиковъ обвиняли меня въ преувеличеніяхъ, но едва ли въ моихъ статьяхъ можно найти та-

*) „Вдали“— Орфанова, стр. 220—222, Москва 1883 г.

кія краснорѣчивыя утвержденія, какъ вышеприведенныя слова русскаго чиновника, высказанныя имъ съ дозволенія цензуры.

Черезъ эту тюрьму ежегодно проходятъ сотни образованныхъ политическихъ ссыльныхъ, мущинъ и женщинъ; г-жа Брешковская четыре раза проходила черезъ этотъ адъ. Но я съ радостью долженъ заявить, что, повидимому, этотъ старый Верхнеудинскій острогъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Какъ разъ во время нашего проѣзда была закончена постройка новой пересыльной тюрьмы, которая должна была скоро открыться. Новая тюрьма представляетъ собой огромное 4-хъ этажное кирпичное зданіе, съ двумя крыльями, съ широкимъ дворомъ и съ отдѣльнымъ флигелемъ для политическихъ и для конвоя. Камеры—велики, хорошо освѣщены и вентилированы; изъ каждой изъ нихъ открывается, черезъ 3 большихъ окна, обширный видъ на Селенгу и на окрестности. Корридоры имѣютъ 22—25 фут. ширины; лѣстницы — каменныя съ желѣзными перилами, одиночки — довольно обширны. Приспособленія для отопленія и вентиляціи прекрасны. Вообще, эта тюрьма показалась мнѣ лучшею во всей Россіи и одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Ея постройка обошлась въ 200.000 руб., и разсчитана она на 440 арестантовъ. Я не могъ не выразить своего удовольствія исправнику. „Да—отвѣчалъ онъ, тюрьма будетъ очень удобна, если ее не переполнятъ. Но если намъ приходилось держать по 700 чел. въ старой тюрьмѣ, то здѣсь, пожалуй, придется держать тысячи 3. А тогда и здѣсь будетъ тоже самое“. Я не буду разбирать, насколько основательны эти опасенія исправника, во всякомъ случаѣ, пока, новая Верхнеудинская тюрьма, несомнѣнно, одна изъ лучшихъ въ имперіи.

19-го октября мы выѣхали изъ Верхнеудинска, направляясь въ Читу, областную столицу Забайкалья. Намъ предстояло проѣхать около 300 миль. Погода была холодная, хотя снѣгъ еще не начиналъ падать; небо было ясно, и мы сравнительно немного страдали отъ холода. Дорога наша шла сначала по голой и мало интересной для путешественника долинѣ рѣки Уды, между двумя рядами невысокихъ холмовъ. Деревья уже были голы; цвѣты, за исключеніемъ тамъ и сямъ желтѣющихъ одуванчиковъ, не разнообразили картины; зима была, очевидно, на носу. Мы ѣхали днемъ и ночью, лишь изрѣдка останавливаясь по дорогѣ, чтобы взглянуть на близъ стоящій бурятскій храмъ или пересыльный этапъ. Правительство недавно потратило болѣе 300.000 руб. для постройки цѣлаго ряда

новыхъ этаповъ въ Забайкальѣ; о нихъ отзываются очень неблагопріятно конвойные офицеры и чиновники пересыльной администраціи; но все же они много лучше тѣхъ этаповъ, которые мы видѣли между Томскомъ и Иркутскомъ.

22-го октября мы перевалили, миляхъ въ 50 отъ Читы, высокій горный хребетъ, служащій водораздѣломъ между водными системами рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый и въ Тихій океаны. Теперь мы спускались по горному склону къ одному изъ главныхъ притоковъ Амура, и Америка начала намъ казаться какъ-будто ближе. Американскіе товары начали чаще попадаться въ деревенскихъ лавченкахъ, и, при видѣ американской жестяной посуды и разныхъ мелочей или англійскихъ рекламъ на ящикахъ съ консервированными овощами, мнѣ невольно казалось, что вотъ съ какого-нибудь высокаго холма мы увидимъ Санъ-Франциско или Голденъ-Гэтъ.

Къ полудню мы въѣхали, наконецъ, въ Читу и заняли квартиру въ отелѣ, содержимомъ ссыльнымъ полякомъ и пышно называемомъ: отель Петербургъ. Чита — резиденція Забайкальскаго губернатора, — представляетъ собою разбросанный провинціальный городъ обычнаго сибирскаго типа; въ ней считается 4.000 жителей; есть публичная библіотека, большое зданіе, временно исправляющее должность театра, и нѣсколько недурныхъ школъ. Однако, главный интересъ, который Чита имѣла въ нашихъ глазахъ, это значеніе ея какъ центральнаго ссылочнаго пункта. Сюда именно были высланы въ 1825—28 г. г. знаменитые декебристы, которые попытались, при восшествіи на престолъ Николая I, низвергнуть русское самодержавіе и замѣнить его конституціонной формой правленія. Двое изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ они жили, стоятъ еще доселѣ, и въ одномъ изъ нихъ устроена современными политическими изгнанниками, этими наслѣдниками декабристовъ, плотничья мастерская.

Здѣшняя колонія полит. ссыльныхъ насчитывала въ своемъ составѣ чрезвычайно интересныхъ для меня людей. Я явился къ нимъ, снабженный рекомендаціями отъ ихъ товарищей въ Сибири, былъ принятъ сердечно и довѣрчиво и провелъ въ ихъ обществѣ, въ верхнемъ этажѣ стараго декабристскаго дома, много пріятныхъ и поучительныхъ вечеровъ, въ бесѣдѣ о русскомъ революціонномъ движеніи, о Петропавловской крѣпости, о Харьковской централкѣ и о Карѣ. Эти вечера—одно изъ моихъ пріятнѣйшихъ сибирскихъ воспоминаній. Впрочемъ, я пред-

почитаю подробно говорить о читинской колоніи дальше, когда мнѣ придется описывать мое второе пребываніе въ Читѣ, на возвратномъ пути съ Кары, когда я прожилъ здѣсь цѣлыя двѣ недѣли.

Вслѣдствіе отсутствія губернатора, мы не могли получить въ Читѣ разрѣшенія посѣтить Карійскія тюрьмы; но правителя его канцеляріи, казалось, не видѣлъ въ нашихъ намѣреніяхъ ничего предосудительнаго. Онъ обѣщалъ телеграфировать о нашемъ выѣздѣ на Кару и далъ мнѣ, взамѣнъ рекомендательнаго письма, свою визитную карточку. Можно было сомнѣваться, чтобы эта простая карточка открыла намъ двери карійскихъ тюремъ, но выбора не было, и 25-го октября мы выѣхали изъ Читы, отъ которой Кара находится на разстояніи почти 300 миль.

IV.

Каторжные золотые промыслы на Карѣ.

Въ обширныхъ и дикихъ пустыняхъ Забайкалья, въ 5000 миляхъ отъ Петербурга и болѣе чѣмъ въ 1000 м. отъ береговъ Тихаго Океана, въ мрачной и уединенной долинѣ, образованной двумя отрогами Яблоноваго хребта, расположенъ рядъ деревянныхъ тюремъ, золотыхъ розсыпей и каторжныхъ поселеній, извѣстныхъ русской публикѣ подъ названіемъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ. Когда вы читаете въ своей утренней газетѣ телеграмму изъ Петербурга, гласящую, что такіе-то и такіе-то нигилисты были судимы, признаны виновными и приговорены къ смерти, но что царю угодно было проявить свое милосердіе и замѣнить казни каторжными работами въ рудникахъ, знайте, что эти рудники — Кара. Я намѣренъ здѣсь, въ формѣ безпритязательнаго очерка по личнымъ наблюденіямъ, описать наше посѣщеніе этой Кары позднею осенью и раннею зимою 1886 года и указать на результаты, къ которымъ мы пришли въ нашей попыткѣ ознакомиться съ положеніемъ Карійскихъ каторжниковъ вообще и политическихъ заключенныхъ въ особенности. Сюжетъ это чрезвычайно обширный и важный, и недостатокъ мѣста не позволитъ мнѣ обработать его съ должной тщательностью; но, быть можетъ, я съумѣю нарисовать здѣсь рѣзкими штрихами картину восточно-сибирскаго каторжнаго поселенія и дать такимъ образомъ читателю понятіе о томъ, что подразумѣвается въ Россіи подъ „каторгой“.

Карійскіе промыслы находятся въ 300 мил. отъ Читы, областнаго города Забайкалья, откуда, миль на 200, ведетъ туда сравнительно сносная почтовая дорога, проложенная, сначала въ долинѣ *Ингоды*, а затѣмъ по сѣверному лѣвому берегу Шилки, одного изъ главныхъ притоковъ Амура. Въ маленькомъ городкѣ Срѣтенскѣ, откуда Шилка дѣлается судоходной, почтовая дорога обрывается, и сообщеніе дальше производится лѣтомъ по водѣ, зимою — по льду рѣки. Въ продолженіе 2—3 недѣль замерзанія водъ осенью и нѣсколько болѣе короткаго промежутка ледохода весною, Кара остается отрѣзанной отъ остальнаго міра; добраться до нея можно лишь

верхомъ по крайне трудной и опасной тропинкѣ, которая миль на 70—80 тянется параллельно берегу рѣки по степямъ, болотамъ и заросшимъ тайгою горнымъ кряжамъ. Мы надѣялись успѣть добраться до Срѣтенска еще во время, чтобы спуститься внизъ по Шилкѣ до Кары, и при выѣздѣ изъ Читы, въ субботу, 24-го октября, все говорило намъ въ пользу этого; но погода вдругъ перемѣнилась, морозъ покрѣпчалъ и снѣгъ выпалъ вершка на $1\frac{1}{2}$—2. Въ пятницу, утромъ, когда мы слѣзли съ телѣги на противуположномъ Срѣтенску берегу Шилки, зима уже вошла въ свои права. Ртуть въ нашемъ термометрѣ (Фаренгейта) стояла на нулѣ; одежда и лошади были покрыты инеемъ, и быстрыя воды широкой Шилки были уже загромождены массами готоваго установиться льду. Переѣздъ былъ если не невозможенъ, то крайне опасенъ, и кучка крестьянъ, человѣкъ въ 15, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за широкою и низкою лодкою, которая въ это время отчаливала изъ Срѣтенска на нашу сторону, чтобы забрать отсюда пассажировъ. Прослѣдивъ въ теченіи $\frac{1}{4}$ часа борьбу этой утлой ладьи съ напиравшимъ на нее льдомъ, мы съ Фростомъ порѣшили, что было бы слишкомъ рискованно пускаться въ путь при такихъ условіяхъ, черезъ рѣку въ $\frac{1}{2}$ мили шириною, даже если бы лодочники и согласились взять насъ съ собою, и рѣшились искать убѣжища на ночь въ избѣ мѣстнаго крестьянина, Зябликова, который предложилъ намъ свое гостепріимство, если мы согласимся спать на полу вмѣстѣ съ его семьею. Мы слишкомъ устали и измерзлись за дорогу, чтобы отказаться; къ тому же мы до такой степени привыкли спать на полу, что спать какънибудь иначе намъ показалось бы, вѣроятно, странно. Черезъ полчаса наши вещи были перенесены къ Зябликову, и мы комфортабельно попивали чай въ первой послѣ нерчинска приличной и чистой комнатѣ.

Весь остатокъ дня ушелъ у насъ на разрѣшеніе вопроса, что намъ дѣлать, и можно ли, чтобы добраться до Кары, выбрать сухопутную, верховую дорогу. Очевидно было, что отъ перевоза черезъ рѣку, загроможденную быстро идущимъ льдомъ, приходилось отказаться; ждать, двѣ-три недѣли здѣсь мы не могли; оставалось одно средство — верховая горная тропинка. Лошадей нанять было можно — онѣ были на нашей сторонѣ; но нанимать ихъ, добывать сбрую и сѣдла, искать проводника надо было въ Срѣтенскѣ. Зябликовъ предложилъ перевезти насъ туда съ помощью 3—4 своихъ пріятелей, и намъ оста-

валось только согласиться на опасное путешествіе. Рано утромъ, въ четвергъ, была приготовлена легкая лодка. Погода стала нѣсколько мягче, хотя все же было очень холодно. Рѣка обратилась почти въ сплошное двигающееся ледяное поле, съ небольшими прогалинами чернѣющей воды и съ ставшимъ уже поясомъ льду, шириною аршинъ въ 50. Ледъ этотъ, по мѣрѣ приближенія къ водѣ, былъ все тоньше и тоньше. По этой то вѣроломной поверхности мы начали осторожно спускать къ водѣ нашу лодку, готовые быстро вскочить въ нее, когда тонкій, ледъ не выдержитъ и треснетъ. Въ 4—5 аршинахъ отъ линіи воды мы вдругъ потеряли подъ ногами почву: ледъ подломился, и мы, конечно, сразу очутились въ водѣ, хотя Зябликовъ и кричалъ: „Эй, въ лодку!“ Лодка сильно накренилась сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, когда всѣ мы, гурьбою, бросились въ нее, и, черезъ моментъ, мы быстро неслись внизъ среди глыбъ плывущаго льду, который мы старались, по мѣрѣ силъ и умѣнья, отпихивать баграми и веслами. Когда замѣшательство перваго мгновенія улеглось, двое лодочниковъ сѣли за весла, а Зябликовъ, съ багромъ въ рукѣ, сталъ на носу, направляя наше хрупкое судно между несущимися ледяными глыбами. Насъ снесло теченіемъ болѣе чѣмъ на полъ мили, прежде чѣмъ мы добрались до Срѣтенскаго берега; тутъ же взобраться на ломкій ледяной поясъ оказалось дѣломъ еще болѣе труднымъ, чѣмъ было намъ спустить съ него лодку при отъѣздѣ. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, когда наши багры цѣплялись за ледяной край, что нашу лодку совсѣмъ задавятъ налетающія сверху ледяныя глыбы. Въ концѣ концовъ, однако, мы успѣли пробиться въ сравнительно тихій заливъ. Зябликовъ выпрыгнулъ на ледъ; я послѣдовалъ его примѣру, хотя и не такъ удачно, и выкупавшись по поясницу въ холодной водѣ, очутился, наконецъ, на крѣпкомъ льду. Промокнуть до костей въ такую холодную погоду было дѣло не шуточное; я оставилъ своихъ спутниковъ возлѣ лодки, а самъ быстро направился къ городу, гдѣ и нашелъ пріютъ въ первой попавшейся на глаза лавкѣ. Просушившись и отдохнувъ, я тотчасъ же послалъ телеграмму къ м-ру Вюртцу, секретарю американскаго посольства въ Петербургѣ, разыскалъ собственника лошадей, съ которымъ и договорился, нанялъ проводника, Никифора, досталъ сѣдла и необходимую сбрую и въ тотъ же день подъ вечеръ, на этотъ разъ безъ всякихъ недоразумѣній, вернулся черезъ рѣку къ Зябликову.

Въ пятницу раннимъ утромъ, мы осѣдлали лошадей и отправились по направленію къ Карѣ, не захвативъ съ собою ничего, кромѣ одѣялъ, записныхъ книжекъ, мѣшочковъ съ провизіей и фотографическаго аппарата. Погода была мягкая: нашъ термометръ показывалъ 18 гр. выше нуля; но небо было пасмурно и малообѣщающе. Падалъ мелкій снѣжокъ, и когда мы взобрались на первый высокій кряжъ и увидѣли предъ собою пустынную и дикую горную страну, которую предстояло проѣхать, у меня невольно какъ-то тоскливо сжалось сердце. Я еще не вполнѣ оправился отъ моей троицкосавской болѣзни, а зима уже наступила; я боялся, что небольшой запасъ оставшейся у меня энергіи и силы слишкомъ недостаточенъ, чтобы довести до конца предстоящее путешествіе въ 80 миль, верхомъ, по самой невозможной дорогѣ. Къ тому же наша одежда далеко не отвѣчала сезону. — Мы надѣялись еще захватить пароходъ и не позаботились объ этой сторонѣ дѣла: наши полушубки не покрывали колѣнъ; мѣховыхъ шапокъ у насъ не было, а валенки были такъ громадны, что не влезали въ стремена; надо было или ѣхать безъ нихъ или отказаться отъ поддержки стремянъ. Къ счастью, переѣздъ нашъ въ началѣ былъ очень хорошъ; погода стояла хорошая, и мы успѣли 20 миль проѣхать сравнительно сносно, безъ большихъ страданій. На ночь мы остановились въ глухой лѣсной деревушкѣ, Ломы, на берегу Шилки, спали на полу въ крестьянской избѣ, вмѣстѣ съ многочисленной семьей, и въ субботу утромъ, послѣ незатѣйливаго завтрака, продолжали путь на свѣжихъ лошадяхъ и съ новымъ проводникомъ. Погода снова перемѣнилась, и термометръ показывалъ 8° ниже нуля. Лошади стояли бѣлыя отъ мороза, изъ ноздрей у нихъ торчали длинныя ледяныя сосульки, и онѣ, казалось, съ такимъ же нетерпѣніемъ рвались въ дорогу, какъ и мы. Съ Ломъ началась дѣйствительно тяжелая часть путешествія. Узкая и заросшая тропинка прихотливо извивалась по совершенно дикой горной мѣстности, то вдругъ заворачивая на сѣверъ, въ обходъ какой-нибудь пропасти, то пролегая по крутому горному склону, то взбираясь на высокій утесъ, высоко царящій надъ Шилкой, на которомъ малѣйшій невѣрный шагъ лошади могъ сразу положить конецъ нашему сибирскому путешествію. Какъ мы успѣли благополучно совершить нашъ путь здѣсь—для меня и теперь непонятно. Наши лошади были неподкованы, а между тѣмъ по дорогѣ очень часто попадались горные ручейки, уже замерзшіе, но покры-

тые обманчивою снѣжной пеленой, не позволявшей регулировать движеніе лошадей. Почти всю субботу и воскресеніе мы шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, частью потому, что сидѣть верхомъ было слишкомъ холодно, частью потому, что это было слишкомъ опасно. Эти три дня пути окончательно подорвали мои силы, и когда мы прибыли въ Шилкину, къ ночи воскресенія, мой слабый и лихорадочный пульсъ въ 120 ударовъ въ секунду грозилъ мнѣ серьезной бѣдой. Къ счастью мы были близки къ концу пути. Усть-Кара, самое южное изъ Карійскихъ поселеній, была отсюда въ 12—15 миляхъ, и около полудня, въ понедѣльникъ, ми слѣзли, наконецъ, съ своихъ лошадей передъ домомъ пріятеля нашего проводника и прихрамывая добрались до палатей.

Карійскіе промысла составляютъ собственность царя и эксплуатируются въ его пользу. Они состоятъ изъ цѣлой системы залотыхъ розсыпей, расположенныхъ вдоль быстрой горной рѣченки Кары, выходящей изъ Яблоноваго хребта, текущей на юго-востокъ и впадающей, миляхъ въ 40—50 отъ истока, въ Шилку. Названіе „Кара“— что по татарски значитъ: „черный“ — прежде относилось только къ рѣчкѣ, но съ теченіемъ времени распространилось на всю систему карательныхъ учрежденій, разсыпанныхъ въ долинѣ рѣки. Южное поселеніе, лежащее у устья Кары, — называется Усть-Карой; далѣе на сѣверъ слѣдуютъ: Нижняя тюрьма, Политическая тюрьма, Нижній Промыселъ, Средній Промыселъ, Верхній Промыселъ и, наконецъ, Амурская тюрьма. Административный центръ находится на Нижнемъ Промыслѣ, гдѣ живетъ завѣдывающій, гдѣ сосредоточено въ тюрьмахъ до 300 каторжниковъ и въ казармахъ до 2 ротъ солдатъ. Нижній Промыселъ мы и рѣшили выбрать своей главной квартирой: во-первыхъ, тутъ жилъ завѣдывающій, безъ разрѣшенія котораго мы не могли бы сдѣлать ни одного шага, во-вторыхъ, здѣсь по сосѣдству находилась политическая тюрьма — главная наша цѣль. И такъ мы наняли телѣгу и направились къ Нижнему. Дорога шла по лѣвому берегу Кары, по узкой, въ $^1|_2$ мили, долинѣ, окаймленной невысокими холмами съ довольно жалкой растительностью изъ лиственницъ и сосенъ, уже покрытыхъ бѣлою снѣжною пеленою. Вся долина была изрыта въ поискахъ за золотомъ и покрыта безформенными кучами гравія и песку.

Въ Нижній мы пріѣхали еще засвѣтло. Это оказалось довольно большая разбросанная сибирская деревня съ низкими

мазанными деревянными избами, длинными некрашенными казармами и бараками, чиновничьими домами, крытыми желѣзомъ, съ плетенными заборами и съ почернѣвшей отъ времени, мрачной и ветхой деревянной тюрьмой обычнаго сибирскаго типа. Зданія, принадлежащія администраціи были расположены съ нѣкоторой правильностью вокругъ площади или вдоль широкой улицы и придавали центральной части деревни оффиціальный видъ, такъ мало гармонировавшій съ жалкими и безпорядочно разбросанными хижинами вольнокомандцевъ, занимавшими края промысла. Въ одной сторонѣ широкой площади, вокругъ которой стояли тюрьма и бараки, человѣкъ 50 каторжниковъ, въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ съ бубновыми тузами на спинахъ работали возлѣ какого-то строющагося зданія. Они были оцѣплены казаками, которые, въ шубахъ и валенкахъ, стояли безъ движенія, опираясь на свои берданки и наблюдая за рабочими. Въ сторонкѣ горѣлъ костеръ, на которомъ варился чай и вокругъ котораго толпилась кучка казаковъ, человѣкъ въ 12. Ихъ беззаботныя позы и сложенныя возлѣ ружья указывали, что они въ данную минуту свободны. При слабомъ свѣтѣ мрачныхъ осеннихъ сумерекъ, эта пустынная широкая покрытая снѣгомъ площадь, сѣрая группа каторжниковъ, безшумно и уныло работающихъ подъ наблюденіемъ казаковъ, опирающихся на ружья съ примкнутыми штыками, составляли картину, которая меня какъ-то придавила. Это былъ маленькій уголъ каторжной жизни, первый попавшійся на глаза.

Мы прямо направились къ дому завѣдывающаго. Майоръ Потуловъ, высокій красивый, съ военной выправкой мущина лѣтъ 50-ти, принялъ насъ чрезвычайно сердечно и сказалъ, что онъ уже зналъ о нашемъ близкомъ пріѣздѣ, такъ какъ получилъ изъ Читы отъ губернатора телеграмму. Но, въ сущности, онъ не ждалъ насъ такъ скоро, такъ какъ сообщеніе по Шилкѣ прекратилось и трудно было ожидать, чтобы иностранцы рѣшились въ эту пору предпринять ужасное горное путешествіе. Но онъ тѣмъ болѣе радъ насъ видѣть и приглашаетъ насъ воспользоваться его полнымъ гостепріимствомъ. Я отвѣчалъ ему, что, не желая злоупотреблять его любезностью, я былъ бы весьма обязанъ, если бы онъ могъ мнѣ указать, гдѣ остановиться. Онъ добродушно разсмѣялся и сказалъ, что на Карѣ нѣтъ отелей, если не считать тѣхъ, которые содержитъ правительство для мошенниковъ и убійцъ, и что намъ надо принять его предложеніе и располагаться у него, какъ

дома. Это не вполнѣ отвѣчало нашимъ планамъ, быть подъ постояннымъ наблюденіемъ начальства и познакомиться съ политическими, оставаясь гостями Потулова, было бы, вѣроятно, не легко; но выбора не было; мы приняли приглашеніе и черезъ 10 минутъ устроились въ комфортабельномъ помѣщеніи, гдѣ наши глаза могли вволю услаждаться видомъ такихъ вещей, какъ громадныя зеркала, мягкія софы и фортепьяно.

Во время нашего посѣщенія на Карѣ считалось до 1800 каторжныхъ. Половина этого числа содержалась въ тюрьмахъ; другая въ баракахъ или въ частныхъ домахъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ. Срокъ наказанія для каторжниковъ въ Россіи дѣлится на два періода. Сначала каторжникъ находится „на испытаніи“ и содержится въ тюрьмѣ подъ строгимъ присмотромъ. Если его поведеніе заслуживаетъ одобренія тюремнаго начальства, онъ, послѣ истеченія „испытуемаго срока“ освобождается изъ тюрьмы и записывается въ, такъ называемую, „вольную команду“. Онъ остается каторжникомъ, получаетъ свой тюремный паекъ и не можетъ переступать предѣловъ промысла безъ спеціальнаго разрѣшенія; но онъ получаетъ, въ качествѣ „вольнокомандца“ извѣстныя облегченія: ему разрѣшается жить съ товарищами въ особыхъ баракахъ или съ семьею на частной квартирѣ; онъ можетъ работать на себя, отработавъ свою казенную работу, и, вообще, пользуется нѣкоторой свободой. Закончивъ этотъ второй „исправляющій срокъ“, онъ отсылается, какъ поселенецъ, куда-нибудь въ Восточную Сибирь на остальную жизнь.

Тюремъ на Карѣ было при насъ 7. Онѣ разбросаны по рѣкѣ Карѣ на 20 миль. Медленное, но упорное движеніе развѣдчиковъ золота вверхъ по рѣкѣ, оставило далеко назади старые Нижній и Усть-Карійскій промыслы, обитатели которыхъ остались такимъ образомъ въ вынужденной праздности.— Каждая тюрьма имѣетъ своего смотрителя, подчиненнаго завѣдывающему; въ каждой тюрьмѣ своя воинская команда изъ казачьяго батальона, который, въ числѣ 1000 чел., исполняетъ на всей Карѣ конвойную службу. Двѣ политическихъ тюрьмы, однако, были въ вѣденіи особаго коменданта, жандармскаго капитана Николина, котораго прислали сюда изъ Петербурга и у котораго подъ начальствомъ состоялъ отрядъ жандармовъ. Политическая тюрьма имѣла свою „вольную команду“. Она, въ наше время состояла изъ 12—15 человѣкъ, мущинъ

и женщинъ, жившихъ въ своихъ домахъ на окрайнахъ Нижняго Промысла.

Цѣль нашей поѣздки на Кару была прежде всего познакомиться съ общимъ состояніемъ карійскихъ каторжныхъ работъ, затѣмъ познакомиться съ политическими вольнокомандцами и, наконецъ, посѣтить самую политическую тюрьму и, если бы намъ не позволили говорить съ ними, то хотя посмотрѣть, какова ихъ жизнь. Первая задача была, очевидно, вполнѣ исполнима; вторая сомнительна, третья почти невѣроятна. Но надо было тѣмъ не менѣе пытаться. Я не зналъ, какія инструкціи по отношенію къ намъ получилъ майоръ Потуловъ, но онъ былъ крайне любезенъ, не задавалъ намъ неловкихъ вопросовъ и, когда, на второй день послѣ пріѣзда, мы обратились къ нему за разрѣшеніемъ посѣтить тюрьмы и промыслы, онъ, безъ малѣйшихъ колебаній, приказалъ запречь лошадей и предложилъ намъ быть нашимъ провожатымъ.

Я не имѣю намѣренія подробно описывать всѣ Карійскія тюрьмы, я опишу лишь двѣ, какъ мнѣ кажется, типическія; одну—изъ плохихъ, другую—изъ лучшихъ. Усть-Карійская тюрьма, вѣроятно, худшая въ отношеніи гигіены и переполненія изъ всѣхъ здѣшнихъ тюремъ, построена на низкомъ, болотистомъ мѣстѣ, недалеко отъ впаденія Кары въ Шилку, болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, когда правительство впервые рѣшилось приложить каторжный трудъ къ своимъ здѣшнимъ розсыпямъ. Издали она похожа на длинныя и низкія конюшни изъ некрашеныхъ бревенъ, которыя теперь отъ времени почернѣли и полуистлѣли. Вмѣстѣ съ дворомъ она занимаетъ квадратную площадь въ 100 футовъ, двѣ стороны которой образуются тюремнымъ корпусомъ, двѣ другія—палями, т. е. высокимъ въ 25 футовъ, заборомъ изъ поставленныхъ стоймя и скрѣпленныхъ другъ съ другомъ заостренныхъ вверху бревенъ. — При нашемъ приближеніи къ тюрьмѣ часовой казакъ взялъ передъ майоромъ Потуловымъ на караулъ и крикнулъ: „старшаго!“. Старшій—казацкій урядникъ—подбѣжалъ къ воротамъ со связкою ключей, открылъ тяжелую калитку, и мы вошли въ тюремный дворъ. Нѣсколько каторжниковъ съ бритыми головами, при видѣ начальства, быстро побѣжали въ зданіе, чтобы занять тамъ свои мѣста. Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенькамъ крыльца, покрытымъ вершка на 2 густою грязью, и вошли въ длинный, низкій и темный корридоръ, полъ котораго, весь въ щеляхъ, былъ густо покрытъ какою-то скользкою гадостью.

Атмосфера хотя не холодная, была проникнута влажностью и тѣмъ специфическимъ запахомъ, который отличаетъ собою всѣ сибирскія тюрьмы. Разъ испытавъ этотъ запахъ, человѣкъ не забудетъ его никогда; и все-же онъ такъ непохожъ на всѣ иные запахи, что я не могу ни съ чѣмъ сравнить его. Представьте себѣ погребной воздухъ, каждый атомъ котораго полъ дюлины разъ прошелъ черезъ человѣческія легкія и весь насытился угольной кислотой; прибавьте сюда запахъ отвратительныхъ, острыхъ, аммоніякальныхъ испареній отъ давно не мытыхъ человѣческихъ тѣлъ, запахъ сырого гніющаго дерева и запахъ человѣческихъ испражненій, — и вы всетаки не будете имѣть настоящаго представленія объ атмосферѣ сибирской тюрьмы. Эта атмосфера новичку кажется абсолютно невыносимой, невозможной. Когда мы вошли въ корридоръ, скользя по полу и вдыхая этотъ ужасный воздухъ, г. Потуловъ обернулся ко мнѣ и, съ перекосившимся отъ отвращенія лицомъ, воскликнулъ: „омерзительная тюрьма“.

Урядникъ открылъ настежь тяжелую деревянную дверь первой камеры и крикнулъ: „смирно!“ — обычный окликъ при входѣ начальства. Камера имѣла 24 фута въ длину, 22 — въ ширину и 8 — въ вишину; въ ней помѣщалось 29 обитателей. Воздухъ здѣсь былъ еще ужаснѣе, чѣмъ въ корридорѣ. Камера освѣщалась черезъ 2 окна съ желѣзными рѣшетками. Эти окна не открывались и, вообще, не имѣлось никакихъ приспособленій для вентиляціи. Стѣны были нѣкогда, повидимому, покрыты известкою, но это было очень давно и теперь онѣ сдѣлались черны и грязны, съ сотнями красноватыхъ пятенъ: — тутъ арестанты предавали казни клоповъ и блохъ. Полъ, несмотря на принятыя мѣры, былъ грязенъ до невозможности. Вдоль трехъ стѣнъ были расположены „нары“, на которыхъ арестанты спали, покотомъ, тѣсно другъ около друга. Не было здѣсь ни подушекъ, ни одѣялъ и люди спали, не раздѣваясь, на голыхъ доскахъ, покрываясь своими халатами. Вся меблировка камеры состояла изъ этихъ наръ, кирпичной печки и большой деревянной кадки. Когда на ночь запирались камерныя двери, на каждаго изъ арестантовъ приходилось, въ теченіе 8, 10 часовъ медленнаго задушенія, столько воздуху, сколько вмѣщаетъ въ себѣ сундукъ въ 5 квадр. футовъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу представить себѣ, какъ могъ бы проходить въ камеру свѣжій воздухъ при запертой двери.

Мы оставались въ первой камерѣ не болѣе 2 минутъ. Я вышелъ изъ нее, кажется, первый и до сихъ поръ помню, съ какимъ облегченіемъ я вдохнулъ въ себя корридорный воздухъ, который при входѣ показался мнѣ столь ужаснымъ; теперь это была — сама свѣжесть и чистота. Затѣмъ мы быстро прошли по остальнымъ камерамъ. Въ одной изъ нихъ я замѣтилъ въ углу сапожника, занятаго своимъ дѣломъ; запахъ кожи здѣсь хоть нѣсколько ослаблялъ обычную вонь. Результаты, къ которымъ ведетъ необходимость постоянно дышать этимъ ужаснымъ воздухомъ можно легко узнать по положенію дѣлъ въ карійскомъ госпиталѣ, гдѣ господствуютъ цынга, тифъ, анемія и чахотка. Никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ намъ приходилось говорить объ этомъ на Карѣ, не сомнѣвается, въ чемъ надо искать причину этому. Тюремный врачь высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ. „У насъ цынга никогда не переводится — сказалъ онъ. — Вы были въ тюрьмахъ и знаете, каковы ихъ санитарныя условія. Естественно, эта грязь и тѣснота вызываютъ болѣзни. У насъ въ гоститалѣ теперь 140 человѣкъ; весною ихъ часто бываетъ до 250“ *).

Большинство больныхъ посылаютъ въ госпиталь тюрьмы, все количество которыхъ доходитъ всего до 1000 человѣкъ; но это число больныхъ по госпитальнымъ спискамъ далеко отъ всего числа заболѣваній на Карѣ. Очень многіе вольнокомандцы, заболѣвая, остаются у себя дома: да и изъ заключенныхъ сравнительно немногіе больные считаются настолько серьезно больными, что ихъ въ концѣ концовъ переводятъ въ госпиталь, постоянно переполненный. Цынготный, пока онъ не заболѣетъ серьезно и окончательно, часто лежитъ въ камерѣ и заражаетъ

*) Въ 1857 году, когда славный или, лучше, безславный Разгильдяевъ взялся во что бы то ни стало въ годъ добыть царю 100 пуд. золота на Карѣ, тамъ заболѣло и умерло болѣе 1000 арестантовъ; ихъ убили цынга, тифъ и истощеніе отъ непомѣрнотяжелой работы. Царствовалъ тогда Александръ Освободитель; можно было ожидать, что такая смертность въ его собственныхъ пріискахъ обратитъ на себя его вниманіе, и что онъ употребитъ хоть часть золота, добытаго цѣною тысячи жизней, на облегченіе положенія арестантовъ. Однако, ничего въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Прошло 10 лѣтъ и, по свидѣтельству Максимова, на Карѣ осталось „то же положеніе вещей, тѣ же тюрьмы, та же цынга“ (См. „Сибирь и каторга“ Максимова, т. 1, стр. 102, Петербургъ, 1871 г.) Прошло еще почти 20 лѣтъ и намъ, въ 1885 году говорятъ снова: „цынга у насъ никогда не переводится.“

Число больныхъ, лежавшихъ въ карійскомъ госпиталѣ въ 1886 году было 1208 человѣкъ. (См. рапортъ Главной Тюремной администраціи за 1886 годъ, стр. 46, 47.) Прим. Кеннана.

своимъ больнымъ дыханіемъ и безъ того отравленный воздухъ.

Обойдя всѣ камеры, мы вышли на свѣжій, живительный воздухъ, пересѣкли дворъ и черезъ новыя ворота вошли въ женскую тюрьму — такое же, только меньшее, деревянное зданіе, съ двумя большими камерами. Эти камеры были теплѣе, свѣтлѣе и выше, чѣмъ камеры мужской тюрьмы, но ихъ санитарныя условія едва ли были лучше. Хотя воздуху здѣсь было и больше, но онъ до невозможности былъ насыщенъ отвратительными испареніями изъ ватеръ-клозетовъ. Полъ весь сгнилъ, иныхъ досокъ совсѣмъ не было, другія — всѣ въ громадныхъ щеляхъ, куда заключенные, очевидно, бросали остатки пищи и выливали помои. Я остановился на мгновеніе надъ одной изъ такихъ щелей, но выходившая оттуда вонь отъ разложенія органическихъ отбросовъ была слишкомъ ужасна, слишкомъ ясно напоминала о тифѣ и цынгѣ, чтобы я рѣшился вдохнуть въ себя болѣе одного раза эту заразу. Женскія камеры, какъ и мужскія, не имѣли никакой мебели, кромѣ тѣхъ же наръ, лишенныхъ всякихъ признаковъ постельныхъ принадлежностей. Я не встрѣтилъ тамъ ни одной подушки, ни одного одѣяла. Въ двухъ камерахъ содержалось 48 женщинъ, изъ которыхъ у 7 или 8 были на рукахъ грудныя дѣти.

Во время нашего обхода, къ г. Потулову то и дѣло обращались съ жалобами и прошеніями. Одинъ арестантъ, смѣнившійся въ пьяномъ видѣ по дорогѣ съ своимъ товарищемъ и попавшій вмѣсто него на каторгу, просилъ о пересмотрѣ его дѣла; другой просилъ о выпускѣ въ вольную команду, такъ какъ давно уже кончилъ свой „испытуемый“ срокъ. Трое, уже два мѣсяца бывшіе въ тюрьмѣ, не знали, почему и за что они сюда попали, и т. д. Многіе обращались ко мнѣ, очевидно думая найти во мнѣ ревизора, и чтобы избавить Потулова отъ затруднительнаго положенія, а жалобщиковъ — отъ наказанія, я поспѣшилъ объяснить, что я не ревизоръ, а только любопытствующій путешественникъ. Жалобы и, очевидно, отвратительное состояніе тюремъ, казалось, раздражали Потулова, и онъ становился все угрюмѣе и мрачнѣе. Онъ не пытался ничего ни объяснять, ни защищать, ни извинять; ни тогда, ни послѣ онъ не спрашивалъ меня, какое впечатлѣніе произвели на меня Усть-Карійскія тюрьмы; онъ хорошо понималъ, какое впечатлѣніе онѣ *должны* были произвести.

Тутъ же рядомъ находилась и женская политическая тюрьма, но безъ разрѣшенія коменданта Николина даже Потуловъ не могъ

войти въ нее. Изъ всего, что я узналъ о ней впослѣдствіи, было ясно, что, будучи нѣсколько чище и свободнѣе, по комфорту и по санитарнымъ условіямъ она была мало чѣмъ лучше тѣхъ тюремъ, которыя я успѣлъ посѣтить.

Во вторникъ мы посѣтили Средне-Карійскую тюрьму, лучшую изъ здѣшнихъ. Средній промыселъ находится миляхъ въ трехъ отъ Нижняго. Дорога къ нему идетъ по правому берегу Кары, по пустынной и покрытой снѣгомъ долинѣ, возлѣ которой тамъ и сямъ разбросаны хижины вольнокомандцевъ. Болѣе жалкихъ человѣческихъ жилищъ я не встрѣчалъ. Лучшія изъ нихъ напоминаютъ самыя бѣдныя изъ домовъ ирландскихъ земледѣльцевъ, худшія же какія-то сабачьи конуры, наскоро устроенныя изъ хворосту и досокъ. Какъ проводятъ въ нихъ люди суровую сибирскую зиму — совершенно непонятно.

Вольная команда имѣетъ ввиду, по оффиціальнымъ толкованіямъ, исправленіе каторжниковъ перспективою болѣе свободной и обезпеченной жизни. Она скорѣе деморализуетъ, чѣмъ исправляетъ; она поощряетъ пьянство и лѣность; она не гарантируетъ арестанту, даже дѣйствительно исправляющемуся, вѣрнаго улучшенія его положенія, и, въ концѣ концовъ, она является лишь средствомъ выбрасывать въ среду сибирскаго населенія тысячи преступниковъ самого худшаго вида. Разрѣшеніе женамъ и дѣтямъ осужденныхъ слѣдовать за ними въ Сибирь и жить здѣсь — безъ защиты и опоры — въ вольной командѣ, ведетъ также лишь къ деморализаціи. Правительство содержитъ ихъ въ надеждѣ, что впослѣдствіи онѣ смогутъ оказывать благотворное вліяніе на ихъ мужей и отцовъ, но результаты рѣдко отвѣчаютъ этимъ ожиданіямъ. Женщины и дѣвушки, даже если онѣ съумѣли, не развратившись, пройти черезъ испытанія сотенъ переполненныхъ этаповъ и пересыльныхъ тюремъ, здѣсь почти неизбѣжно кончаютъ самой разнузданной проституціей. Да и вообще, у вольнокомандца, котораго скоро ждетъ отправка на поселеніе, не можетъ быть достаточно сильныхъ побужденій устраиваться на Карѣ: — вѣдь все его обзавѣденіе пропадетъ. Поэтому всякій старается прожить свой „исправляющій“ срокъ по возможности въ праздности и въ грубыхъ удовольствіяхъ, вродѣ пьянства и разврата. Стремленіе же всѣхъ арестантовъ въ вольную команду объясняется сравнительною легкостью побѣга оттуда. Каждое лѣто, когда погода дѣлаетъ возможною жизнь на лонѣ природы, въ вольной командѣ начинаются и въ теченіи 2, 3 мѣсяцевъ безпрерывно

происходятъ частные побѣги по направленію къ Байкалу. Сигналъ этому движенію даетъ крикъ кукушки, указывающій на приближеніе лѣта. Болѣе 300 человѣкъ на Карѣ ежегодно отзываются на зовъ „генерала Кукушкина“, а по всей Сибири считаютъ число бродягъ каждое лѣто въ 30.000 человѣкъ. Большинство бродягъ къ зимѣ возвращается, назадъ, въ кандалахъ и подъ конвоемъ, но что за бѣда! они хотя нѣсколько мѣсяцевъ успѣли подышать чистымъ воздухомъ лѣсовъ и степей! У многихъ это доходитъ до маніи бродяжничества. Они знаютъ, что ихъ поймаютъ, что въ теченіи мѣсяцевъ имъ придется вести жизнь гонимаго звѣря, питаться ягодами и кореньями, спать на сырой землѣ и ежеминутно быть готовыми къ смерти. Они знаютъ это, но достаточно закуковать кукушкѣ, чтобы истиннаго бродягу неудержимо потянуло въ лѣсъ.

„У меня былъ слуга,— разсказывалъ мнѣ одинъ карійскій чиновникъ — который принадлежалъ къ числу завзятыхъ бродягъ и былъ постоянно въ бѣгахъ лѣтомъ. Ему всегда приходилось выносить невозможныя лишенія; онъ не надѣялся вырваться изъ Сибири и неизмѣнно возвращался на Кару, въ кандадахъ, на жестокое наказаніе; но ничто не могло остановить его. Когда онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, онъ пришелъ разъ ко мнѣ раннимъ лѣтомъ и сказалъ: — баринъ, сдѣлайте милость, посадите меня въ тюрьму. — Въ тюрьму? — удивился я — за что же? — Ни за что, баринъ. Вы знаете — я бродяга. Сколько разъ я бѣгалъ и теперь убѣгу, коли не запрете. Прежде то я былъ молодой, а теперь уже старъ и слабъ сталъ, не выдержу бродяжеской жизни, а коли генералъ Кукушкинъ позоветъ — безпременно побѣгу. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, заприте меня, чтобы я не могъ уйти. — Я заперъ его и продержалъ въ тюрьмѣ часть лѣта. И что же? — лихорадка его прошла и онъ сталъ снова спокоенъ, доволенъ и смиренъ.“

Есть что-то трогательное въ этомъ неудержимомъ стремленіи слабаго разбитаго старика къ вольной и полной опасностей жизни, въ этой невозможности для него бороться противъ обаянія завѣтнаго крика кукушки, зовущаго его на эту жизнь. Онъ знаетъ, что онъ сталъ старъ и слабъ, что онъ не сможетъ болѣе, какъ онъ могъ когда-то, бродить по лѣсамъ, переходить рѣки, питаться кореньями, спать на сырой землѣ. Но пусть только заслышитъ онъ призывные звуки, его съ прежнею силою охватываютъ импульсы молодости, онъ снова живетъ въ воображеніи тою жизнью свободы и простора, которую, увы,

онъ испыталъ лишь въ безлюдной тайгѣ; если ему не помѣшаютъ, онъ уйдетъ, онъ *долженъ* уйти. Какъ нѣкогда Улиссъ самъ связалъ себя, чтобы не поддаться очарованію пѣнья сиренъ, такъ этотъ бѣдный старикъ самъ просился въ тюрьму, чтобы не слышать крика кукушки, который такъ тѣсно связанъ въ его душѣ со всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ въ жизни свободнаго и счастливаго.

Читателю можетъ показаться странной та легкость, съ которою бѣгутъ люди съ каторги, охраняемой тысячью казаковъ, но, въ сущности, это объяснятся очень просто. Дома вольнокомандцевъ не находятся подъ надзоромъ, а вокругъ каторжнаго округа нѣтъ никакой караульной цѣпи. Арестанту, если только онъ не въ тюрьмѣ, очень легко завязать въ мѣшокъ небольшой запасъ сбереженнаго хлѣба, привязать къ поясу котелокъ и, съ топоромъ за плечами, ночью скрыться въ близь лежащей тайгѣ. Непосредственныя власти къ тому же смотрятъ на эти побѣги болѣе, чѣмъ сквозь пальцы, потому что они для нихъ выгодны. Они продолжаютъ получать на отсутствующихъ раціоны содержанія и полагающуюся одежду и продаютъ ихъ въ свою пользу мѣстнымъ торговцамъ евреямъ, которые, въ тоже время, и казенные подрядчики по поставкѣ этихъ вещей. Такимъ образомъ каждый побѣгъ является для смотрителя источникомъ вѣрнаго дохода, пока можно скрывать отсутствіе бѣжавшаго. При такихъ обстоятельствахъ трудно ожидать энергическихъ мѣръ для предупрежденія побѣговъ или для поимки бѣглецовъ со стороны мѣстнаго начальства.

Средне-Карійская тюрьма есть довольно длинное одноэтажное деревянное зданіе, одной своей стороной выходящее на улицу, а съ трехъ другихъ-окруженное палями, заключающими въ себѣ квадратный дворъ. Ни по внѣшности, ни по плану оно почти не отличалось отъ Усть-Карійской тюрьмы, но было много новѣе и нѣсколько лучше въ санитарномъ отношеніи. Такъ какъ во время нашего посѣщенія почти всѣ ея обитатели были въ работахъ въ близь лежащемъ пріискѣ, я не могъ судить, насколько она переполнена. Г. Потуловъ сказалъ мнѣ, что въ ней содержится 107 человѣкъ. Теперь въ ней оставалось лишь нѣсколько человѣкъ, или больныхъ, или занятыхъ внутренней-тюремной работой и на кухнѣ. Атмосфера— безконечно лучшая, чѣмъ на Усть-Кары, — была тѣмъ не менѣе тяжела. На стѣнахъ камеры были развѣшены свѣжія сосновыя вѣтви. Между ними, кое-гдѣ, висѣли картонныя до-

сточки съ напечатанными на нихъ изрѣченіями изъ Евангелія. Одно изъ этихъ изрѣченій я запомнилъ: „прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“ — гласило оно. Какъ попали сюда эти доски я не знаю, но меня невольно поразило странное и почти ужасающее противорѣчіе между грязными и черными стѣнами и развѣшенными на нихъ праздничными украшеніями изъ зеленыхъ вѣтвей, — между голыми нарами, полными клоповъ и вшей и этимъ обѣщаніемъ успокоенія для „труждающихся и обремененныхъ.“ Какимъ великимъ облегченіемъ здѣшнихъ „обремененныхъ“ былъ бы даже тѣлесный покой, видно изъ того, какъ заботливо старались арестанты изъ всякихъ тряпокъ и обрывковъ стараго платья устраивать себѣ нѣчто въ родѣ подстилокъ, которыя тамъ и сямъ покрывали голыя доски наръ. Глядя на эти подстилки, сшитыя изъ десятковъ и сотенъ лоскутьевъ, трудно было представить, чтобы они хоть немного умягчали жесткое деревянное ложе. Со стороны русскаго правительства мнѣ кажется совершенно непростительно это отсутствіе въ его тюрьмахъ хотя бы простыхъ соломенныхъ матрацовъ и подушекъ. Вѣдь даже въ сабачьи кануры бросаютъ клокъ соломы. А русское правительство заставляетъ людей работать 10, 12 часовъ въ своихъ рудникахъ и, оставляя ихъ затѣмъ усталыхъ и разбитыхъ спать на голыхъ доскахъ, въ видѣ утѣшенія вѣшаетъ надъ ихъ головами великую заповѣдь и обѣщаніе Христа: „Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“. Я съ Фростомъ тщательно изслѣдовали десятокъ тюремъ въ Забайкальѣ, и ни въ одной изъ нихъ, за исключеніемъ новой центральной Верхнеудинской тюрьмы, мы не нашли ни постели, ни подушекъ, ни одѣялъ. Вездѣ арестанты спятъ на голыхъ доскахъ, укутанные въ свои же халаты, вездѣ ихъ мучатъ клопы и иные насѣкомыя, вездѣ они вдыхаютъ въ себя снова и снова тотъ же испорченный воздухъ, пока къ немъ не остается, кажется, столько кислороду, чтобы поддерживать горѣніе ночника. Если кто-нибудь думаетъ, что я преувеличиваю и кладу слишкомъ черныя краски, пусть тотъ прочтетъ у Максимова, описаніе Нижне-Карійской тюрьмы („Сибирь и Каторга“ I, 100, 103), у Орфанова описаніе старой Верхнеудинской тюрьмы („Вдали“ 220—222) и, особенно выводы, къ которымъ приходитъ послѣдній авторъ по отношенію къ восточно-

сибирскимъ тюрьмамъ вообще во второй части своей книги.*) Все это говорилось до меня, говорилось самими русскими. Я повторяю это не потому, что мнѣ нравится это занятіе, — о, нѣтъ! — а потому, что это должно повторять и повторять, чтобы привлечь вниманіе тѣхъ, отъ кого зависитъ измѣнить положеніе вещей.

Осмотрѣвъ камеры, мы не пропустили и кухню. На Карѣ каторжникъ получаетъ въ день 3 ф. чернаго хлѣба, около 4 унцій мяса (считая и кости), немного ячменю, который обыкновенно кладутъ въ супъ, и немного кирпичнаго чаю. Иногда они получаютъ картофель или капусту, но эту роскошь надо добывать лишнимъ трудомъ или долгой экономіей въ разныхъ мелочахъ. Раціонъ этотъ, какъ мнѣ кажется, достаточный по количеству, страдаетъ однообразіемъ. Хлѣбъ я пробовалъ: онъ не хуже обыкновеннаго хлѣба русскаго крестьянина, но скверно выпеченъ, липокъ и тѣстообразенъ. Повара при мнѣ разрѣзывали на кусочки вынутое изъ супа мясо; надо признаться, что эти кусочки имѣли далеко не презентабельный видъ; они скорѣе походили на жирныя кусочки, изъ которыхъ варятъ мыло. Порядокъ, въ которомъ арестанты принимали пищу, таковъ: утромъ, послѣ повѣрки, — завтракъ, состоящій изъ кирпичнаго чаю съ хлѣбомъ; послѣ завтрака арестанты идутъ на работу, беря съ собою хлѣбъ и чай, который и пьютъ на мѣстѣ работъ, возлѣ разложеннаго на воздухѣ костра, какова бы ни была погода, даже въ жестокіе зимніе холода. Къ вечеру, вернувшись съ работъ, арестанты, въ первый разъ въ день ѣдятъ основательно: тогда имъ даютъ супъ, мясо, хлѣбъ и иногда чай. Послѣ вечерней повѣрки ихъ запираютъ на ночь и они ложатся спать, внеся въ камеры „параши“, разостлавъ — у кого есть — на нарахъ свои самодѣльныя подстилки и свернувъ подъ голову какую-нибудь принадлежность своего костюма. — Одежда, выдаваемая — или, лучше сказать, полагающаяся по закону — карійскимъ каторжникамъ, состоитъ изъ грубой полотняной рубахи и такихъ же портовъ — на шесть мѣсяцевъ; изъ шапки, пары суконныхъ панталонъ и суконнаго халата — на годъ; изъ полушубка — на два года; изъ „бродней“ — на зиму, и „котовъ“ — лѣтомъ — на каждые 22 дня. На каждаго ка-

*) Орфановъ, между прочимъ, пишетъ — и пишетъ курсивомъ, — что за все время своей девятилѣтней службы въ Сибири онъ „никогда не видѣлъ тюрьмы, въ которой бы не было по крайней мѣрѣ вдвое болѣе заключенныхъ, чѣмъ полагается по штатамъ“ (стр. 233). Прим. Кеннана.

торжника правительство тратитъ въ годъ 50 долларовъ; — такую цифру далъ мнѣ г. Потуловъ.

Окончивъ осмотръ Средне-Карійской тюрьмы, мы отправились вверхъ по долинѣ за Верхній Промыселъ и здѣсь, оставивъ экипажъ, пошли пѣшкомъ къ мѣсту добычи золота. Золотоносный песокъ на Карѣ лежитъ подъ слоемъ глины, песку и гравеля; толщина этого слоя — отъ 10 до 12 футовъ. Каторжныя работы арестантовъ состоятъ въ снятіи этого слоя и въ переноскѣ золотоноснаго песка къ „машинѣ“; здѣсь, въ большомъ желѣзномъ ящикѣ, онъ промывается водой, съ которою и выпускается въ рядъ мелкихъ наклонныхъ корытъ, гдѣ золотыя частицы осѣдаютъ на дно и здѣсь задерживаются низкими поперечными планками.

День нашего посѣщенія пріиска былъ холодный и угрюмый, и едва-ли можно себѣ представить болѣе мрачную картину, чѣмъ та, которую представлялъ пріискъ. 30 или 40 каторжниковъ, окруженные кордономъ казаковъ работали въ глубокомъ колодцѣ, дно котораго было нѣкогда русломъ рѣки. Одни отламывали ломами большія глыбы гравеля и глины, другіе накладывали ихъ въ ручныя носилки, третьи уносили ихъ и разгружали ярдахъ во 150—200 отъ мѣста работъ. Машина не дѣйствовала, и это были только предварительныя работы. Каторжники, большинство которыхъ было въ кандалахъ, работали медленно и устало; молчаніе прорывалось лишь изрѣдка ударами лома, звяканіемъ цѣпей и отрывистыми окриками надсмотрщиковъ. Только вокругъ и вблизи разложеннаго костра, гдѣ нѣсколько казаковъ слѣдили за приготовленіемъ чая и старались отогрѣть свои иззябшія руки надъ тлѣющимъ огнемъ, слышались разговоры. Постоявъ минутъ 10—15, мы, утомленные и какъ-то придавленные печальной картиной, вернулись къ экипажу и отправились на Нижній Промыселъ.

Зимою, работы на Карѣ продолжаются отъ 7 ч. утра до 5 ч. в.; лѣтомъ — отъ 5 ч. утра до 7 ч. веч. Однако, не малая часть времени уходитъ на путешествіе изъ тюрьмы къ разрѣзу, и обратно. Ежегодная добыча золота на Карѣ — 11 пудовъ, идущая въ кошелекъ Его Величества Царя. Но, въ сущности, его добывается, вѣроятно, значительно больше, такъ какъ вольнокомандцы часто тайкомъ моютъ золото для себя и перепродаютъ его торговцамъ, переправляющимъ его въ Китай. Имѣть у себя „золотую пшеничку“ — уголовное преступленіе, но выгоды отъ торговли золотомъ такъ значительны, что спе-

куляторы рискуютъ покупать его у преступниковъ, которые говорятъ, что „золото—божье“, и считаютъ себя въ правѣ его добывать тайкомъ. Стоимость содержанія карійскихъ промысловъ доходитъ до 500.000 р. Какую долю этихъ расходовъ покрываетъ изъ своихъ средствъ царь, — я не знаю. Изъ всѣхъ своихъ пріисковъ — „Кабинетскихъ“, какъ они называются въ Восточной Сибири, онъ получаетъ въ годъ около 3600 фунтовъ чистаго золота.

V.

„Вольная команда“ на Карѣ

Главнымъ образомъ занимало насъ на Карѣ выясненіе положенія, въ которое поставлены тамъ политическіе каторжники. Уголовныхъ преступниковъ, вродѣ бродягъ, фальшивыхъ монетчиковъ, убійцъ и пр. мы видѣли, — или могли видѣть, — въ десяткѣ другихъ мѣстъ; но политическихъ можно было найди только здѣсь; только здѣсь можно было познакомиться съ условіями ихъ существованія. Для этого необходимо было бы посѣтить хотя одну изъ политическихъ тюремъ и имѣть постоянно свободный доступъ къ тѣмъ, которые, пройдя свой испытуемый срокъ, были выпущены изъ нихъ и жили въ „вольной командѣ“. Это было не легко,—мы знали; но приходить въ отчаяніе было еще рано. Мы были уже не тѣ неопытные, безхитростные туристы, которые всѣ надежды свои возлагаютъ на рекомендательныя письма и оффиціальныя указанія. Шестимѣсячное пребываніе въ той школѣ, которая воспитываетъ и самихъ ссыльныхъ, научило насъ болѣе или менѣе успѣшно бороться съ подозрительностью полиціи и жандармовъ; къ тому же мы были вооружены массою свѣдѣній и указаній, которыми снабдили насъ сибирскіе ссыльные, знающіе карійскіе порядки.

Выгоднѣе всего намъ было, какъ мнѣ казалось, прежде всего, пріобрѣсти какъ можно болѣе пріятелей и связей въ окружающемъ насъ оффиціальномъ и неоффиціальномъ мірѣ; избѣгать проявленій своего интереса по отношенію къ политическимъ, и, познакомившись какъ можно лучше съ окружающей средой, ждать благопріятныхъ случайностей. Мы не могли много выиграть и, наоборотъ, могли все потерять, слишкомъ поспѣшными и необдуманными дѣйствіями. Поэтому, въ теченіи 3—4 дней мы только и дѣлали, что ходили по уголовнымъ тюрьмамъ и пріискамъ, бесѣдовали со всякими мѣстными чиновниками, старались понравиться Потулову и его женѣ, и, вообще, изучали положеніе. Для меня скоро стало яснымъ, что просить разрѣшенія повидаться съ политическими вольнокомандцами — было бы безумiемъ, что надо искать ихъ знакомства тайкомъ. Большинство изъ нихъ я зналъ по имени и по репутаціи;

къ г-жѣ же Наталіи Армфельдтъ у меня была особая рекомендація. Зналъ я и гдѣ она живетъ; но какимъ чудомъ можно было бы незамѣтно побывать у нее, въ этой деревушкѣ, переполненной казаками и жандармами, гдѣ за мной, какъ иностранцемъ, слѣдили съ такой же назойливой неотступностью, съ какою бы слѣдили въ какой-нибудь англійской деревушкѣ за русскимъ царемъ? Впрочемъ, это было еще не самое худшее. Я скоро замѣтилъ, что у насъ прямо таки нѣтъ никакой возможности ни на минуту избавиться отъ любезной предупредительности Потулова. Съ момента нашего прибытія онъ оставилъ всѣ свои дѣла и посвятилъ себя намъ всецѣло. Если мы оставались дома, онъ оставался съ нами; если мы выходили, онъ неизмѣнно сопровождалъ насъ. Стоило мнѣ протянуть руку къ шляпѣ, — тотчасъ слѣдовалъ вопросъ: „куда вы идете?“ Если я отвѣчалъ ему, что хочу немного пройтись, онъ тотчасъ говорилъ: „подождите минутку; я пройдусь съ вами“. Очевидно онъ всѣми силами хотѣлъ помѣшать намъ самостоятельно знакомиться съ чѣмъ-нибудь. Такое отношеніе къ дѣлу со стороны государственнаго чиновника, занимающаго такой видный постъ, было совершенно естественно и, съ его точки зрѣнія, похвально. Но для моихъ цѣлей это было крайне непріятно: Я хотѣлъ знать истинное положеніе вещей въ запретной для меня области, и я долженъ былъ добиться своего во что бы то ни стало, насколько позволяли это порядочность и честь. Наиболѣе затруднительнымъ въ этомъ случаѣ было, съ моральной точки зрѣнія, наше положеніе гостей г. Потулова. Крайне непріятно было бы пользоваться гостепріимствомъ человѣка и, въ то же время, скрывать отъ него свои цѣли. Но. . . выбора не было. Если мы бы открыли Потулову нашу затаенную цѣль познакомиться съ политическими вольнокомандцами и узнать отъ нихъ о жизни ихъ товарищей въ тюрьмѣ, онъ рѣшительно воспротивился бы этому и мы, какъ его гости, должны были бы подчиниться. Въ теченіи нѣсколькихъ дней я тщетно искалъ вполнѣ удовлетворительнаго выхода изъ этихъ, въ большей или меньшей степени, непріятныхъ альтернативъ, и въ концѣ-концевъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: если я найду случай повидаться съ политическими раньше, чѣмъ Потуловъ выразитъ мнѣ свое отношеніе къ этому дѣлу, я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, дѣйствуя, конечно, при этомъ, на свой личный страхъ и рискъ и избавивъ его напередъ отъ всякихъ подозрѣній въ соучастіи. Въ самомъ дѣлѣ,

почему случайныя обязанности гостя, — положеніе, въ которое я попалъ далеко не по своему желанію, — должны были бы совершенно связать меня по рукамъ и по ногамъ?

Прійдя къ такому рѣшенію я началъ искать удобнаго случая. Но я, оказалось, такъ запутался въ сложную сѣть личныхъ отношеній съ самыми разнообразными людьми, что мое положеніе было почти безвыходно. На второй день послѣ нашего прибытія къ намъ явился съ визитомъ жандармскій капитанъ Николинъ, комендантъ Карійскихъ полит. тюремъ. Онъ сразу произвелъ на меня непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, но меня все-таки поразила та пренебрежительная, оскорбительная холодность, съ которой принялъ его Потуловъ. Очевидно было, что эти два человѣка не были большими друзьями, и я недоумѣвалъ, какъ Николинъ хладнокровно выноситъ подобное къ себѣ отношеніе. Всякій, на его мѣстѣ, посмотрѣлъ бы на такой пріемъ, какъ на пощечину и ни минуты не остался бы въ домѣ. Но жандармы, вѣроятно, готовы подвергнуться всему, если только этой цѣной они смогутъ достичь своихъ цѣлей. Капитанъ Николинъ хотѣлъ видѣть американскихъ путешественниковъ, хотѣлъ знать, зачѣмъ они забрались въ этотъ заброшенный уголокъ и, несмотря на болѣе чѣмъ холодный пріемъ Потулова. сіялъ, какъ майское утро. Я долженъ былъ встрѣтить его возможно любезнѣе, настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы не раздражить г. Потулова. Мнѣ надо было не только изгнать изъ него возможныя подозрѣнія, но и пріобрѣсти его довѣріе. „Даже для жандарма должно быть пріятно, — думалъ я —, если его встрѣчаютъ, рядомъ съ оскорбительнымъ отношеніемъ его сослуживца, любезность и видимое уваженіе со стороны иностранца. Пріемъ нашего хозяина, примѣру котораго мы должны бы были слѣдовать, какъ гости, только оттѣнитъ еще больше нашу любезность и расположитъ Николина въ нашу пользу.“ И дѣйствительно, Николинъ былъ, по видимому, неожиданно — пріятно пораженъ нашимъ пріемомъ и при прощаніи, крѣпко пожимая мою руку, онъ выразилъ надежду видѣть насъ еще. Онъ не рѣшился, само собой разумѣется, приглашать насъ къ себѣ въ присутствіи Потулова; мы, съ своей стороны, не обѣщали ему этого, но рѣшили отдать ему визитъ при первой возможности. Потуловъ былъ настолько тактиченъ и деликатенъ, что не позволилъ себѣ сказать ничего дурнаго о Николинѣ послѣ его ухода, но изъ многихъ моихъ разговоровъ съ другими мѣстными чиновниками я узналъ, что личныя от-

ношенія между этими двумя человѣками были крайне натянуты, и что Николина ненавидѣли и презирали — какъ шпіона и кляузника — всѣ мѣстные чиновники и офицеры.

— „Онъ вѣчно пишетъ въ Петербургъ на всѣхъ насъ доносы и рапорты, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. — Ну, да пусть себѣ пишетъ. Я не боюсь его. За послѣдніе 3 года у насъ тутъ перебывало 4—5 жандармовъ въ качествѣ комендантовъ полит. тюрьмы; онъ самый худшій изъ всѣхъ.“

Характеръ отношеній между Потуловымъ и Николинымъ крайне усложнялъ мое положеніе. Если бы мнѣ и удалось какъ-нибудь познакомиться съ политическими, Николинъ, конечно, узналъ бы объ этомъ; узналъ бы, можетъ быть, что я привезъ имъ кое-какія письма отъ товарищей. И вотъ, доносъ былъ бы готовъ — доносъ, который онъ сдѣлалъ бы базисомъ обвиненій противъ своего врага. „Кеннанъ — гость Потулова, — сказалъ бы онъ. Кеннанъ ночью былъ у политическихъ и передалъ имъ письма. Онъ не могъ сдѣлать этого безъ знанія и поощренія со стороны Потулова. Слѣдовательно, Потуловъ повиненъ въ нарушеніи закона и въ затрудненіи моихъ функцій, какъ коменданта. Но я рѣшительно отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность по сохраненію порядка во ввѣренной мнѣ области, если г. Потуловъ будетъ устраивать иностранцамъ преступныя сношенія съ политическими преступниками.“ Такимъ образомъ я могъ бы, пользуясь гостепріимствомъ Потулова, навлечь на него большія непріятности. Но этого мало. Капитанъ Николинъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ крайнимъ врагомъ „вольной команды“ для политическихъ, какъ весьма опаснаго нововведенія и неоднократно предлагалъ ея упраздненіе. Мои сношенія съ политическими могли бы дать ему новый аргументъ въ пользу его проектовъ. Онъ могъ бы написать министру приблизительно слѣдующее: „Цѣль правительства — изолировать опасный классъ государственныхъ преступниковъ, не позволяя имъ сноситься съ своими родственниками иначе, какъ чрезъ мое посредство. Но мнѣ совершенно невозможно исполнять эти инструкціи, если политическимъ ссыльнымъ будетъ дозволено жить внѣ стѣнъ тюрьмы, гдѣ контроль крайне затруднителенъ и гдѣ они свободно могутъ сообщаться съ посторонними людьми. Иностранные путешественники все чаще и и чаще появляются въ Сибири, и Кара уже перестала быть никому неизвѣстнымъ уголкомъ. Если сами представители правительства, вродѣ Потулова, способствуютъ такимъ недозволен-

нымъ сношеніямъ, то правительству остается или отказаться отъ своихъ плановъ, или уничтожить вольную команду для политическихъ и вернуть ихъ въ тюрьму."

Не трудно угадать вѣроятныя послѣдствія подобнаго рапорта. Однимъ секретнымъ посѣщеніемъ я погубилъ бы „вольную команду" и бросилъ бы ея членовъ въ кандалы и въ одиночки. Мысль о такой возможности была невыносима, и я не одну ночь пролежалъ безъ сна, взвѣшивая вѣроятности и ища исхода. Я не могъ найти лучшаго, чѣмъ тотъ, къ которому я пришелъ вначалѣ: всѣми силами постараться повидаться съ политическими, какъ только представится удобный случай вырваться изъ подъ наблюденія Потулова.

На шестой день моего пребыванія на Карѣ такой случай представился. Г. Потуловъ долженъ былъ ѣхать на Усть-Кару, чтобы присутствовать при слѣдствіи по поводу недавняго пожара, разрушившаго казенный мучной складъ*). До сихъ поръ онъ въ разговорахъ съ нами ни разу не касался щекотливаго вопроса о политической каторгѣ. Очевидно, онъ убѣдился въ нашей „невинности", и теперь, уѣзжая, онъ шутливо ввѣрилъ насъ заботамъ своей жены. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда я началъ готовиться къ экспедиціи: спряталъ подъ подкладку своего широкаго мѣховаго пальто маленькія подарки, которыя взялся передать здѣсь, переложилъ изъ чемодана въ кармамъ привезенныя письма и, вооружившись грубымъ планомъ промысла, которымъ меня снабдили, отправился пѣшкомъ по направленію къ политической тюрьмѣ. Было около

---

*) Исторія этого склада можетъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики взяточничества русскаго чиновничества, особенно въ Сибири. Складъ содержалъ въ себѣ или, вѣрнѣе, долженъ былъ содержать 20,000 пудовъ казенной муки, предназначенной для продовольствія Карійской каторги. Разслѣдованіе послѣ пожара открыло, что 20—30 пудовъ муки, принадлежавшей частнымъ людямъ и временно хранившейся въ казенномъ складѣ, было попорчено только снаружи, и что, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ ея осталось годной для употребленія. Отъ 20,000 п. казенной муки не осталось и слѣда, и слѣдствіе показало, что эта мука была раньше украдена, и что зданіе было подожжено именно, чтобы скрыть это воровство. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя—уже послѣ нашего отъѣзда—домъ Потулова, въ которомъ хранились всѣ документы по идущему слѣдствію, сгорѣлъ такимъ же таинственнымъ образомъ. Цензура не разрѣшила ничего писать объ результатахъ слѣдствія, и я не знаю, найденъ ли былъ виновникъ этого двойнаго преступленія. Но, въ большинствѣ случаевъ, двусмысленная и запутанная связь преступниковъ такого рода съ высшими властями заставляетъ тушить дѣло и не доводить его до суда. То же, я думаю, было и въ этомъ случаѣ. Прим. Кеннана.

2 часовъ пополудни. Потулова ждали лишь къ вечеру слѣдующаго дня, такъ что я смѣло могъ разсчитывать болѣе чѣмъ на 24 часа свободы отъ контроля. Я былъ намѣренъ прежде всего сдѣлать визитъ Николину, и, въ дружелюбной бесѣдѣ, разсѣять послѣдніе слѣды недовѣрія и подозрительности, вызванные нашимъ пріѣздомъ, и, затѣмъ, прямо отъ него, подъ покровомъ темноты, найти избу, въ которой жила Наталія Армфельдтъ. Этотъ порядокъ я установилъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, Николинъ, конечно, зналъ уже, что Потуловъ уѣхалъ на Усть-Кару; и ему будетъ очень лестно — думалъ я — то обстоятельство, что я воспользовался первой минутой, отсутствія моего хозяина — его врага, — чтобы навѣстить его; во-вторыхъ, мнѣ казалось болѣе безопаснымъ отправляться на поиски Армфельдтъ прямо изъ дома коменданта; если бы меня увидали, могли бы подумать, что я дѣйствую съ разрѣшенія Николина; да и вообще, кто не рискуетъ — не выигрываетъ.

Капитанъ Николинъ былъ старый и опытный жандармскій офицеръ — хитрый и безцеремонный. Онъ получилъ свое воспитаніе въ хорошей школѣ — у знаменитаго Муравьева-Вѣшателя, — и служилъ уже 30 лѣтъ. Это былъ невысокій, крѣпко сколоченный мущина лѣтъ 50—55, съ лысой головой, большой сѣдой бородой, тонкими, крѣпко сжатыми, злыми губами, непроницаемымъ лицомъ и холодными сѣрыми глазами. Онъ былъ примѣрно любезенъ и внимателенъ, но неблагопріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня при нашей первой встрѣчѣ, скорѣе усилилось, чѣмъ умепьшилось при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Онъ встрѣтилъ меня съ утрированной сердечностью и простотой, стараясь смягчить, насколько возможно, грубыя черты физіономіи, но онъ не могъ измѣнить свои холодные, пытливые глаза, которые слишкомъ ясно говорили, что „за пазухой у него камень.“ Однако, и у него была своя слабая струнка: — кичливость и преувеличенное представленіе о своей важности и объ отвѣтственности своего поста. Кичливость эта проглядывала въ немъ во всемъ: онъ, простой капитанъ, былъ выбранъ въ Петербургѣ изъ всѣхъ капитановъ и посланъ на такое важное мѣсто; его избавили отъ всякаго мѣстнаго контроля; ему дали привиллегію прямо сноситься съ министромъ, чуть-ли не съ царемъ! Мнѣ казалось, что человѣкъ, который такъ кичился своимъ положеніемъ, и зналъ, что, не смотря на это положеніе, всѣ кругомъ его презираютъ и

ненавидитъ, долженъ былъ быть очень польщенъ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, съ которыми съумѣлъ отнестись къ нему иностранецъ, живущій гостемъ у его врага. Не знаю, насколько основательны были эти соображенія, но я дѣйствовалъ сообразно имъ. Прежде всего я высказалъ ему сожалѣніе о невозможности быть у него раньше, невозможности „не по моей винѣ, а по постороннимъ обстоятельствамъ.“ Онъ благодарно поклонился, сказалъ, что вполнѣ понимаетъ мое положеніе и пригласилъ меня выпить съ нимъ чашку чаю. Казакъ внесъ въ комнату кипящій самоваръ и мы, удобно усѣвшись въ кресла, приступили къ длинной бесѣдѣ. Я разсказалъ ему, насколько умѣлъ интересно, наши приключенія въ Сибири, причемъ не преминулъ отрекомендоваться членомъ Американскаго Географическаго Общества и Русско-Американской телеграфной компаніи; описалъ мои испытанія въ Камчаткѣ, ѣзду на собакахъ и лагерную жизнь среди бродячихъ коряковъ; упомянулъ о моемъ свиданіи съ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, Влангалли, чтобы показать, что мое путешествіе по Сибири — предпріятіе не секретное, а удостоенное одобренія высшаго русскаго начальства. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ мою болтовню, а такъ какъ я не просилъ лучшаго, то постепенно разсказалъ ему мельчайшія подробности всей моей жизни до самого 1885 года. Если я и упустилъ что-нибудь, то только по забывчивости. Онъ полюбопытствовалъ, не собираюсь ли я напечатать отчетъ о моемъ путешествіи. Я отвѣчалъ ему утвердительно сказалъ, что я уже напечаталъ серію статей о Сибири, а теперь, вернувшись, напечатаю другую въ „Century“, которымъ я и посланъ. Затѣмъ, я далъ ему цѣлую кучу свѣдѣній на счетъ нашихъ американскихъ журналовъ вообще и „Century“ въ частности; пригласилъ его зайти къ намъ посмотрѣть рисунки Фроста, передалъ ему, какъ много денегъ тратитъ „Century“ на свои иллюстраціи, и выразилъ сожалѣніе, что незнаніе англійскаго языка не позволитъ ему познакомиться съ моими будущими произведеніями. Онъ высказалъ надежду читать ихъ въ переводѣ, на что я отвѣчалъ, что это очень вѣроятно, такъ какъ мои прежнія статіи были переведены два раза на русскій языкъ, и т. д., и т. д., и т. д. О чемъ еще говорилъ я ему — мнѣ трудно теперь припомнить; во всякомъ случаѣ ни одному человѣку не давалъ я въ своей жизни столько свѣдѣній о себѣ и о своихъ дѣлахъ, какъ этому любознательному жандармскому офицеру.

Моя откровенность и дѣтская довѣрчивость начали производить на моего собесѣдника благотворное дѣйствіе; онъ сдѣлался проще и добродушнѣе; налилъ мнѣ 3-ю или 4-ую чашку чаю, предложилъ рому и затѣмъ видя во мнѣ столь же внимательнаго слушателя, какъ и интереснаго разсказчика, чуть не потопилъ меня въ потокѣ свѣдѣній о своей особѣ. Онъ описалъ мнѣ организацію жандармеріи и способъ, какимъ набираются и вырабатываются жандармскіе офицеры, передалъ свою личную исторію, разсказалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ получалъ повышенія по службѣ, сколько у него орденовъ, какое онъ получаетъ жалованье, сколько еще ему надо прослужить до пенсіи, и не безъ гордости напиралъ на то обстоятельство, что онъ былъ единственный чиновникъ въ Сибири — въ такомъ чинѣ —, который прямо сносится съ министромъ. Когда разговоръ коснулся вопроса о ссылкѣ, онъ, къ моему удивленію, чрезвычайно неодобрительно отнесся къ сибирскимъ этапамъ и тюрьмамъ; сказалъ, что жизнь уголовныхъ ссыльныхъ въ пути ужасна, и что ссылка въ Сибирь, помимо зла, приносимаго ею интересамъ самихъ ссыльныхъ, пагубно отражается на жизни страны. Такіе взгляды въ его устахъ были для меня совершенной неожиданностью, и я нѣкоторое время не зналъ, какъ къ нимъ отнестись: позировалъ ли предъ мной своимъ филантропизмомъ, этотъ новоявленный Говардъ въ жандармскомъ мундирѣ, или просто на просто вывѣдывалъ меня? Какъ бы то ни было, я рѣшилъ держаться его тона въ разговорѣ, не показывая, однако, слишкомъ большаго знакомства съ предметомъ и подчеркивая то немногое хорошее, что мнѣ пришлось за это время видѣть; такъ, я остановился на новой Верхнеудинской тюрьмѣ, какъ блестящемъ примѣрѣ заботливости правительства объ улучшеніи положенія вещей. — Затѣмъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, капитанъ Николинъ повернулъ разговоръ на вопросъ о политической каторгѣ на Карѣ. Положеніе политическихъ, по его словамъ, было гораздо лучше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Они живутъ вмѣстѣ въ большихъ свѣтлыхъ, камерахъ; у нихъ есть хорошая библіотека; они получаютъ деньги отъ родныхъ и друзей; имъ, наконецъ, разрѣшаютъ жить послѣ окончанія испытуемаго срока въ вольной командѣ, на свободѣ. „Какъ? — воскликнулъ я съ притворнымъ удивленіемъ — развѣ они не работаютъ въ рудникахъ?“

— Работаютъ?! — Конечно, нѣтъ? Они преспокойно сидятъ и читаютъ въ комфортабельномъ помѣщеніи, — вотъ какова ихъ работа!

— Имъ разрѣшено писать своимъ друзьямъ въ Россіи? — спросилъ я.

— О, да. Я на этомъ особенно настаивалъ, когда принималъ свою должность. Конечно, я просматриваю ихъ письма, но они могутъ писать, сколько угодно.

— А мы, въ Америкѣ, представляемъ жизнь государственныхъ преступниковъ на Карѣ совсѣмъ иною — сказалъ я. Мы думаемъ, что ихъ заставляютъ работать въ подземныхъ рудникахъ; что они прикованы къ тачкамъ, и что, вообще, эта жизнь есть вѣчная борьба съ страданіями и лишеніями.

Николинъ усмѣхнулся съ сознаніемъ своего превосходства и сказалъ, что онъ самъ думалъ такъ раньше, пока не пріѣхалъ на Кару. — „Да, вотъ — прибавилъ онъ — если бы вы теперь прошли по тюремному корридору, Вы увидали бы, что арестанты мирно сидятъ вокругъ большаго стола и читаютъ или пишутъ. — Настоящая библіотека!“

Я отвѣчалъ, что это чрезвычайно любопытно; нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, взглянуть на эту библіотеку?

— Не . . . знаю. — сказалъ онъ нерѣшительно. Видите-ли, я не могу безъ особаго разрѣшенія никого допускать въ тюрьму. Но это не важно; я могу показать вамъ нѣкоторыя книги изъ ихъ библіотеки, англійскія книги.“ И онъ тотчасъ послалъ вѣстоваго въ тюрьму. Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой возвратился, принеся съ собою томъ стихотвореній Шелли и номеръ „Панч“а, которые Николинъ и поднесъ мнѣ съ торжествующей улыбкой. — „Недавно — продолжалъ онъ — они, устроили у себя спектакль; одно время они выпускали даже свой собственный рукописный журналъ.“ Затѣмъ онъ вынулъ изъ шкафа тюремную книгу, чтобы показать мнѣ, сколько денегъ ежегодно получаетъ тюрьма отъ родныхъ. Оказалось — 6044 руб.*)

*) На возвратномъ пути я встрѣтился въ Иркутскѣ съ однимъ чиновникомъ Контрольной Палаты, который, по своей должности, имѣлъ доступъ ко всѣмъ отчетамъ, касающимся Кары. Я попросилъ его справиться, какъ много денегъ было послано на Кару родственниками политическихъ преступниковъ въ первые 10 мѣсяцевъ 1885 г. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что за это время было получено такихъ денегъ на Карѣ 375 долларовъ. Очевидно, Николинъ далъ мнѣ фиктивную цифру, желая убѣдить меня, что политическіе на Карѣ живутъ чуть не

—И арестанты пользуются правомъ сами тратить эти деньги?

— Да. — отвѣчалъ онъ. — Деньги лежатъ у меня, но они дѣлаютъ заказы и покупаютъ все, что позволяетъ тюремный регламентъ.

Я, конечно, принималъ все эти сообщенія съ открытымъ отъ наивнаго восхищенія ртомъ. Я пришелъ въ совершенный энтузіазмъ, когда этотъ гуманный и благородный жандармскій офицеръ развернулъ передо мной во всей ея прелести картину блаженной жизни „государственныхъ преступниковъ“: они обитаютъ просторныя, полныя свѣта и воздуха, комнаты; изучаютъ на досугѣ англійскую литературу; послѣ обѣда читаютъ для пищеваренія „Punch“; издаютъ собственный журналъ и устраиваютъ для развлеченія домашніе спектакли! Но моментъ спустя я долженъ былъ негодовать и возмущаться: эти самые господа, которыхъ такъ холитъ и лелѣетъ попечительное правительство, обставляя ихъ жизнь всевозможными удобствами, сказывается, платятъ ему самой черной неблагодарностью.

— Вы не можете себѣ представить, м-ръ Кеннанъ, — говорилъ мнѣ Николинъ, — что это за безсовѣстный народъ, какую массу хитростей и обмановъ употребляютъ они, чтобы обманывать начальство, скрывать запрещенныя вещи или передавать тайкомъ письма! Кстати, чтобы вы сдѣлали, м-ръ Кеннанъ, если бы вамъ пришлось какъ можно лучше обыскать политическаго преступника?

— Я раздѣлъ бы его до нага и тщательно осмотрѣлъ бы его платье.

— И это все? — съ неподдѣльнымъ изумленіемъ спросилъ Николинъ.

Я отвѣчалъ, что ничего другаго мнѣ теперь не приходитъ въ голову.

— Вы не искали бы у него въ ушахъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Мнѣ не пришло бы это въ голову.

— Вы не обыскали бы у него во рту?

Я снова отвѣчалъ отрицательно.

— Вы не посмотрѣли бы у него въ щеляхъ зубовъ?

въ роскоши. Я увѣренъ, что свѣдѣнія, данныя мнѣ иркутскимъ чиновникомъ, совершенно точны, и, значитъ, 375 долларовъ есть настоящая сумма. Почему эта сумма такъ ничтожна, я буду имѣть случай объяснить. — 375 долларовъ въ 10 мѣсяцевъ, раздѣленные на 100 человѣкъ, даютъ по 1 1/4 коп. въ день на каждаго.

Прим. Кеннана.

Я торжественно заявилъ, что такая „замѣчательная“ идея ни за что, ни при какихъ обстоятельствахъ, не пришла бы мнѣ въ голову.

— Вотъ видите — побѣдоносно воскликнулъ Николинъ. — А я находилъ у нихъ записочки и въ ушахъ и во рту. Разъ я нашелъ въ зубахъ одного каторжника ядъ, закатанный въ воскъ, да. Ага-га — закончилъ онъ, плотоядно потирая руки, — они хитры, но я тоже старый воробей. Я знаю всѣ ихъ штуки, и меня-то они не проведутъ“.

Холодная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, когда я подумалъ при этихъ словахъ о вещахъ, спрятанныхъ въ моемъ пальто. Входя, я оставилъ его въ передней, и, быть можетъ, этотъ подозрительный жандармскій офицеръ, лазившій къ своимъ жертвамъ въ уши за письмами и въ щели зубовъ — за ядомъ, уже распорядился объ тщательномъ осмотрѣ моего пальто. Нельзя сказать, чтобы спрятанныя тамъ вещи были особенно преступны сами по себѣ: — это были двѣ китайскія чашки, ручное зеркальцо и метелка изъ красныхъ перьевъ, данныя мнѣ одной дамой въ Иркутскѣ для передачи г-жѣ Армфельдтъ въ знакъ памяти и любви; — но какъ я могъ бы объяснить ихъ присутствіе за подкладкой пальто? Положимъ, я могъ бы сказать насчетъ зеркала, что американцы очень заботятся о своей внѣшности и имѣютъ обыкновеніе, идя куда-нибудь съ визитомъ, брать съ собою зеркальце, но чашки? но метелка? Въ продолженіе непріятнаго получаса я съ трепетомъ ожидалъ появленія вѣстоваго съ красною метелкою въ рукахъ; но, къ счастію, катастрофы не произошло, и Николинъ продолжалъ съ увлеченіемъ разсказывать о политическихъ преступникахъ. Въ его разсказахъ была доля правды, но эта правда была такъ переплетена съ тенденціозною ложью, что, будь я самый наивный и довѣрчивый путешественникъ, я не могъ бы не сомнѣваться. Вообще, нашъ разговоръ представлялъ бы чрезвычайно любопытную картину для наблюдателя, знающаго взаимное положеніе собесѣдниковъ. Я не хуже зналъ политическую тюрьму и всѣ касающіяся ея подробности, чѣмъ самъ Николинъ. На груди у меня былъ скрытанъ точный ея планъ; въ карманѣ — списокъ всѣхъ заключенныхъ; я могъ бы нарисовать внутренность камеръ и расположеніе въ нихъ всѣхъ предметовъ; я зналъ, что заключенные ѣдятъ, какъ они одѣты, какъ они проводятъ свое время, я зналъ, что четверо изъ нихъ были прикованы къ тачкамъ, и нѣсколько — сумашедшихъ;

я могъ бы написать подробнѣйшую исторію тюрьмы за послѣднія 5 лѣтъ. Зная все это, имѣя при себѣ рекомендательныя письма къ вольнокомандцамъ, я долженъ былъ сидѣть и спокойно выслушивать сообщенія, лживость которыхъ была несомнѣнна; я долженъ былъ подавлять свои чувства, притворяться и играть роль невѣжественнаго и легкомысленнаго туриста, которому нечего скрывать, который — весь на распашку, который удивляется и восхищается, узнавъ, что политическіе преступники, вмѣсто того, чтобы быть прикованными къ тачкамъ, служатъ предметомъ гуманной заботливости и благосклоннаго вниманія со стороны попечительнаго начальства.

Незнаю, какое впечатленіе произвелъ я на капитана Николина, но думаю, что я успѣлъ до нѣкоторой степени сбить съ толку и успокоить эту хитрую ищейку. Быть можетъ я и ошибался; но, во всякомъ случаѣ, если онъ думалъ, что провелъ меня, то онъ ошибался не меньше. Читатель скажетъ, можетъ быть, что моя политика слишкомъ грѣшила противъ правимъ морали, но что же мнѣ было дѣлать? Моя ставка была слишкомъ серьезна. Въ моемъ багажѣ были разные революціонные документы, бумаги изъ правительственныхъ архивовъ, письма политическихъ ссыльныхъ, нѣсколько записныхъ книжекъ, содержаніе которыхъ могло бы скомпрометировать не только ссыльныхъ, но и совершенно легальныхъ людей, чиновниковъ, которые мнѣ довѣрились. Если бы подозрѣнія насъ привели къ обыску, многіе пострадали бы, а мои матеріалы погибли. Положеніе, какъ видитъ читатель, чрезвычайно трудное, и я глубоко вѣрю, что мой ангелъ, проливъ нѣсколько слезинокъ по случаю моей некрасивой роли, не слишкомъ обвинялъ меня.

Къ вечеру я простился съ Николинимъ, обмѣнявшись съ нимъ кучею комплиментовъ, и направился къ жилищу г-жи Армфельдтъ. Нервы мои были натянуты; самъ я былъ полонъ энергіи и вѣры; чувствовалъ, что одержалъ побѣду надъ жандарскимъ офицеромъ.

Армфельдтъ, исторію которой я уже зналъ, была дочь теперь умершаго русскаго генерала и сестра г-жи Федченко, жены извѣстнаго русскаго ученаго и изслѣдователя. Она принадлежала къ богатой и аристократической семьѣ, находящейся въ дружескихъ отношеніяхъ къ знаменитому романисту графу Толстому. Она говорила по французски, по нѣмецки и по англійски, рисовала и, вообще, была замѣчательно образованная

дѣвушка *). Она была арестована 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ, на одной революціонной сходкѣ. При арестѣ мущины, бывшіе на квартирѣ, оказали полиціи вооруженное сопротивленіе. Въ послѣдовавшей перестрѣлкѣ одинъ жандармъ и два революціонера были убиты; нѣсколько человѣкъ — ранено. За присутствіе на квартирѣ и за принадлежность къ революціонной партіи Армфельдтъ, хотя и не принимавшая участія въ сопротивленіи, была приговорена къ 14 годамъ и 10 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ, къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на всегда. Теперь она окончила свой испытуемый срокъ и жила въ вольной командѣ, вмѣстѣ съ матерью, 60—70 лѣтней старухой, которая пріѣхала на Кару раздѣлить участь своей дочери.

Солнце уже сѣло и было довольно темно, когда я нашелъ нужную мнѣ избу. Я постучалъ въ тяжелую деревянную дверь; черезъ минуту ее открыла молодая женщина. „Здѣсь живетъ m-lle Армфельдтъ?“ — спросилъ я.

— Это я — отвѣчала она мнѣ.

— Мое имя — Жоржъ Кеннанъ. — Я американецъ и путешествую по Сибири для изслѣдованія русской ссылки. Я видался со многими изъ вашихъ друзей и привезъ къ вамъ рекомендацію отъ г-жи N.

Нѣсколько мгновеній Армфельдтъ смотрѣла на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ и какъ бы недовѣріемъ. „Войдите“ сказала она, оправившись. Я вошелъ черезъ темную переднюю въ маленькую, жалкую комнату съ голымъ поломъ, некрашеннымъ потолкомъ, покрытыми пожелтѣвшей извѣсткой стѣнами и двумя маленькими квадратными окнами. Вся мебель

---

*) Я очень сожалѣю, что не могу дать большихъ подробностей, рисующихъ эту интересную личность. Одинъ русскій революціонеръ, къ которому я обратился за свѣдѣніями написалъ мнѣ въ отвѣтъ слѣдующее: „Я зналъ Армфельдтъ лично, но мало что могу сказать вамъ на счетъ ея біографіи. Эта сторона дѣла мало занимаетъ насъ. Я знаю только, что отецъ ея былъ генералъ, а сестра—за мужемъ за путешественникомъ Федченко, погибшимъ недавно въ горахъ, въ Швейцаріи. Личность Армфельдтъ не поражала, какъ, напр., личность Перовской или Бардиной. Она принадлежала къ тому типу „рядовыхъ“, въ которыхъ лучше всего проявляются высокія моральныя свойства русскихъ революціонеровъ — безграничная преданность и самоотверженіе. Эти простыя добродѣтели дѣлаются могущественными двигателями и великими доблестями, когда онѣ проявляются въ такомъ чистомъ видѣ, какъ у Н. Армфельдтъ. Вамъ встрѣчались въ Сибири такіе типы. Трогательное сочувствіе, замѣтное въ вашихъ статьяхъ, доказываетъ это.

Прим. Кеннана.

комнаты состояла изъ сосноваго стола, нѣсколькихъ грубо сбитыхъ стульевъ и узкой деревянной кровати. По обѣимъ сторонамъ двери были двѣ полки съ посудой. Все было прибрано и идеально чисто, но жалкая обстановка напоминала собою хижину ирландскаго земледѣльца.

Я снялъ пальто и хотѣлъ было уже передать г-жѣ Армфельдтъ принесенныя письма, какъ вдругъ она тревожно остановила мою руку: „Погодите. . . Я закрою окна и запру дверь". И, взявъ свѣчу въ дрожащую руку, она тщательно заперла дверь и окна и тогда только сказала мнѣ взволнованнымъ голосомъ: „Вы удивлены? Вы не привыкли къ той атмосферѣ тревоги и страха, въ какой мы живемъ? Но васъ кто-нибудь могъ бы увидѣть изъ окна." Я передалъ ей письма, но она не спѣшила читать ихъ. Она смотрѣла на меня тѣмъ же изумленнымъ, полу-недовѣрчивымъ взглядомъ, которымъ встрѣтила у двери. „Но ради бога, какъ вы попали сюда?" — спросила она наконецъ.

Я отвѣчалъ, что проѣхалъ верховой горной дорогой изъ Срѣтенска.

„Нѣтъ. . . не то. . . Какъ вамъ *позволили* прійти ко мнѣ?"

— „Мнѣ никто не позволялъ этого. Я у васъ тайкомъ. Вотъ уже недѣля, какъ я на Карѣ, и это — первый случай, когда я могъ выйти изъ дому незамѣченнымъ".— Затѣмъ я сказалъ ей, что пріѣхалъ на Кару съ цѣлью ближе познакомиться съ жизнью политическихъ ссыльныхъ, и вкратцѣ передалъ ей исторію моего путешествія. Она смотрѣла на меня, какъ бы пораженная внезапнымъ и сильнымъ ударомъ, не находя словъ и какъ бы не приходя въ себя. Наконецъ, она сказала, на этотъ разъ по англійски:

„Простите, что я такъ смотрю на васъ. Я, кажется, встрѣтила васъ не особенно любезно, но, право, мнѣ кажется все это сномъ. Я такъ взволнована, что не знаю, что я говорю и дѣлаю. Вѣдь вы первый иностранецъ, котораго я здѣсь вижу. Ваше внезапное появленіе здѣсь, въ моемъ домѣ — это такое невѣроятное событіе въ моей жизни. Вѣроятно, такъ чувствовалъ себя Ливингстонъ, когда его нашелъ Стэнли въ центральной Африкѣ. . . . Но скажите, какъ пришла вамъ въ голову такая удивительная идея — пріѣхать въ Сибирь, чтобы познакомиться съ нашей жизнью?"

Въ это время изъ-за перегородки, раздѣлявшей комнату на двѣ части, раздался слабый старческій голосъ, спросившій по русски: „Кто у тебя, Наташа? Съ кѣмъ ты говоришь?“

— „Это американскій путешественникъ, мама, который нашелъ насъ даже здѣсь, на Карѣ.“

Голосъ принадлежалъ матери г-жи Армфельдъ, которую мы разбудили нашимъ разговоромъ. Черезъ минуту она вышла къ намъ. Это была уже разбитая старушка, съ сѣдыми волосами и съ тонкими, интелигентными чертами лица, на которомъ заботы и горе оставили свои многочисленные слѣды. Глубокіе, впавшіе глаза, съ темными кругами и морщинами, ясно говорили, что эта женщина не одну ночь провела въ тоскѣ и въ слезахъ. Я еще никогда въ жизни не видалъ такого грустнаго, безнадежнаго, убитаго горемъ лица.

Пробывъ съ полъ-часъ у г-жи Армфельдъ, я ушелъ, сказавъ, что зайду къ ней снова немного позднѣе, когда у нея соберутся ея товарищи по ссылкѣ. Я спѣшилъ къ Потуловымъ, гдѣ ждалъ меня обѣдъ. За обѣдомъ г-жа Потулова все время посматривала на меня съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы ища на моемъ лицѣ разгадки, гдѣ я былъ все это время. Впрочемъ, она не рѣшилась обратиться ко мнѣ съ прямымъ вопросомъ, что избавило меня отъ лишней лжи, а моего ангела — отъ лишнихъ слезъ.

Въ 7 часовъ я вернулся въ домъ Армфельдъ, гдѣ уже ждали меня Куртѣевъ, — одинъ изъ вольнокомандцевъ, и товарка г-жи Армфельдъ — Колѣнкина, блѣдная и худошавая молодая женщина. Я зналъ ее по имени. Она была сослана на каторгу за участіе въ убійствѣ шефа жандармовъ, Мезенцева. Я не ожидалъ найти въ ней такую молодую, и симпатичную женщину. Впрочемъ, я уже привыкъ къ такимъ сюрпризамъ. Большинство женщинъ, игравшихъ видную роль въ страшныхъ трагедіяхъ послѣднихъ 15-ти лѣтъ революціонной борьбы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и проявившихъ рѣдкую энергію, силу характера и самоотверженіе — были деликатныя, слабыя женщины 18—25 лѣтняго возраста, которыхъ я по виду скорѣе готовъ бы былъ принять за институтокъ или за учительницъ воскресной школы.

Одинъ за другимъ начали подходить и другіе ссыльные. По сигнальному стуку въ ставень, г-жа Армфельдъ подходила къ двери, спрашивала, кто тамъ и, удостовѣрившись, что это — товарищъ, осторожно отворяла дверь. Маленькая, слабо освѣщен-

ная комната, общее возбужденное настроеніе, таинственные стуки въ окно, тихій, но горячій разговоръ и эта группа людей, тѣснившихся возлѣ меня, какъ-будто бы я былъ выходцемъ изъ другаго міра, производили на меня впечатлѣніе какого-то сна. Все здѣсь было необычно, странно. А когда ссыльные, прерывающимися голосами, начали мнѣ передавать длинный рядъ ужасныхъ исторій, полныхъ страданій и жестокостей, исторій сумашествій и самоубійствъ, мнѣ, казалось, что я вхожу въ тотъ адъ, надъ воротами котораго Дантъ прочелъ нѣкогда надпись: „оставь надежду входящій сюда!“

Около 9 часовъ, когда я вынулъ свою записную книжку и началъ въ нее вносить замѣтки, вдругъ раздался рѣзкій, повелительный стукъ въ дверь. Колѣнкина тревожно прошептала: „Это жандармъ .... не впускайте его ....“ Всѣ замолчали, и мнѣ казалось, что я слышалъ біеніе моего сердца, когда г-жа Армфельдъ подошла къ двери и спокойнымъ голосомъ сказала: „Мы всѣ здѣсь: моя мать, я, Куртѣевъ, Колѣнкина...“ Другихъ именъ я не разслышалъ. Жандармъ удовлетворился отвѣтомъ и ушелъ. Мы всѣ вздохнули спокойно. „Жандармы провѣряютъ насъ три раза въ день,—сказала мнѣ Армфельдъ — но теперь это стало формой, и они не всегда входятъ въ комнату.“

Послѣ этого эпизода разговоръ нашъ продолжался безъ помѣхъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ я выслушивалъ разсказы о жизни политическихъ ссыльныхъ, подробности объ этапномъ пути, о Карѣ и т. д. и отвѣчалъ, какъ умѣлъ на лихорадочные разспросы присутствующихъ о положеніи русскаго революціоннаго движенія. Во время бесѣды я случайно обратилъ вниманіе на лицо, которое раньше не замѣтилъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30—35, съ безкровнымъ, страннымъ, разсѣяннымъ лицомъ и съ большими, на выкатѣ, голубыми глазами. Онъ сидѣлъ противъ меня, опираясь локтями на колѣни и поддерживая руками подбородокъ, и все время, почти не отрываясь, смотрѣлъ мнѣ въ лицо упорнымъ, страннымъ взглядомъ, въ которомъ было что-то неестественное и больное. При первой паузѣ въ разговорѣ онъ вдругъ сказалъ мнѣ монотоннымъ протяжнымъ голосомъ: „У—насъ—здѣсь—есть—свое—кладбище. Не—хотите—ли—взглянуть—на—него?“

Этотъ неожиданный вопросъ, голосъ, способъ, какимъ онъ былъ заданъ, заставилъ меня вздрогнуть. Мнѣ стало жутко. Я понялъ, что передо мной—сумасшедшій. И какъ внезапный стукъ

въ дверь въ сценѣ убійства въ „Макбетѣ“ усилилъ весь ужасъ предшествовавшей трагедіи, такъ этотъ неожиданный вопросъ и мысль о сумасшествіи и смерти, моментально промелькнувшая у меня въ головѣ, сдѣлали еще болѣе живыми и страшными всѣ тѣ ужасныя трагедіи, которыя я только что слышалъ.

Я пробылъ у г-жи Армфельдъ до полуночи и ушелъ, потрясенный до послѣдней степени. Кровь лихорадочно стучала у меня въ вискахъ, и я не могъ успокоиться, не смотря на холодный морозный воздухъ. У Потуловыхъ уже всѣ спали; одинъ Фростъ безпокойно поджидалъ моего возвращенія. Я бросился на диванъ и попытался заснуть, но все, что я только что видѣлъ и слышалъ, не выходило изъ головы, и только къ утру я забылся тяжелымъ нездоровымъ сномъ.

VI.

Государственные преступники на Карѣ.

На слѣдующее утро послѣ моего перваго посѣщенія политическихъ „вольнокомандцевъ“ я, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Фростомъ, снова отправился къ г-жѣ Армфельдъ. Майоръ Потуловъ долженъ былъ вернуться этою ночью, и я зналъ, что его возвращеніе положитъ конецъ нашимъ свиданіямъ. Поэтому надо было спѣшить и какъ можно лучше воспользоваться оставшимися у меня 12—14 часами свободы. Я не надѣялся скрыть отъ властей, на сколько-нибудь продолжительное время, мои сношенія съ мѣстными политическими каторжанами. Немного раньше, немного позже — но онѣ скоро станутъ извѣстны, несомнѣнно; надо спѣшить. Конечно, идти къ „политическимъ“ днемъ — было рисковано, но выбора не было, и я обѣщалъ г-жѣ Армфельдъ быть у нее утромъ, если не случится ничего особеннаго.

Минутъ черезъ 15-20 быстрой ходьбы мы были у Армфельдъ. При свѣтѣ холоднаго зимняго утра маленькая комната, съ ея бѣленными бревенчатыми стѣнами, расшатавшимся поломъ и маленькими, безъ занавѣсей, окнами, показалась мнѣ еще болѣе голой и тоскливой, чѣмъ вчера вечеромъ. Но въ ней было нѣчто новое: по срединѣ комнаты стоялъ грубо сдѣланный мольбертъ съ картиной нарисованной масляными красками. Какъ-то странно было наблюдать эту ассоціацію искуства съ каторгой, этого признака роскоши и комфорта съ жалкой обстановкой комнаты, и я невольно переводилъ удивленный взглядъ съ мольберта на г-жу Армфельдъ, какъ бы говоря: „какъ могла попасть сюда на Кару картина масляными красками?“ Армфельдъ поняла мой молчаливый вопросъ и, повернувъ ко мнѣ картину, сказала: „Это я пыталась нарисовать портретъ моей матери. Она уѣзжаетъ въ этомъ году въ Россію, и я, навѣрное, не увижу ее никогда больше: — она слишкомъ стара. . . . . Мнѣ хотѣлось имѣть о ней это воспоминаніе. Я знаю, что портретъ очень дурно сдѣланъ; мнѣ даже стыдно его показывать, но, быть можетъ, вы мнѣ можете помочь. У

меня очень мало красокъ .... Достать ихъ тутъ негдѣ; быть можетъ, м-ръ Фростъ мнѣ дастъ какой-нибудь полезный совѣтъ."

Я смотрѣлъ на несчастный портретъ въ молчаніи, но съ сердцемъ, полнымъ глубокой симпатіи и жалости. Онъ былъ похожъ на оригиналъ, и въ немъ видны были слѣды таланта и знанія дѣла. Но полотно было самаго грубаго и неподходящаго свойства; краски — грубы и отвратительны. Съ перваго взгляда было ясно, что художникъ тщетно боролся съ своими недостаточными матеріалами для работы, и портретъ, этотъ плодъ дочерней любви, на который Фростъ смотрѣлъ почти съ отчаяніемъ, былъ очень плохъ. Больно было видѣть, какъ эта несчастная дочь тщетно старалась увѣковѣчить для себя образъ своей матери, и еще больнѣе — думать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ годъ она останется здѣсь снова одна съ этимъ ужаснымъ, напоминающимъ смерть, портретомъ, какъ своимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Я долго смотрѣлъ на него, молча, не рѣшаясь пускаться въ критику работы, исполненной при такихъ условіяхъ. Оставивъ Фроста разбирать съ Армфельдъ ея кисти и краски, я спросилъ ея мать, какъ она, въ ея годы, рѣшилась на такое тяжелое путешествіе, какъ изъ Петербурга — на Кару.

— „О, я не могла оставаться въ Россіи — просто отвѣчала она. — Одинъ Богъ знаетъ, что тутъ приходится выносить имъ. Мою Наташу солдаты били прикладами ружей .... Другіе голодали до смерти. Въ Петербургѣ до меня доходили только смутные, тревожные слухи; вотъ я и пріѣхала сюда, чтобы видѣть все это самой. Я не могла оставить Наташу одну среди такихъ ужасовъ."

— Когда это было? — спросилъ я.

— „Въ 1882—83 г. — отвѣчала m-me Армфельдъ. — Въ маѣ 1882 г. восемь человѣкъ бѣжало изъ тюрьмы, и послѣ этого жизнь оставшихся стала такъ ужасна, что они предпочли умереть съ голоду и голодали 13 дней."

Въ комнату вошли, между тѣмъ Костюринъ, Колѣнкина и нѣсколько другихъ политическихъ. Армфельдъ внесла самоваръ, и за чаемъ разговоръ сдѣлался общимъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу дать здѣсь, за недостаткомъ мѣста, такой же живой и подробной картины жизни въ карійскихъ политическихъ тюрьмахъ, какъ та, которую мнѣ нарисовали мои собесѣдники. 8-ми часовой разговоръ не можетъ вмѣститься въ журнальную статью, и мнѣ приходится ограничиться пока разсказомъ о моихъ лич-

ныхъ приключеніяхъ и краткимъ отчетомъ о жизни политическихъ каторжанъ на Карѣ въ 1880—85 г. г.

Подъ вечеръ того же дня я посѣтилъ въ третій, и въ послѣдній разъ, жилище Армфельдъ. Къ ночи ждали домой майора Потулова, и несчастные политическіе вольнокомандцы, зная, что они въ послѣдній разъ видятъ человѣка, который возвращается въ міръ и тамъ увидитъ ихъ родныхъ и друзей, смотрѣли на меня, какъ на близкаго, своего человѣка. Я обѣщалъ Армфельдъ побывать у графа Льва Толстого*) и описать ему здѣшнюю жизнь, оставилъ ей мой адресъ на случай, если бы она нашла возможность писать мнѣ и взялъ нѣсколько писемъ для передачи роднымъ въ Россію. Читатель, вѣроятно, удивляется, какъ я рѣшался брать такія письма: это было — преступленіе, которое, въ случаѣ открытія, могло бы повести къ моему аресту, къ конфискаціи моихъ бумагъ и къ изгнанію изъ предѣловъ Россіи. Я понималъ вполнѣ эту опасность, но не могъ уклониться отъ нея. Если бы вы были русскимъ политическимъ каторжникомъ, которому въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не позволяли писать женѣ или матери, и если бы я, американецъ, пришелъ къ вамъ, собралъ бы отъ васъ, съ рискомъ снова бросить васъ въ кандалы и въ тюрьму, всѣ свѣдѣнія, въ которыхъ я нуждался, и затѣмъ отказался бы взять отъ васъ письмо для передачи вашей женѣ, вы имѣли бы право назвать меня трусливымъ или жестокосердечнымъ человѣкомъ. — Если они рѣшались писать такія „незаконныя“ письма, я не могъ не рѣшиться на рискъ ихъ передачи. Я всегда бралъ ихъ, хотя и зналъ всю опасность и рискованность этого.

Поздно вечеромъ я простился съ Армфельдъ и ея друзьями; я не надѣялся болѣе ихъ увидѣть. Потуловъ вернулся къ полуночи, и я увидѣлъ его только утромъ, за завтракомъ. Онъ встрѣтилъ меня любезно, но оффиціально. Я сразу почувствовалъ перемѣну. Поздоровавшись со мной, онъ сидѣлъ минутъ

*) Я сдержалъ обѣщаніе и передалъ графу Толстому все, что могло интересовать его о карійской жизни Армфельдъ. Онъ, однако, неохотно слушалъ мои разсказы о тамошнихъ страданіяхъ, отказался отъ прочтенія нѣкоторыхъ рукописей, которыя я привезъ ему, и сказалъ, что, сожалѣя страдающихъ, онъ не можетъ помочь имъ, и не симпатизируетъ ихъ дѣламъ. „Они прибѣгли къ насилію,— сказалъ онъ — они и страдаютъ отъ насилія“. Мнѣ говорили, что когда жена одного изъ каторжанъ, Успенская, обратилась къ графу Т. за денежной помощью для политическихъ на Карѣ, она встрѣтила рѣшительный отказъ. Графъ не хотѣлъ ничѣмъ помочь людямъ, взглядамъ которыхъ онъ не сочувствовалъ. Прим. Кеннана.

15 молча, задумчиво и упорно глядя въ свой стаканъ чаю. Я предвидѣлъ это положеніе и заранѣе начерталъ свой планъ дѣйствій. Я искренно уважалъ Потулова; онъ относился къ намъ съ такимъ радушіемъ, что я никоимъ образомъ не хотѣлъ ставить его въ тяжелое и непріятное положеніе и рѣшилъ вести съ нимъ дѣло начистоту. Прервавъ молчаніе, я сказалъ ему, что во время его отсутствія я познакомился съ политическими вольнокомандцами.

— Да, я слышалъ, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ, и, послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ: — это моя обязанность сказать вамъ, что вы поступили крайне опрометчиво.

— Почему? — спросилъ я.

— Потому, — отвѣчалъ онъ, — что правительство очень подозрительно смотритъ на иностранцевъ, которые тайно ищутъ знакомства съ политическими. Это запрещается, — и вы будете имѣть изъ-за этого большія непріятности.

— Но — отвѣчалъ я — никто не говорилъ мнѣ, что это запрещено. Я иностранецъ и не могъ же я знать, что я не имѣю права говорить съ людьми, которые, фактически, на свободѣ, и которыхъ я встрѣчаю на улицѣ. Всякій можетъ говорить съ ними; почему же не могу я?

— Я получилъ телеграмму отъ губернатора Барабаша, — сказалъ онъ съ серьезнымъ видомъ, — въ ней сказано, что васъ нельзя допустить въ политическую тюрьму. Очевидно, что, значитъ, вамъ нельзя и видѣть политическихъ преступниковъ.

— Вы ничего не говорили мнѣ объ этомъ, — отвѣчалъ я, — если бы вы мнѣ сказали объ этомъ раньше, я принялъ бы это во вниманіе. Я положительно не помню, чтобы вы мнѣ что-нибудь говорили на этотъ счетъ.

— Я не думалъ, что вы имѣете что-нибудь подобное ввиду — возразилъ онъ. — Вы никогда не интересовались этимъ. Впрочемъ, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — это дѣло капитана Николина; мое дѣло предупредить васъ, что вы поступаете неблагоразумно и очень рискуете.

Тогда я откровенно признался Потулову, почему я не говорилъ ему ничего о моихъ намѣреніяхъ и почему я воспользовался именно его отсутствіемъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Если бы я сказалъ ему объ этомъ раньше, онъ долженъ бы былъ или одобрить или неодобрить меня. Въ послѣднемъ случаѣ я, какъ его гость, долженъ бы былъ подчиниться его желаніямъ и авторитету; въ первомъ — онъ взялъ бы на

себя отвѣтственность за мои дѣйствія, чего я никоимъ образомъ не могъ допустить. Я догадывался, что сношенія съ политическими были бы мнѣ запрещены, знай о нихъ раньше власти, и именно поэтому я постарался сдѣлать ихъ тайными, чтобы, съ одной стороны, избавиться онъ нежелательнаго мнѣ вмѣшательства, съ другой — чтобы устранить его, Потулова, отъ всякаго подозрѣнія въ соучастіи. „Теперь никто, — продолжалъ я, — не можетъ обвинять васъ въ этомъ. Васъ не было на Карѣ, и для всякаго очевидно будетъ, что я именно и воспользовался вашимъ отсутствіемъ.“ Мое объясненіе сдѣлало свое дѣло, и его прежнее радушіе постепенно вернулось. Тѣмъ не менѣе, онъ еще разъ предупредилъ меня, что если я буду продолжать мои сношенія съ политическими, я навѣрное навлеку на себя большія непріятности.

Часъ или два послѣ завтрака меня поразило и нѣсколько встревожило внезапное появленіе капитана Николина. Онъ желалъ видѣть Потулова по дѣлу, и они съ $^{3}/_{4}$ часа просидѣли въ кабинетѣ. Я былъ въ это время занятъ въ другой части дома, но Фростъ рисовалъ въ гостиной, смежной съ кабинетомъ. Тотчасъ послѣ ухода Николина, онъ въ тревогѣ прибѣжалъ ко мнѣ и разсказалъ, что ему удалось случайно слышать обрывки разговора въ кабинетѣ. Онъ относился къ моему посѣщенію политическихъ и касался вопроса, не нужно ли произвести обыскъ въ нашемъ багажѣ и въ нашихъ бумагахъ. Капитанъ Николинъ настаивалъ на необходимости такого обыска; Потуловъ защищалъ насъ и старался убѣдить жандармскаго офицера, что обыскъ этотъ произведетъ скандалъ и что онъ крайне неумѣстенъ. Споръ закончился знаменательной фразой Николина, что если обыскъ не будетъ произведенъ на Карѣ, его произведутъ въ другомъ мѣстѣ. Фростъ, — да и я — мы были нѣсколько смущены этимъ обстоятельствомъ. Я не такъ боялся обыска, — по крайней мѣрѣ, пока мы были въ домѣ Потулова, — какъ чего-нибудь вродѣ требованія отъ меня Потуловымъ честнаго слова, что я не имѣю у себя писемъ отъ политическихъ ссыльныхъ. При первой возможности, казалось мнѣ, Потуловъ подойдетъ ко мнѣ и съ своимъ обычнымъ добродушіемъ скажетъ: „Георгій Ивановичъ, капитанъ Николинъ знаетъ о вашихъ посѣщеніяхъ Армфельдъ и предполагаетъ, что вы взяли у нихъ письма для передачи друзьямъ. Онъ былъ у меня сегодня съ предложеніемъ обыскать васъ. Конечно, я не допустилъ до этого, но я прошу васъ успокоить меня

вашимъ словомъ, что у васъ дѣйствительно нѣтъ такихъ писемъ."

Мнѣ пришлось бы или солгать человѣку, гостепріимствомъ котораго я пользовался, или предать людей, которые мнѣ довѣрились, и къ которымъ я чувствовалъ искреннюю симпатію. И то, и другое было, очевидно, невозможно; и между тѣмъ я не имѣлъ иного выхода, а опасность висѣла у меня надъ головой, готовая разразиться каждую минуту. Если бы дѣло шло только о моихъ бумагахъ, быть можетъ, у меня нашлось бы достаточно мужества ждать ее; но я зналъ, что если бы у меня нашли эти письма, Армфельдъ и ея товарищи были бы снова заперты въ тюрьму; несчастная старуха Армфельдъ осталась бы одна съ своимъ новымъ горемъ; а разборъ моихъ бумагъ повлекъ, бы за собой рядъ бѣдствій для тѣхъ десятковъ и сотенъ ссыльныхъ, чиновниковъ и офицеровъ, которые, довѣрившись мнѣ, такъ обогатили мои матеріалы. — Весь день я провелъ въ тревогѣ и нерѣшительности, избѣгая tête-á-tête съ Потуловымъ; рано вечеромъ ушелъ подъ предлогомъ головной боли къ себѣ и почти всю ночь провелъ въ мучительномъ раздумьи. Я придумывалъ десятки способовъ спрятать ихъ, но тотчасъ же отказывался отъ этого выхода, понимая, что онъ не избавляетъ меня отъ проклятой дилеммы — солгать, или признаться. Сдать ихъ на почту? — но всѣ посылки и письма изъ дома Потулова проходили черезъ его руки, а его то вопроса я и боялся. Наконецъ, уже на разсвѣтѣ, я рѣшился уничтожить эти злосчастныя письма. Я не могъ, конечно, посовѣтоваться съ ихъ собственниками, но я зналъ, что они меня поняли бы и одобрили бы мое рѣшеніе, если бы знали всѣ обстоятельства дѣла. Конечно, больно было уничтожить ихъ: — сколько надеждъ вкладывали въ нихъ тѣ, кто ихъ писалъ, какъ дороги онѣ были бы отцамъ, матерямъ, сестрамъ и братьямъ въ Россіи? — но другого выхода не было. Рискъ сохранять ихъ дальше былъ слишкомъ великъ.

Разъ я рѣшилъ уничтожить письма, мнѣ оставалось еще рѣшить и другой вопросъ — какъ ихъ уничтожить? Со времени возвращенія Потулова изъ Усть Кары за мною наблюдали болѣе тщательно, чѣмъ когда-либо. Моя комната не имѣла дверей и отдѣлялась отъ передней и отъ гостиной только легкими портьерами. Ея окна — безъ занавѣсей — были почти на одномъ уровнѣ съ улицей, а часовой, день и ночь стоявшій у крыльца, могъ видѣть черезъ нихъ все, что дѣлается въ

комнатѣ. Разорвать письма? — но изъ найденныхъ кусочковъ всегда можно составить оригиналъ; сжечь ихъ? — но запахъ жженной бумаги распространится по всему дому, не говоря уже о томъ, что меня могли бы поймать во время этой операціи или часовой, или самъ Потуловъ, который очень часто заходилъ ко мнѣ подъ всякими предлогами. Къ счастью, въ комнатѣ была большая кирпичная печь, которую затопили черезъ полъ часа послѣ того, какъ я всталъ. Вопросъ былъ рѣшенъ. Мнѣ оставалось только выждать моментъ, когда Потуловъ будетъ занятъ разговоромъ съ Фростомъ, а часовой отойдетъ въ сторону, и бросить письма въ огонь. Я потихоньку открылъ печную заслонку, удостовѣрился, что все снаружи благополучно, и черезъ нѣсколько минутъ отъ писемъ не осталось и слѣда. Затѣмъ я зачеркнулъ или зашифровалъ кое-какія имена въ моей записной книжкѣ и былъ готовъ для обыска.

Въ моей карійской жизни о двухъ вещахъ я до сихъ поръ сожалѣю; и одна изъ нихъ — это сожженіе писемъ. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ моихъ друзей изъ вольной команды — ихъ собственниковъ — и не имѣлъ возможности объяснить имъ, при какихъ условіяхъ я рѣшился на это ауто-да-фе; да и слишкомъ поздно было бы объясняться; дѣло было сдѣлано. Армфельдъ менѣе какъ черезъ годъ послѣ того, какъ я въ послѣдній разъ пожалъ ея руку, умерла отъ чахотки, пріобрѣтенной въ тюрьмѣ, и, быть можетъ, письма, которыя она мнѣ передала, были ея послѣдними письмами.— Никакого честнаго слова никто отъ меня не потребовалъ; никто меня не обыскивалъ; и я могъ бы провезти ихъ такъ же свободно, какъ я провезъ впослѣдствіи многія другія.

Еще болѣе, пожалуй, я сожалѣю о томъ, что мнѣ не удалось видѣться съ докторомъ Веймаромъ, однимъ изъ самыхъ интересныхъ людей въ политической вольной командѣ, который во время моего пребыванія на Карѣ умиралъ отъ чахотки, полученной въ тюрьмѣ. Онъ былъ извѣстнымъ врачомъ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ до ареста въ собственномъ домѣ на Невскомъ проспектѣ. Онъ былъ богатъ, занималъ прекрасное общественное положеніе и пользовался расположеніемъ тогдашней наслѣдницы, нынѣшней императрицы. Онъ завѣдывалъ ея военно-полевымъ госпиталемъ во время русско-турецкой войны въ 1877—78 г. г., получилъ орденъ св. Анны и нѣсколько другихъ орденовъ за свои особыя заслуги и за мужество, которое онъ проявлялъ на поляхъ битвъ; его очень цѣнилъ генералъ

Гурко, съ которымъ онъ перешелъ Балканы. Его судили, какъ революціонера, и осудили, конечно, не смотря на полное отсутствіе серьезныхъ уликъ. Просидѣвъ годъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости, онъ былъ отправленъ на Кару. Вотъ что писалъ „Таймсъ“ во время суда надъ нимъ и его товарищами. „Нашъ корреспондентъ сообщаетъ намъ приговоръ, осудившій вчера въ Петербургѣ лицъ, обвиняемыхъ въ участіи въ нигилистическомъ заговорѣ. Люди запада не могутъ видѣть въ этихъ русскихъ государственныхъ процессахъ — ничего другаго, кромѣ позорной пародіи на правосудіе. Они представляютъ прекрасную иллюстрацію правительственныхъ порядковъ въ странѣ, находящейся въ постоянномъ осадномъ положеніи. Военное правосудіе, вообще, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одну хорошую сторону быстроты, но военное правосудіе русскихъ трибуналовъ такъ же жестоко въ своей медлительности, какъ нелогично въ своихъ методахъ и свирѣпо въ своихъ результатахъ. . . Между осужденными вчера есть замѣчательный человѣкъ — Веймаръ, которымъ его родина имѣетъ полное основаніе гордиться. Это — совершеннѣйшій джентельменъ. Какъ врачъ, онъ все свое время и искуство отдавалъ своимъ страждущимъ согражданамъ. Онъ имѣетъ (вѣрнѣе—имѣлъ, потому что сегодня онъ — жалкій парій — каторжникъ) много русскихъ и румынскихъ орденовъ, медаль въ воспоминаніе о турецкой войнѣ. Онъ былъ въ войскѣ, съ которымъ Гурко перешелъ Балканы и совершилъ блестящій военный подвигъ. Обвиненія, выставленныя противъ него, и вообще, все его дѣло представляютъ какую-то ужасную комедію. Свирѣпый юморъ кривосудія еще никогда не заходилъ такъ далеко; фантазія Рабле въ „Gripperminaud“ и Бэнайна въ „M. Justice Hategood“ не предвидѣли ничего подобнаго. . . Показанія свидѣтелей — были дождемъ похвалъ характеру Веймара и его мужеству на войнѣ. Это было непріятно для обвиненія; — въ самомъ дѣлѣ, какъ ужасны должны быть порядки въ странѣ, гдѣ такіе примѣрные граждане вынуждены помогать такимъ преступленіямъ, какъ убійства, и такимъ преступникамъ, какъ Соловьевъ. Можно было ожидать, что обвиненіе противопоставитъ этимъ свидѣтельствамъ — свои. Ничего подобнаго. Прокуроръ удовольствовался тѣмъ, что заявилъ: „Я могъ бы представить вамъ рядъ свидѣтелей, которыхъ показанія были бы совершенно обратны; но, къ сожалѣнію, всѣ они отсутствуютъ.“ Конечно, трудно ожи-

дать, чтобы военные судьи могли проявить свою самостоятельность въ противность желанію начальства, но, во всякомъ случаѣ, весь процессъ, съ начала до конца, можно сравнить только съ тѣмъ пиртовскимъ судомъ, на которомъ присутствовала Алиса въ фантастической сказкѣ Карроля. . . Ничто болѣе, чѣмъ этотъ процессъ, не можетъ служить лучшимъ показателемъ ужаснаго состоянія русскаго общества и русскаго правосудія. Или деспотизмъ въ Россіи такъ ужасенъ, что лучшіе граждане ищутъ отъ него защиты въ рядахъ революціонеровъ или докторъ Веймаръ осужденъ несправедливо и преступно-жестоко. Въ обоихъ случаяхъ этотъ процессъ — скандаленъ, даже для военнаго суда."

Тогдашняя наслѣдница — нынѣ императрица, въ полевомъ лазаретѣ которой служилъ Веймаръ все время войны, принимала горячее участіе въ его судьбѣ и твердо вѣрила въ его непричастность къ дѣлу; но и она не могла спасти его. Однако, въ 1881 году, она послала на Кару полковника Норда, чтобы предложить Веймару свободу подъ условіемъ его честнаго слова, что онъ не будетъ принимать никакого участія ни въ чемъ враждебномъ правительству. Веймаръ отвѣтилъ, что, не зная современнаго положенія Россіи, онъ не можетъ связать себя такимъ обязательствомъ, но что, если бы ему дали возможность познакомиться съ этимъ положеніемъ, давъ ему, подъ порукою его слова, временную свободу онъ или далъ бы требуемое обязательство, или вернулся бы на Кару. Нордъ нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ и пытался сломить его рѣшимость, но онъ остался непреклоненъ.

Когда я посѣтилъ Кару, Веймаръ жилъ въ вольной командѣ, быстро приближаясь къ могилѣ, вслѣдствіе полученной имъ въ тюрьмѣ чахотки. Его товарищи предложили мнѣ навѣстить его въ тотъ вечеръ, который я провелъ у Армфельдъ, но, по ихъ разсказамъ, онъ былъ такъ слабъ и такъ боленъ, что я не рѣшился зайти къ нему, боясь ускорить, своимъ внезапнымъ появленіемъ, его смерть. Я видѣлъ, какъ это появленіе отражалось на Армфельдъ, — человѣкѣ вполнѣ здоровомъ, какъ же должно было бы оно возбудить больнаго и умирающаго. Впослѣдствіи я имѣлъ случай пожалѣть объ этомъ. Когда я, шесть мѣсяцевъ спустя, былъ въ Петербургѣ, меня посѣтила молодая женщина, бывшая невѣстой Веймара во время его ареста. Узнавъ, что я былъ на Карѣ, она пришла ко мнѣ, надѣясь, что, можетъ быть, я привезъ ей отъ любимаго чело

вѣка письмо или, хотя, послѣдній прощальный привѣтъ. Она уже совсѣмъ, было, собралась ѣхать на Кару, узнавъ, что Веймаръ выпущенъ въ вольную команду, когда вдругъ она получила коротенькую телеграмму, извѣщающую ее о его смерти. Съ тѣхъ поръ прошло 9 мѣсяцевъ, и оттуда — ничего. Ни Веймару до его смерти, ни его друзьямъ послѣ этой смерти не позволяли писать ей, и всѣ свои надежды она возлагала на меня. Читатель понимаетъ, съ какой сердечной болью я долженъ былъ сказать ей, что я *могъ* видѣть его, что я *могъ* привести послѣднее слово любви и памяти отъ его смертнаго одра, но что я этого не сдѣлалъ. Мнѣ не разъ въ жизни приходилось исполнять тяжелыя обязанности, но это — была самой тяжелой.

Однимъ вечеромъ, когда я былъ у нея, она подробно разсказала мнѣ полную героизма и самоотверженія жизнь Веймара, прочла мнѣ его письма къ ней съ поля битвъ, изъ Болгаріи, и показала мнѣ священную и драгоцѣнную для нея реликвію, оставшуюся въ память о немъ — вышивку, которую онъ вышилъ своими руками въ своей тюремной камерѣ и какимъ-то чудомъ успѣлъ переслать ей на память. Это былъ длинный кусокъ грубаго полотна — очевидно того, который употребляютъ на рубашки каторжниковъ—съ узоромъ, изящно вышитымъ грубѣйшими разноцвѣтными нитками. — „М-ръ Кеннанъ, сказала мнѣ, показывая вышивку и едва удерживаясь отъ рыданій, несчастная женщина: подумайте, сколько тяжолыхъ, мучительныхъ мыслей въ этомъ кускѣ полотна!“

Послѣ нашего послѣдняго посѣщенія Армфельдъ мы оставались на Карѣ дней 5. Все это время за нами наблюдали самымъ тщательнымъ образомъ, такъ что мы ничего не могли сдѣлать. Поэтому мнѣ остается только изложить въ систематической формѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я успѣлъ почерпнуть здѣсь, и дать читателю нѣсколько главъ длинной и ужасной исторіи карійской политической каторги. (*).

(*) Почти все, что найдетъ здѣсь читатель, было мною тщательно, провѣрено и опирается на несомнѣнныя оффиціальныя данныя. Если и могутъ быть немногія ошибки въ мелочахъ, то въ общемъ мой отчетъ можетъ выдержать испытаніе даже передъ русскимъ трибуналомъ. Факты, относящіеся къ управленію полковникомъ Кононовичемъ карійскими рудниками, получены мною отчасти отъ политическихъ заключенныхъ, отчасти отъ оффиц. лицъ на Карѣ, въ Читѣ, въ Иркутскѣ и въ Петербургѣ. Письмо, въ которомъ Кононовичъ отказывается отъ своей должности, и теперь еще находится въ архивѣ Министерства Внутрен. Дѣлъ, и всѣ

Русское правительство начало поселять государственныхъ преступниковъ на Карѣ еще въ 1873 г. Но лишь съ 1879 г. Кара стала не случайнымъ, а постояннымъ центромъ политической каторги. До тѣхъ поръ большинство осужденныхъ на каторгу въ политическихъ процессахъ содержалось въ казематахъ Петропавловской крѣпости и въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи. Но по мѣрѣ распространенія революціоннаго движенія, захватывавшаго все большую и большую массу прозелитовъ, и по мѣрѣ переполненія мѣстъ заключенія въ Россіи, М. В. Д. начало чаще и чаще пересылать на Кару болѣе важныхъ „преступниковъ". Тамъ они жили въ одной изъ старыхъ уголовныхъ тюремъ, на обще-уголовномъ положеніи, т. е. должны были работать въ разрѣзахъ, и только по окончаніи испытуемаго срока выпускались въ вольную команду. Въ декабрѣ 1880 г. въ карійской тюрьмѣ было уже 50 человѣкъ заключенныхъ, да 9, окончившихъ испытуемые сроки, были разселены въ своихъ избахъ въ вольной командѣ. Они работали въ разрѣзахъ, но эта работа была имъ не въ тягость, а въ удовольствіе; она была не особенно тяжела, и 6—8 часовъ такой работы на свѣжемъ воздухѣ были полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, сравнительно съ зараженнымъ воздухомъ грязной тюрьмы.

Комендантомъ Карійской каторги былъ въ это время полковникъ Кононовичъ — человѣкъ образованный и гуманный, котораго и теперь еще старые политическіе каторжане вспоминаютъ съ уваженіемъ и признательностью. Онъ, конечно, не былъ революціонеромъ и не сочувствовалъ революціоннымъ пріемамъ борьбы; но онъ понималъ, что многіе изъ политическихъ каторжанъ были люди высоко честные и образованные, что они стали революціонерами подъ вліяніемъ окружающихъ ихъ золъ и насилія деспотизма, что, какъ ни смотрѣть на ихъ дѣятельность, ея мотивы — благородны и патріотичны. Онъ обращался съ ними мягко и осторожно и по возможности старался облегчить имъ тяжесть ихъ существованія въ рудникахъ.

обстоятельства, сопровождавшія его отставку, извѣстны не только политическимъ, но и многимъ чиновникамъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Я очень сожалѣю, что не могу здѣсь — вслѣдствіе политическихъ и иныхъ соображеній — подкрѣпить достовѣрность моего разсказа ссылками на лицъ, вполнѣ авторитетныхъ и общественное положеніе которыхъ служитъ ручательствомъ достаточной точности тѣхъ свѣдѣній, которыми они со мною подѣлились. Прим. Кеннана.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ тогда на Карѣ были прикованы, въ видѣ административнаго наказанія, къ тачкамъ. (*) Кононовичъ не хотѣлъ переносить вида людей, къ которымъ онъ не могъ не относиться съ уваженіемъ, подверженныхъ такому унизительному и тяжелому наказанію; но онъ не могъ и отмѣнить его собственной властью; поэтому онъ отдалъ приказъ, чтобы всякій разъ, какъ онъ посѣщалъ политическую тюрьму, тачечниковъ расковывали. Этотъ маленькій эпизодъ иллюстрируетъ ту человѣчность и ту способность симпатизировать страданіямъ другихъ, которыя характеризовали поведеніе Кононовича по отношенію къ политическимъ, находившимся подъ его вѣденіемъ. И пока онъ могъ, его поведеніе оставалось неизмѣннымъ; онъ понималъ, что жизнь заключенныхъ была и то слишкомъ тяжела и мучительна, и что отягощать ее грубостью и жестокостью — было бы безчеловѣчно. — Однако, къ концу 1880 г. началась серія циркуляровъ изъ министерства, систематически ограничивавшихъ жалкія привилегіи политическихъ каторжанъ и имѣвшія очевидною цѣлью — сдѣлать ихъ наказаніе еще болѣе тяжелымъ. Прежде всего имъ было запрещено переписываться съ ихъ родными. Для тѣхъ, кто имѣлъ въ Россіи отцевъ и матерей, женъ и дѣтей, это было тяжелымъ и несправедливымъ лишеніемъ. Затѣмъ имъ было запрещено работать въ разрѣзахъ; этимъ циркуляромъ ихъ лишили возможности хоть изрѣдка видѣть внѣтюремный міръ, дышать свѣжимъ воздухомъ и поддерживать трудомъ свои тѣлесныя силы. Наконецъ, въ декабрѣ 1880 г. былъ полученъ на Карѣ приказъ уничтожить вольную команду и ея членовъ вернуть въ тюрьму, обрить имъ пол-головы и заковать въ кандалы. (**)

(*) Это наказаніе практикуется часто и до сихъ поръ. Арестантъ приковывается цѣпью къ рабочей тачкѣ и не можетъ сдѣлать ни шагу безъ своей подруги. Даже спитъ онъ рядомъ съ ней. Въ Карійской политической тюрьмѣ было такимъ образомъ прикованы къ тачкамъ четверо: Попко, Березнюкъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній изъ нихъ былъ освобожденъ отъ своей тачки только въ 1884 г. Примѣняли ли это наказаніе съ тѣхъ поръ къ кому-нибудь еще — я не знаю.

Прим. Кеннана.

(**) Всѣ эти циркуляры имѣли мѣсто въ бытность Лорисъ-Меликова министр. в. д., и я никакъ не могъ объяснить себя противорѣчія въ его политикѣ: съ одной стороны по отношенію къ либераламъ, съ другой — къ осужденнымъ революціонерамъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ въ Россіи, не колеблясь утверждали, что Лорисъ-Меликовъ сознательно хотѣлъ

Кононовичъ видѣлъ всю ненужную жестокость этой мѣры и хлопоталъ объ ея упраздненіи или смягченіи. Его хлопоты остались безплодны, и 28-го декабря онъ призвалъ къ себѣ членовъ вольной команды, прочелъ имъ полученное распоряженіе, передалъ имъ о неудачѣ своихъ хлопотъ и, затѣмъ, на свою отвѣтственность, далъ имъ три дня отсрочки, чтобы устроить свои дѣла. 1-го января 1881 г. они должны были вернуться въ тюрьму. Для всѣхъ вольнокомандцевъ это было страшнымъ ударомъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ жили они сравнительно свободно, въ своихъ собственныхъ избахъ, иные съ женами и дѣтьми, которыя только для нихъ проѣхали 5000 миль, раздѣляющія Кару отъ Россіи. Черезъ три дня они должны были разстаться съ семьями, оставить своихъ женъ однихъ, беззащитными и идти назадъ въ проклятую тюрьму. Иные были слабы и больны; ихъ ждала скоро вѣрная смерть въ зараженныхъ камерахъ; всѣ съ ужасомъ думали о полузабытыхъ кандалахъ, парашахъ, насѣкомыхъ и прочихъ предестяхъ тюремной жизни.

Однимъ изъ членовъ тогдашней вольной команды былъ нѣкто Семеновскій, молодой, 33 лѣтній, юристъ, сынъ извѣстнаго кіевскаго медика, осужденный за то, что былъ какъ-то прикосновененъ къ подпольному журналу „Впередъ.“ Это былъ талантливый, образованный и выдающійся человѣкъ, окончившій университетскій курсъ и, передъ арестомъ, занимавшійся адвокатурой въ Петербургѣ. Послѣ 4—5 лѣтняго заключенія въ Карійской тюрьмѣ, здоровье его начало быстро слабѣть, но въ 1879 году онъ былъ выпущенъ въ вольную команду. Въ послѣдній вечеръ, наканунѣ ужаснаго 1-го января, вольнокомандцы замѣтили, что Семеновскій какъ-то особенно удрученъ; уходя домой, онъ съ особеннымъ волненіемъ и теплотою простился съ товарищами, а въ 2 часа ночи Чарушинъ, въ избѣ котораго жилъ Семеновскій, былъ разбуженъ выстрѣломъ. Онъ бросился въ комнату,

---

сдѣлать жизнь политич. заключенныхъ болѣе тяжелою. Другіе думали, что онъ дѣйствовалъ такъ, не ясно представляя себѣ ихъ положеніе и на основаніи того соображенія, что современные революціонеры не заслуживаютъ большей симпатіи, чѣмъ декабристы 25-го года, а жизнь декабристовъ была очень тягостна; значитъ, такова же должна быть и жизнь нигилистовъ. Многіе изъ ссыльныхъ высказывали мнѣ свое убѣжденіе, что либерализмъ Лорисъ-Меликова былъ только лицемѣрной комедіей; но я склоненъ думать, что его циркуляры надо объяснять тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ по чьимъ-нибудь совѣтамъ, не задумываясь, не размышляя и не представляя себѣ ясно всего значенія его распоряженій. — Прим. Кеннана.

изъ которой раздался выстрѣлъ, — тамъ лежалъ его сожитель, съ прострѣленнымъ виномъ. Черезъ часъ онъ умеръ. На столѣ лежало письмо къ его отцу. Вотъ его содержаніе.

— „Мой дорогой отецъ! я пишу вамъ, проводивъ старый годъ и встрѣтивъ новый вмѣстѣ съ моими друзьями. Съ тяжелымъ сердцемъ и при мрачной обстановкѣ мы встрѣтили этотъ годъ. Вы, вѣроятно, получили письмо отъ жены одного моего товарища, которую я просилъ сообщить вамъ, что намъ отнынѣ запрещено писать кому-бы то ни было, — даже ближайшимъ родпымъ. Но какъ ни безсмысленно и безчеловѣчно это запрещеніе, насъ ожидало нѣчто худшее, о чемъ я ничего не зналъ еще, когда вамъ было послано то письмо. Дней черезъ десять послѣ запрещенія писать вамъ, мы получили распоряженіе — вернуться въ тюрьму, въ кандалы. Мы — 9 человѣкъ: Шишко Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тефтулъ и я — два года уже какъ живемъ при сравнительной свободѣ, внѣ тюрьмы. Мы ожидали чего-нибудь подобнаго послѣ циркуляра о запрещеніи переписки: — въ этомъ циркулярѣ былъ одинъ параграфъ, обѣщавшій намъ новыя бѣды. Завтра мы должны идти въ тюрьму. Если бы не снисхожденіе къ намъ полковника Кононовича, мы должны были бы быть арестованы и заключены въ тюрьму тотчасъ послѣ полученія распоряженія, но онъ далъ намъ нѣсколько дней отсрочки. Мы воспользовались этой отсрочкой, чтобы въ послѣдній разъ на свободѣ встрѣтить вмѣстѣ новый годъ; — я воспользуюсь имъ и для другой еще цѣли. Я не знаю, будетъ ли это нарушеніемъ довѣрія къ намъ Кононовича, или нѣтъ, но если бы даже и такъ, — я не могу не привести въ исполненіе своего рѣшенія.

Быть можетъ кто-нибудь, прочитавъ эти слова — „вернуть ихъ въ тюрьму“ — сравнитъ насъ съ овцами, которыя молчаливо и безъ борьбы подставляютъ свое горло подъ ножъ мясника, — но это сравненіе будетъ невѣрно. Какъ мы можемъ бороться? Бѣжать? — но куда и какъ побѣжимъ мы при 35 градускомъ морозѣ безъ малѣйшей подготовки къ такому трудному предпріятію? Почему — безъ подготовки, — вы знаете изъ моего письма въ августѣ. Я твердо рѣшился бѣжать, если подобное распоряженіе будетъ сдѣлано весною, — когда можно бѣжать съ какой-нибудь надеждой на успѣхъ, имѣя время подготовить побѣгъ. Но распоряженіе пришло теперь. Я чувствую, какъ мои физическія силы слабѣютъ со дня на

день; я знаю, что физическая слабость неизбѣжно отразится на моихъ душевныхъ силахъ, я вижу въ близкомъ будущемъ опасность сдѣлаться совершеннымъ идіотомъ. И это — когда я живу на волѣ. Что же будетъ со мной въ тюрьмѣ? Вся моя жизнь держится на одной надеждѣ — вернуться въ Россію и служить тому дѣлу долга и справедливости, которому я посвятилъ себя. Но развѣ можетъ служить этому дѣлу человѣкъ, разбитый и физически и морально. Разъ отнята эта надежда, что остается? Личная жизнь? Но прежде чѣмъ часъ ея наступитъ, здѣсь десять разъ убьютъ меня пыткой. Нѣтъ, я рѣшилъ, что жить такъ дальше — незачѣмъ, что я пріобрѣлъ, наконецъ, право положить конецъ страданіямъ, которыя отнынѣ безполезны и безцѣльны. Я усталъ, смертельно усталъ жить этою жизнью, и только мысль о домѣ, о Россіи, удерживала меня до сихъ поръ отъ самоубійства. Я знаю, что этимъ я принесу много горя тебѣ, Сашѣ и всѣмъ, кто меня любитъ, но развѣ вашей любви не хватитъ на то, чтобы простить самоубійство человѣка, который дальше страдать не можетъ? Поймите это, ради Христа. Вѣдь я буквально измученъ до смерти за эти послѣдніе годы. Ради всего вамъ дорогого, простите меня. Вы должны знать, что моя послѣдняя мысль — о васъ; что имѣй я немного больше силъ, я бы несъ эту жизнь дальше, чтобы только не огорчить васъ моею смертью; но у меня нѣтъ больше силъ. Мнѣ остается только сойти съ ума или умереть; послѣднее все таки лучше. . . . . Прощайте же, мой дорогой, любимый отецъ и другъ; прощай Саша, и ты, мой маленькій братъ, котораго я знаю такъ мало. Помните, что лучше умереть даже такъ, какъ я умираю, чѣмъ жить не сознавая себя всегда человѣкомъ принципа и чести. Еще разъ прощайте! Не осуждайте вашего несчастнаго сына и брата — Евгенія."

Останки Евгенія Семеновскаго покоятся на „политическомъ кладбищѣ", расположенномъ на холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Каторжная Голова". Некрашенный деревянный крестъ, который уже погнулся и скоро упадетъ совсѣмъ, стоитъ надъ зеленѣющимъ холмикомъ, подъ которымъ навсегда успокоился человѣкъ, котораго таланты, благородство, высокіе принципы долга и чести, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, сдѣлали бы неоцѣненнымъ работникомъ въ дѣлѣ свободы и человѣчности.

Полковникъ Кононовичъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о этомъ самоубійствѣ, но оно, оказалось, было только началомъ ряда трагедій, вызванныхъ жестокими циркулярами министер-

ства. Скоро послѣ самоубійства Семеновскаго отравился спичками другой политическій — Родинъ; Ковалевская, сестра извѣстнаго русскаго экономиста Воронцова (В. В.), сошла съ ума.

Полковникъ Кононовичъ былъ слишкомъ человѣченъ, чтобы вынести безъ послѣдствій картину такихъ страданій. Онъ рѣшился отказаться отъ своей должности, которая начинала напоминать должность палача, и написалъ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири и Министру В. Д. смѣлое и откровенное письмо, въ которомъ назвалъ послѣднія правительственныя мѣры по отношенію къ политическимъ заключеннымъ на Карѣ не только безтактными, но жестокими. Если правительству нуженъ комендантъ — говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, — который взялся бы примѣнять эти мѣры, — пусть оно пошлетъ на это мѣсто палача. Онъ не палачъ; онъ не можетъ, не насилуя своихъ взглядовъ и чувствъ, оставаться на должности при подобныхъ условіяхъ и проситъ уволить его. Отставка была принята и лѣтомъ 1881 г. Кононовичъ оставилъ Кару и Сибирь и пріѣхалъ въ Петербургъ. Проѣзжая черезъ Иркутскъ онъ видѣлся съ Генералъ-Губернаторомъ В. Сибири Анучинымъ, который, между прочимъ сказалъ ему: „Полковникъ Кононовичъ! человѣкъ съ вашими взглядами, конечно, не можетъ занимать мѣсто коменданта на Карѣ. Сомнѣваюсь даже, чтобы онъ вообще могъ служить на государственной службѣ.“

— Очень хорошо — отвѣчалъ Кононовичъ — я оставлю ее.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Кононовичъ видѣлся съ товарищемъ Министра В. Д., Дурново, которому онъ откровенно высказалъ свои взгляды: „Я не ослабилъ, — сказалъ онъ, — необходимой дисциплины на Карѣ; я не нарушилъ никакого закона. Если вы хотите порядка въ политической тюрьмѣ и уваженія къ правительству со стороны ея обитателей, пошлите туда человѣка съ моими воззрѣніями. Я не преслѣдовалъ никакихъ „своихъ“ цѣлей; вы можете видѣть это изъ того, что мое поведеніе было опасно для меня. Вы, вѣроятно, получили не мало доносовъ и обвиненій противъ меня. Я не боюсь ихъ: я боюсь приговора своей совѣсти, и ея велѣнія — для меня законъ. Послѣднія мѣропріятія моя совѣсть осудила, и я отказался отъ должности, которую я не могъ болѣе исполнять.“

Послѣдующая исторія Карійской политической тюрьмы должна была не разъ напомнить Дурново эти прямыя и честныя слова.

Къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко приходится хорошо отзываться о сибирскихъ тюрьмахъ и чиновникахъ; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ могу я сказать, что о полковникѣ Кононовичѣ я почти не слышалъ дурныхъ отзывовъ. Политическіе заключенные, честные чиновники, порядочные люди вообще всегда объявляли мнѣ въ одинъ голосъ, что это былъ гуманный, симпатичный человѣкъ и смѣлый, умный и совершенно неподкупный чиновникъ. Почти все хорошее, что было сдѣлано на Карѣ за послѣднюю четверть вѣка, было сдѣлано въ бытность Кононовича тамъ комендантомъ и завѣдывающимъ. Его страшно не любили за то въ средѣ взяточниковъ и иныхъ „дѣльцовъ“ худшаго бюрократическаго типа. Его называли „слабымъ“, „сантиментальнымъ“, „соціалистомъ“; его обвиняли въ сочувствіи революціонерамъ и пр. Нерчинскій исправникъ открыто говорилъ въ клубѣ, что онъ „отправилъ бы Кононовича въ Якутскъ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.“ Съ какой готовностью даже высшіе представители Сибирской администраціи подхватывали ничтожнѣйшія мелочи, чтобы обвинять его, — показываетъ слѣдующій случай. Въ послѣдній годъ его службы на Карѣ, туда былъ привезенъ политическій каторжанинъ, едва 20 лѣтъ, по имени Бобоховъ. Вслѣдствіе всевозможныхъ страданій и оскорбленій по тюрьмамъ и въ пути, этотъ юноша сталъ подозрителенъ и дикъ, какъ загнанный волкъ; Онъ смотрѣлъ на весь міръ, какъ на что-то враждебное ему, на каждаго чиновника, какъ бы ежеминутно ожидая отъ него оскорбленія или удара, — со страхомъ, но въ тоже время съ ненавистью и съ готовностью отвѣчать тѣмъ же. Кононовичъ принялъ его вѣжливо и мягко; послалъ къ нему жену одного изъ ссыльныхъ съ бѣльемъ и закуской; позаботился о всѣхъ его нуждахъ и сказалъ: „Помните, что никто здѣсь не оскорбитъ и не обидитъ васъ.“ Бобоховъ, пораженный такимъ непривычнымъ пріемомъ, въ письмѣ въ Россію между прочимъ писалъ: „Я чрезвычайно удивленъ и доволенъ, зная — насколько я могу это знать изъ короткаго знакомства съ комендантомъ —, что не всякій русскій полковникъ непремѣнно — животное.“ Письмо это было перехвачено и переслано изъ министерства къ Забайкальскому Губернатору Ильяшевичу. Этотъ послѣдній отослалъ его къ Кононовичу съ требованіемъ „объясненія.“ На это письмо, очевидно, посмотрѣли, какъ не документальное подтвержденіе существованія подозрительно-интимныхъ отношеній политическихъ заключенныхъ съ ихъ комендантомъ. Кононовичъ оставилъ это требованіе безъ

ответа. Но когда онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ по дѣлу въ Читѣ, Ильяшевичъ повторилъ свой вопросъ. „Полковникъ, — сказалъ онъ, — вы не отвѣтили мнѣ на письмо, въ которомъ я просилъ у васъ разъясненій по поводу того, что говорится о васъ въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ государственнаго преступника Б. Развѣ вы не получили его?“

— Я получилъ его, — отвѣчалъ Кононовичъ, — но какія же объясненія могъ я вамъ дать? Не могъ же я извиняться, что меня назвали человѣкомъ, а не животнымъ; не могъ же я отвѣтить, что писавшій письмо ошибся, что я дѣйствительно животное и что я никогда не далъ ни ему, никому-либо другому основанія предполагать, что русскій полковникъ дѣйствительно можетъ быть иногда человѣкомъ.

Вопросъ былъ поставленъ такъ, что губернатору не оставалось ничего другого, какъ смутиться и замять разговоръ, — что онъ и сдѣлалъ.

Оставивъ Кару, Кононовичъ поселился въ Нерчинскѣ, какъ атаманъ казачьихъ войскъ въ Забайкальѣ. Здѣсь онъ скоро открылъ, что исправникъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками и офицерами, занимаются правильной и прибыльной торговлей въ рекрутскомъ присутствіи, освобождая за 200—300 рублей сыновей богатыхъ семей отъ военной службы, яко бы по болѣзни. Онъ поднялъ дѣло, но виновные имѣли „сильную руку“ въ Иркутскѣ. Благодаря хлопотамъ друзей и деньгамъ слѣдственная коммиссія была „подобрана“, и дѣло приняло неожиданный оборотъ: обвиняемые выходили чистыми, а Кононовичъ оказывался извѣтчикомъ и клеветникомъ. Но, къ счастью, у него были свои пріятели въ Петербургѣ. Онъ телеграфировалъ имъ и въ министерство и добился назначенія новой коммиссіи, которая собрала достаточно документальныхъ доказательствъ въ пользу обвиненія. Исправникъ и нѣкоторые другіе, замѣшанные въ дѣлѣ, чиновники были посажены въ тюрьму. Тогда ихъ друзья прибѣгли къ иному средству. Въ зимнюю ночь вдругъ вспыхнулъ пожаръ въ домѣ Кононовича. И онъ и его семья едва не сгорѣли. Они спаслись въ одномъ бѣльѣ, но документы сгорѣли почти безъ слѣда. Тогда Кононовичъ „отрясъ прахъ съ ногъ своихъ“ и оставилъ Сибирь, въ которой „честный человѣкъ, исполняя свой долгъ, рискуетъ быть сожженнымъ заживо.“ Въ Петербургѣ его назначили членомъ генеральнаго штаба отъ казачьихъ войскъ въ Забайкальѣ; въ этой должности онъ оставался до 1888 г., когда его произ-

вели въ генералы и назначили завѣдывающимъ на Сахалинѣ, гдѣ теперь сосредоточены главныя каторжныя учрежденія Россіи. Это назначеніе дѣлаетъ честь русскому правительству. Можно надѣяться, что пока Кононовичъ будетъ занимать эту должность, Сахалинъ будетъ управляемъ умно, гуманно и честно.

Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Кононовича на Карѣ была постройка новой политической тюрьмы. Капитанъ Николинъ не разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть этого зданія, но я успѣлъ достать подробнѣйшій планъ его и описаніе его внутренности. По общему своему типу оно напоминаетъ обычную сибирскую тюрьму; но оно болѣе просторно, лучше освѣщено и, вообще, нѣсколько болѣе комфортабельно. Въ немъ 4 камеры (5-ая—лазаретъ), каждая съ тремя окнами, съ большимъ столомъ и скамьями по серединѣ, съ кирпичною печью и нарами на 20—25 человѣкъ. Въ лазаретѣ — кровати. Постельныя принадлежности покупаютъ себѣ на свои деньги сами арестанты. Вначалѣ пали окружали тюрьму только съ трехъ сторонъ; съ четвертой окна камеръ глядѣли прямо на долину Кары. Но генералъ-губернаторъ Анучинъ въ одинъ изъ своихъ рѣдкихъ визитовъ на Кару не одобрилъ такого плана, замѣтивъ, что „тюрьма — не дворецъ“, и приказалъ продолжить пали такъ, чтобы онѣ закрыли собою видъ изъ оконъ тюрьмы. Едва ли можно увидѣть въ этомъ распоряженіи, что-нибудь кромѣ мстительнаго самодурства деспота, который хотѣлъ всѣми средствами сдѣлать жизнь политическихъ возможно болѣе тяжкою. Всѣ карійскія обще-уголовныя тюрьмы смотрятъ окнами на улицу и на долину; всякій бродяга и убійца можетъ видѣть изъ своей камеры кусочекъ вольнаго міра. Политическіе заключенные — по мнѣнію Анучина — не имѣютъ права жить „во дворцѣ“, изъ оконъ котораго можно видѣть зеленыя деревья, отблескъ солнца на поверхности рѣчки и покрытые дымкою далекія горы. Ихъ надо загородить отъ притока свѣжаго воздуха въ рѣшетчатыя окна. Для нихъ недозволенная роскошь — видѣть человѣка не въ солдатской шинели. Много я думалъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы его превосходительство генералъ-губернаторъ былъ бы запертъ хоть на одинъ годъ въ карійской политической тюрьмѣ, въ теченій 365 дней не видя ничего, кромѣ высокихъ почернѣвшихъ отъ непогоды палей, проводя ночи на голыхъ деревянныхъ нарахъ, переполненныхъ клопами, и дыша, день и ночь, зараженнымъ воздухомъ отъ „параши“. О! тогда онъ могъ бы на самомъ себѣ почувствовать, что „тюрьма — не дворецъ!“

VII.

Исторія карійской политической тюрьмы.

Послѣ отставки Кононовича, мѣсто его на Карѣ занялъ майоръ Потуловъ, служившій до этого въ Нерчинскихъ серебряныхъ рудникахъ. Вскорѣ послѣ его вступленія въ должность политическіе каторжане (мужчины), — ихъ было тогда около ста человѣкъ, — были переведены въ новую тюрьму, построенную Кононовичемъ на Нижнемъ Промыслѣ и помѣщены въ 4 большихъ камерахъ, по 25 чел. въ каждой. Жизнь ихъ въ это время, — судя по письмамъ ихъ къ роднымъ и друзьямъ, письмамъ совершенно интимнымъ и не предназначеннымъ для опубликованія, — была тяжела и безнадежна, но не до невыносимости. Имъ позволяли проводить часть своего времени въ тюремномъ дворѣ; они получали отъ родыхъ и друзей деньги; у нихъ была недурная библіотека, составленная изъ купленныхъ ими и присланныхъ имъ изъ Россіи книгъ; они могли до нѣкоторой степени заниматься мускульнымъ трудомъ въ своей кузнечной и столярной мастерской. Но съ другой стороны, они жили при крайне скверныхъ санитарныхъ условіяхъ; день и ночь они оставались въ ножныхъ и — часто — ручныхъ оковахъ; нѣкоторые изъ нихъ были прикованы къ тачкамъ; день и ночь, они должны были быть постоянными зрителями зрѣлища ужаснаго для здоровыхъ людей. Я говорю о припадкахъ сумашествія, которымъ были подвержены нѣкоторые изъ ихъ товарищей, оставляемые въ общей тюрьмѣ, не смотря на свое состояніе; они были лишены того здороваго физическаго упражненія, которое давали имъ прежде золотыя работы; у нихъ была отнята надежда на жизнь въ вольной командѣ; имъ были запрещены всякія сношенія съ родными; окружающій міръ былъ совершенно закрытъ для нихъ высокими тюремными палями. Что жизнь ихъ въ это время была тяжела. — признаютъ даже самые безпощадные сибирскіе чиновники. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ секретнаго рапорта генералъ-губернатора Анучина государю. отъ марта 1882 г.

„Заключая эту часть моего рапорта (о тюрьмахъ и ссылкѣ) я долженъ обратить вниманіе Вашего Величества на положеніе

государственныхъ преступниковъ, живущихъ нынѣ въ Восточной Сибири. 1-го января 1882 ихъ насчитывалось 430, въ томъ числѣ: а) сосланныхъ въ Сибирь по суду:

1) въ каторжныя роботы — . . . 123.
2) на поселеніе . . . . . 49.
3) на жительство . . . . . 41.

б) сосланныхъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ — . . . . . 217.

Всего. . . . . 430 (*).

Всѣ государственные преступники, принадлежащіе къ категоріи каторжанъ, содержатся въ Карійскихъ золотыхъ рудникахъ подъ стражею караула, состоящаго изъ 200 забайкальскихъ казаковъ. Употреблять этихъ преступниковъ на работы вмѣстѣ съ уголовными — невозможно. (Генералъ-губернаторъ не говоритъ, почему это было возможно при Кононовичѣ. . .) Изолировать же ихъ отъ послѣднихъ чрезвычайно трудно, какъ по отсутствію приспособленныхъ для этого рудниковъ, такъ и по ихъ неспособности къ тяжелымъ работамъ и по неимѣнію подъ руками достаточнаго конвоя. Если прибавить къ этому, что непроизводительный, тяжелый трудъ, употребляемый въ другихъ странахъ, какъ физическое наказаніе, у насъ не примѣняется, станетъ совершенно понятнымъ, почему государственные преступники на Карѣ не употребляются на каторжныя работы. Такимъ образомъ мѣстныя власти, на которыхъ, лежитъ тяжкая отвѣственность въ случаѣ побѣга находящихся въ ихъ вѣдѣніи государственныхъ преступниковъ, принуждены силою обстоятельствъ, держать ихъ въ тюрьмѣ, подъ строгимъ надзоромъ, лишь изрѣдка употребляя ихъ на случайныя работы внутри тюремной ограды, или вблизи отъ нея. Эти работы не имѣютъ характера „каторжныхъ работъ“. Но подобное избавленіе государственныхъ преступниковъ отъ каторжныхъ работъ не дѣлаетъ ихъ участи легкою. Напротивъ, полная ихъ изолированность отъ окружающаго, въ стѣнахъ ихъ тюрьмы, дѣлаетъ ихъ жизнь невыносимою. . . . . Среди нихъ было нѣсколько самоубійствъ, и только нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ нихъ. Позенъ, сошелъ съ ума. Нѣкоторые другіе очень близки къ сумашествію. По соглашенію моему съ господиномъ минис-

(*) Достойно вниманія это откровенное признаніе генералъ-губернатора, что изъ 430 человѣкъ, сосланныхъ въ Восточ. Сибирь, 217, т. е. больше половины, политическихъ ссыльныхъ были административно-ссыльные. Пусть остановятъ на этомъ оффиціально-констатированномъ фактѣ свое вниманіе адвокаты „русско-американскаго трактата о выдачѣ преступниковъ. — Пр. Кеннана.

тромъ в. д. всѣ, страдающіе умопомѣшательствомъ, будутъ переведены (*), если это окажется возможнымъ, въ наемное помѣщеніе въ Читѣ, такъ какъ въ Сибири нѣтъ дома для сумасшедшихъ, а всѣ подобныя учрежденія въ Россіи переполнены (**)."

Здѣсь нелишнее обратить вниманіе на то, что жизнь государственныхъ на Карѣ, которую Анучинъ называетъ „невыносимою", стала такою подъ вліяніемъ сознательныхъ дѣйствій самой же власти. Самъ Анучинъ приказалъ загородить тюрьму палями отъ внѣшняго міра; само министерство упразднило „вольную команду" и создало ту „полную изолированность", которая повела къ самоубійствамъ и помѣшательствамъ, которыя Анучинъ какъ-будто оплакиваетъ въ своемъ рапортѣ. Положеніе политическихъ каторжанъ не было „невыносимымъ" при Кононовичѣ; оно стало таковымъ вслѣдствіе тѣхъ циркуляровъ, которые вызвали его отставку.

Трудно было ожидать, чтобы молодые и энергичные люди спокойно подчинились положенію, которое оффиціально признавалось, какъ „невыносимое", и которое вело болѣе слабыхъ изъ нихъ къ самоубійству или помѣшательству. Въ апрѣлѣ 1882 года, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ отставки Кононовича и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ вышеупомянутаго рапорта Анучина нѣсколько энергичныхъ заключенныхъ пытались бѣжать черезъ подкопъ подъ тюремной стѣною. Но прежде,

---

(*) Во время нашего посѣщенія Кары, т. е. 3½ года послѣ этого рапорта, обѣщанный переводъ еще не состоялся. Помѣшанные политическіе жили еще въ однѣхъ камерахъ съ своими здоровыми товарищами и отягчали своими присутствіемъ ихъ жалкую жизнь. Вообще въ Вост. Сибири, тюремное начальство очень мало заботится объ отдѣленіи помѣшанныхъ отъ здоровыхъ и объ ихъ леченіи, и не разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ этомъ лично при посѣщеніи тюремъ: иногда, при входѣ въ переполненную камеру я вздрагивалъ отъ неожиданности, когда изъ толпы бросался ко мнѣ какой-нибудь помѣшанный, съ дикимъ крикомъ, или съ взрывомъ истеричнаго хохота. Причины этому указаны отчасти въ рапортѣ ген. губернатора. Въ Вост. Сибири нѣтъ ни одной больницы для помѣшанныхъ; проще и дешевле оставить заботу о помѣшанномъ его товарищамъ, чѣмъ держать его въ отдѣльномъ помѣщеніи и ходить за нимъ. Для политическихъ заключенныхъ, которые боятся помѣшательства болѣе всего, это истинная пытка — имѣть постоянно передъ глазами живую иллюстрацію ихъ возможнаго, или — скорѣе — вѣроятнаго будущаго, — въ видѣ ихъ сумасшедшихъ товарищей. Прим. Кеннана.

(**) Рапортъ генералъ-губернатора Анучина Александру III, глава V, отд. 3. У меня есть копія этого рапорта, и когда-нибудь я опубликую его цѣликомъ. На оригиналѣ собственною рукою императора сдѣлана слѣдующая помѣтка: „Грустная, но не новая картина".— Прим. Кеннана.

чѣмъ онъ былъ оконченъ вслѣдствіе влажности почвы онъ наполнился водою и работы пришлось бросить, отказавшись отъ этого плана побѣга. Скоро былъ найденъ другой. Рѣшено было бѣжать черезъ мастерскую, въ которой днемъ работали заключенные. Трудность этого плана была въ вечерней „повѣркѣ", которую каждый день, передъ окончательнымъ запоромъ тюрьмы, дѣлалъ казачій караулъ. Не досчитайся онъ укрывшихся въ мастерской, — и побѣгъ дѣлался невозможнымъ. Рѣшено было попробовать сбить повѣрку, положивъ на мѣста отсутствующихъ искустно сдѣланныя чучела. Караульный офицеръ обыкновенно считалъ заключенныхъ изъ двери камеры; камера была обыкновенно очень плохо освѣщена; на повѣрку всѣ — и заключенные и караулъ — смотрѣли какъ на скучную формальность, и т. д. При такихъ условіяхъ чучела имѣла много шансовъ сойти за настоящихъ людей. Удайся эта хитрость, — бѣглецы должны были направиться внизъ по Амуру во Владивостокъ, и тамъ сѣсть на какое-нибудь американское судно, между тѣмъ какъ ихъ оставшіеся въ тюрьмѣ товарищи должны были какъ можно дольше поддерживать свои чучела, чтобы отдалить тревогу и розыски. Когда все было готово, Мышкинъ и Хрущовъ спрятались въ мастерской и ихъ мѣсто въ тюрьмѣ на вечерней повѣркѣ заняли чучела. Повѣрка прошла благополучно; бѣглецы дождались ночи и черезъ приготовленное заранѣе отверстіе въ потолкѣ вылѣзли на крышу, спустились отдуда и черезъ нѣсколько минутъ скрылись въ лѣсу, не обративъ на себя вниманія часоваго. Черезъ нѣсколько дней такимъ же образомъ бѣжала другая пара, а на нарахъ лежало два новыхъ чучела и т. д. На третью недѣлю послѣ перваго побѣга на нарахъ лежало восемь чучелъ, и 4-ая пара ожидала ночи, чтобы бѣжать изъ тюрьмы. Но это была послѣдняя пара. Одинъ изъ бѣглецовъ, спускаясь со стѣны, сорвался и упалъ въ лужу воды. Произведенный шумъ привлекъ вниманіе часоваго, который выстрѣлилъ и поднялъ тревогу. Черезъ 10 минутъ все было въ движеніи. Новая и, на этотъ разъ, серьезная повѣрка открыла отсутствіе 8-ми человѣкъ. Только за нѣсколько дней передъ этимъ тюрьму визитировали Галкинъ-Врасскій, главноуправляющій русскимъ тюремнымъ департаментомъ, и Забайкальскій губернаторъ Ильяшевичъ. Вѣсть о побѣгѣ догнала ихъ въ Усть-Карѣ. Они тотчасъ же вернулись на мѣсто дѣйствія и организовали розыски въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Тотчасъ же были разосланы теле-

граммы во всѣ портовыя города Тихаго Океана, и во всѣ поселенія по Амуру, куда только былъ проведенъ телеграфъ; примѣты и фотографическія карточки бѣглецовъ были разосланы во всѣ полицейскія управленія В. Сибири; было отдано распоряженіе — повсюду задерживать всѣхъ подозрительныхъ и неизвѣстныхъ лицъ, были назначены награды за поимку каждаго изъ бѣжавшихъ, и туземные жители, небольшими партіями, производили тщательные розыски въ лѣсахъ и въ тайгѣ Забайкалья. Противъ такихъ мѣръ трудно было бороться людямъ, незнакомымъ съ мѣстностью, которые отправились въ свой путь безъ проводниковъ, безъ карты, безъ компасовъ, которые были ослаблены долгимъ тюремнымъ заключеніемъ. Всы 8 бѣглецовъ (*) были въ концѣ-концевъ арестованы и привезены на Кару въ оковахъ и наручныхъ, причемъ Мышкинъ и Хрущовъ успѣли пройти болѣе 1000 миль и были арестованы уже въ самомъ Владивостокѣ, чуть не наканунѣ ихъ отъѣзда оттуда.

Между тѣмъ, пока происходили эти розыски, карійскія власти, своимъ чередомъ, приготовлялись „дать урокъ“(**) политическимъ и водворить въ тюрьмѣ ихъ порядокъ. Для достиженія этой цѣли имѣлось ввиду лишить политическихъ заключенныхъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ привиллегій, которыми они раньше пользовались; отнять у нихъ книги, деньги, бѣлье, постели и пр., распредѣлить ихъ маленькими группами по уголовнымъ тьрьмамъ Усть-Кары, Средняго и Верхняго промысловъ и подвергнуть ихъ тому режиму, который извѣстенъ подъ именемъ „карцернаго положенія“.(***) Имѣя ввиду возможность сопротивленія, или, вѣрнѣе, имѣя ввиду вывать его, Гал-

(*) Фамиліи ихъ слѣдующія: Мышкинъ, Хрущовъ, Баламезъ, Левченко, Юрковскій, Диковскій, Крыжановскій и Минаковъ. — Прим. Кеннана.

(**) Этимъ выраженіемъ воспользовался Потуловъ, разсказывая мнѣ послѣдовавшія послѣ побѣга событія. Политическіе каторжане на Кары убѣждены въ томъ, что мѣстное тюремное начальство *хотьло* вызвать съ ихъ стороны протестъ, чтобы, во-первыхъ, оправдать послѣдовавшія сцены насилія и „усмиренія“, и, во-вторыхъ, вызвать искуственно тюремный „бунтъ“, отвлечь такимъ образомъ вниманіе министерства отъ ихъ вины и въ быстромъ усмиреніи этого бунта найти оправданіе своему небрежному исполненію обязанностей. Прим. Кеннана.

(***) Арестантъ находящійся на „карцерномъ положеніи“, лишается книгъ, денегъ, письменныхъ принадлежностей, бѣлья, постели, табаку и пр. предметовъ „роскоши“. Ему запрещается прогулка; онъ совершенно изолированъ отъ всего окружающаго; онъ живетъ „на хлѣбѣ и водѣ“, лишь изрѣдка получая жидкую ячменную похлебку, извѣстную среди политическихъ заключенныхъ на Карѣ подъ именемъ „баланды“. — Прим. Кеннана.

кинъ-Врасскій и Ильяшевичъ сосредоточили на Нижнемъ промыслѣ 6 сотенъ казаковъ, и, послѣ 10 дней выжиданія разсчитаннаго, на то, чтобы успокоить взволнованную тюрьму и показать ей, что ничего противъ нея они предпринимать не намѣрены, ночью 11-го мая войска безшумно заняли всѣ стратегическіе пункты, наполнили дворъ и корридоръ тюрьмы подъ командой подполковника Руденко. По данному сигналу двери камеры были внезапно открыты и вооруженные солдаты бросились на спящихъ и беззащитныхъ заключенныхъ. Это событіе памятно въ тюрьмѣ, какъ „погромъ 11-го мая.“ Спящихъ грубо подняли съ постели; начались обыскъ и переодѣваніе арестантовъ въ казенную одежду: все это сопровождалось насмѣшками и оскорбленіями. Протесты и попытки сопротивленія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе горячихъ заключенныхъ, возмущенныхъ невызванными оскорбленіями, были быстро задушены въ жестокомъ избіеніи протестантовъ ружейными прикладами, при чемъ наиболѣе пострадали Волошенко, Родіоновъ, Кобылянскій, Бобоховъ и Орловъ. Но я не хочу входить здѣсь въ подробности этихъ отвратительныхъ сценъ жестокости и насилій. Достаточно будетъ сказать, что къ 9 часамъ утра окровавленные и избитые заключенные, лишенные всего ихъ имущества и переодѣтые во все казенное, въ оковахъ и, многіе, въ наручняхъ были раздѣлены на нѣсколько небольшихъ партій, и подъ конвоемъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ были отправлены пѣшкомъ и безъ завтрака на Усть-Кару, Средній и Верхній Промыслы. Ильяшевичъ далъ конвою конфиденціальныя инструкціи — не жалѣть прикладовъ. Партія, назначенная на Кару, въ которой былъ между прочимъ, одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ, на дорогѣ обратилась къ конвою съ просьбой позволить имъ отдохнуть (они были утомлены, избиты, ничего еще не ѣли и не пили и имѣли впереди 15 верстъ пути). Имъ грубо отказали и повели ихъ дальше, подгоняя отстающихъ штыками. Это переполнило чашу; нѣкоторые изъ арестантовъ схватились за камни; послѣдовала неравная битва и арестанты были еще разъ жестоко избиты и за тѣмъ перевязаны веревками. Въ такомъ видѣ, поздно вечеромъ, они пришли, наконецъ, на Усть-Кару, гдѣ, послѣ новаго обыска, они были брошены въ секретныя камеры.(*) Здѣсь улеглись на голомъ

(*) Секретными камерами въ сибирскихъ тюрьмахъ называются „одиночки“, предназначенныя для убійцъ и иныхъ тяжкихъ преступниковъ. Нам обыкновенно

полу, они могли, наконецъ, поздравить себя съ тѣмъ, что этотъ, полный страданій, день наконецъ кончился. Другія партіи, приблизительно при такихъ же условіяхъ были распредѣлены по Амурскимъ и Среднекарійскимъ тюрьмамъ. Долгосрочные были закованы въ наручни и всѣ безъ исключенія были подвергнуты „карцерному положенію". Такимъ образомъ Галкинъ-Врасскій и Ильяшевичъ усмирили „бунтъ", который „долженъ былъ" вспыхнуть среди сотни мирно спавшихъ „бунтовщиковъ"; такимъ образомъ былъ данъ имъ этотъ „необходимый урокъ", а министру было показано, что онъ можетъ отнынѣ смѣло положиться на энергію его подчиненныхъ. „Порядокъ" былъ водворенъ въ политической тюрьмѣ, но это былъ „порядокъ", который нѣкогда „царствовалъ въ Варшавѣ."

Въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ политическіе жили на „карцерномъ положеніи, рѣдко видя другъ друга и ничего не зная о томъ, что дѣлается кругомъ. Отвратительная атмосфера, отвратительная и скудная пища, полное отсутствіе физическаго труда скоро проявили свое дѣйствіе: появилась цынга; и черезъ мѣсяцъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно Тихоновъ (*) и Жуковъ, были недалеки отъ смерти; другіе такъ ослабѣли, что съ трудомъ вставали на повѣрку. Но суровость карцернаго положенія

не показывали ихъ при осмотрѣ тюремъ, но въ Иркутскѣ полковникъ Маковскій показалъ мнѣ ихъ. Въ нихъ нѣтъ ни постелей, ни наръ, ни, вообще, какой бы то ни было мебели, кромѣ „параши". Арестантъ спитъ на голомъ полу; днемъ — сидитъ на немъ же, или стоитъ. Такія камеры занимаютъ часто еще не осужденные преступники. Даже въ такой „образцовой" тюрьмѣ, какъ Домъ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ есть подобные карцеры, въ которыхъ нѣтъ даже параши и экскременты покрываютъ полъ, на которомъ долженъ спать заключенный. Конечно, ни Галкинъ-Врасскій, ни Коковцевъ, не знаютъ объ этомъ; но тѣмъ не менѣе, это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Политическій обвиняемый, Дическуло, былъ заключенъ въ такой карцеръ, послѣ бунта, вызваннаго сѣченіемъ Боголюбова. Я не видѣлъ секретныхъ камеръ въ карійскихъ тюрьмахъ, но нѣтъ основанія предполагать, что они лучше тѣхъ, которыя я видѣлъ. Я не хочу, конечно, сказать, что всѣ камеры, или даже всѣ „секретныя" камеры таковы; не хочу я сказать также, что высшіе чиновники тюремнаго вѣдомства знаютъ это и отвѣственны за это. Все, что я имѣю ввиду, это — показать въ какихъ условіяхъ приходится *иногда* жить въ русскихъ тюрьмахъ образованнымъ и благовоспитаннымъ заключеннымъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ категорія русскихъ „политическихъ преступниковъ". Пр. Кеннана.

---

*) Тихоновъ вскорѣ послѣ этого умеръ. Пр. Кеннана.

не ослабѣвала, и только тогда, когда болѣзнь сдѣлалась эпидемическою, Халтуринъ, новый начальникъ, разрѣшилъ заключеннымъ постельныя принадлежности.

Въ женской политич. тюрьмѣ положеніе вещей было нѣсколько лучше. Хотя женщины были совершенно не причемъ ни въ бунтѣ, искуственно вызванномъ среди мужчинъ, ни въ побѣгѣ, — послѣдствія этихъ событій, отразились и на нихъ. Халтуринъ не допускалъ никакихъ „послабленій“ и смотрѣлъ на разрѣшеніе женщинамъ носить свое бѣлье, какъ на излишнюю сантиментальную слабость. Поэтому онъ отдалъ приказъ переодѣть и женщинъ въ арестанское платье. Онѣ протестовали, и ихъ переодѣли насильно. Имѣвшія при этомъ мѣсто шутки произвели такое тягостное впечатлѣніе на заключенныхъ, что одна изъ нихъ, Лешернъ, отравилась (ее успѣли спасти).

Въ это время на Карѣ жило нѣсколько семей политическихъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями. Эти добровольныя жены до погрома имѣли регулярныя свиданія со своими мужьями и получали изъ тюремной кассы пособіе, благодаря которому онѣ и существовали. Послѣ „водворенія порядка“, эти свиданія были запрещены, и деньги заключенныхъ были временно подъ секвестромъ. Выдача пособія была прекращена, и несчастныя „добровольныя“ семьи были оставлены безъ всякихъ средствъ для существованія. Рогачева, жена одного изъ каторжанъ, бывшаго артиллерійскаго офицера, была этими мѣрами доведена до того, что выстрѣлила въ себя изъ револьвера.

6-го іюля 1882 г. 8 изъ заключенныхъ (*), считавшихся особенно опасными, были отправлены съ Кары въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣсколько дней всѣ сидѣвшіе въ разныхъ карійскихъ тюрьмахъ были снова переведены въ ихъ прежнюю тюрьму, но перестроенную, согласно новымъ требованіямъ дисциплины и гигіены. Каждая камера была раздѣлена перегородками на три маленькія камеры и корридоръ, которымъ никто не могъ пользоваться, потому что двери камеръ оставались запертыми день и ночь. Эти камеры были такъ малы, что

(*) Вотъ ихъ имена: Гелисъ, Волошенко, Орловъ, Малавскій. Поповъ, Щедринъ и Кобылянскій. О ихъ участи ничего не извѣстно. Жена Гелиса, которую я видѣлъ въ Забайкальѣ, говорила мнѣ, что ей не позволили видѣть его, когда его везли съ Кары, что она ничего о немъ послѣ не слышала, и не знаетъ, живъ ли онъ или нѣтъ. Пр. Кеннана.

нары занимали почти все пространство такъ, что заключенные не могли ходить и должны были все время сидѣть или лежать, безъ движенія, безъ книгъ, безъ занятій. Параши оставались въ этихъ набитыхъ людьми камерахъ день и ночь, заражая воздухъ и дѣлая его совершенно невозможнымъ. На заявленія и просьбы заключенныхъ Халтуринъ отвѣчалъ, что если они будутъ разговоривать, ихъ будутъ драть. Для большей убѣдительности онъ даже послалъ въ тюрьму доктора для освидѣтельствованія одного изъ заключенныхъ, можетъ ли онъ выдержать безъ опасности для жизни тѣлесное наказаніе. Дальше жить такъ было очевидно невозможно, и заключенные рѣшились прибѣгнуть къ своему послѣднему средству протеста — къ „голодовкѣ". Они послали Халтурину заявленіе, что если положеніе не измѣнится, они отказываются принимать пищу, предпочитая лучше умреть съ голоду, чѣмъ жить такъ, какъ они живутъ. Отвѣта не послѣдовало, голодовка была объявлена и съ этого момента пища, вносимая въ камеры, оставалась нетронутой. День проходилъ за днемъ, и мрачная тишина, напоминающая о смерти, постепенно больше и больше охватывала тюрьму. Голодающіе, слишкомъ слабые и апатичные, чтобы разговоривать, молча лежали на своихъ нарахъ, стоически ожидая конца. Въ тюрьмѣ слышались только шаги часовыхъ, да случайные дикіе крики сумасшедшихъ. На 5-ый день голодовки Халтуринъ понялъ, что эта голодовка — не шутка, явился въ тюрьму и спросилъ „бунтовщиковъ", чего они хотятъ. Ему отвѣтили, что голодовка не прекратится и будетъ доведена до конца, т. е. до смерти голодающихъ, если условія ихъ жизни не измѣнятся: если не вынесутъ параш, не выдадутъ книгъ, не разрѣшатъ прогулку и улучшеніе пищи на ихъ собственныя средства и т. д., и если Халтуринъ не дастъ торжественнаго обязательства, что никто изъ политическихъ не будетъ наказанъ тѣлесно. Халтуринъ отвѣчалъ, что ихъ опасенія тѣлеснаго наказанія — сущій вздоръ; что никто никогда объ этомъ и не думалъ; что же касается ихъ прочихъ требованій, — онъ постарается сдѣлать, что можно, если они прекратятъ голодовку. Этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ никого, и голодовка продолжалась. На десятый день положеніе вещей стало очень тревожнымъ. Всѣ голодающіе были очень слабы, иные казались близкими къ смерти. Гр. Толстой, тогдашній министръ в. д., распорядился телеграммой, чтобы врачъ ежедневно навѣщалъ тюрьму и сообщалъ ему о резуль-

татахъ своихъ наблюденій. (*) На 13-ый день Халтуринъ рѣшилъ (въ первый разъ послѣ 2-хъ мѣсяцевъ) женамъ свиданіе съ ихъ голодающими мужьями, подъ условіемъ, чтобы онѣ убѣдили ихъ прекратить голодовку, а самъ отправился въ тюрьму и поклялся тамъ своей честью, что если голодовка будетъ прекращена, онъ сдѣлаетъ все, что только въ его власти, для удовлетворенія ихъ требованій. Мольбы несчастныхъ, убитыхъ горемъ женщинъ и обѣщанія коменданта сломили, наконецъ, рѣшимость страдальцевъ, и на 13-й день первая и самая упорная въ карійской хроникѣ голодовка была прекращена.

Въ то время, какъ Кара переживала такимъ образомъ послѣдствія „погрома 11-го мая," одна изъ политическихъ женщинъ-каторжанокъ, Марія Кутитонская, окончила свой срокъ и была отправлена на поселеніе въ Акшу (на границѣ Монголіи). Она присутствовала при всѣхъ жестокостяхъ, сопровождавшихъ на Карѣ „водвореніе порядка", она на самой себѣ испитала всю силу „урока", даннаго политическимъ ружейными прикладами и вызвавшаго покушенія на самоубійство со стороны Лешернъ и Рогачевой. Она знала причины и исторію голодовки, которая только-что кончилась, и возмущенная до глубины души чувствомъ безграничнаго негодованія она рѣшилась убить Ильяшевича и цѣною своей жизни привлечь вниманіе публики къ тому, что совершается на далекой Карѣ съ его одоб-

*) Я никакъ не могу понять, почему правительство, способное, въ порывѣ раздраженія, обращаться съ политическими заключенными, какъ оно съ ними обращалось послѣ 11-го мая, не рѣшилось, въ этомъ случаѣ, предоставить голодающихъ ихъ участи, т. е. смерти, и, такимъ образомъ, освободиться отъ нихъ навсегда. Однако, всегда, когда голодающіе обладаютъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы довести себя до крайности, правительство колеблется и идетъ на уступки. Это—одинъ изъ примѣровъ его непослѣдовательности. Оно гордится тѣмъ, что смертная казнь вычеркнута изъ его уголовнаго кодекса, и сплошь и рядомъ его военные суды выносятъ смертные приговоры въ политич. процессахъ. Оно уничтожило кнутъ, но сохранило плеть, которою можно убить лошадь. Оно медленно замариваетъ своихъ политич. преступниковъ въ одиночкахъ Шлиссельбурга, и трепещетъ передъ возможнымъ результатомъ „голодовки до смерти." Съ практической американской точки зрѣнія кажется, что оно поступило бы болѣе цѣлеобразно и гуманно, вызвавъ въ одинъ прекрасный день всѣхъ своихъ политическихъ въ тюремный дворъ и разстрѣлявъ ихъ тамъ, чѣмъ медленно убивать ихъ „карцернымъ положеніемъ." Общество и въ половину не было бы такъ потрясено этою мѣрою, какъ оно потрясено теперь постоянными самоубійствами, помѣшательствами, голодовками и прочими свидѣтельствами невозможныхъ условій существованія въ тюрьмахъ и рудникахъ, предназначенныхъ для политическихъ заключенныхъ. Пр. Кеннана.

ренія и по его распоряженіямъ. Она прекрасно знала, что ее ждетъ смерть, но она готова была отдать свою жизнь за жизнь палача, свирѣпствовавшаго надъ ея беззащитными товарищами. Она надѣялась, что слѣдствіе и судъ своими разоблаченіями съ лихвою выкупятъ ея смерть. Собравъ немного денегъ, она купила дешевый и плохой револьверъ, и, нанявъ лошадей, отправилась въ Читу. Путешествіе одинокой молодой женщины не могло не обращать на себя вниманія въ этихъ мѣстахъ. На нее смотрѣли съ любопытствомъ, часто — подозрительно. и на послѣдней станціи передъ Читой сельскія власти ее арестовали. Она убѣдила ихъ, однако, представить ее читинскому исправнику, котораго она знала. Ему она откровенно призналась, что оставила Акшу тайно, но не для побѣга, а для того чтобы видѣть губернатора. Послѣ краткаго допроса исправникъ повезъ ее къ губернатору. Здѣсь, оставивъ ее въ пріемной, онъ вошелъ въ кабинетъ Ильяшевича и доложилъ ему въ чемъ дѣло.

— Обыскали вы ее? — подозрительно спросилъ Ильяшевичъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ исправникъ, — я объ этомъ и не подумалъ.

— Ну, это ничего, — сказалъ Ильяшевичъ, — что можетъ сдѣлать женщина? и съ этими словами онъ вошелъ въ пріемную, гдѣ его ждала Кутитонская съ револьверомъ въ рукѣ, спрятанномъ въ платокъ. Когда онъ подошелъ къ ней, она подняла револьверъ и со словами: „это — за 11-ое мая“ выстрѣлила ему въ грудь. Рана была не смертельна, но Ильяшевичъ упалъ. Кутитонскую схватили, обезоружили, связали и подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ Читинскую тюрьму. Здѣсь ее бросили въ „секретную“ камеру, о которой читинскій архитекторъ говорилъ, что она „недостаточно длинна, чтобы въ ней лежать, и недостаточно высока, чтобы стоять“, переодѣли въ старый, затасканный, полный вшей арестанскій костюмъ и примѣнили къ ней „карцерное положеніе“ во всей его ужасающей суровости. Жизнь ея была ужасна. Когда, вслѣдствіе физическихъ и нравственныхъ мукъ, она заболѣла и обратилась съ просьбой дать ей клокъ соломы, чтобы постелить ее на голый, залитый экскрементами полъ, полицеймейстеръ Мельниковъ отвѣтилъ ей: „для такихъ лицъ нѣтъ у насъ соломы!“ Если бы не тайная помощь уголовныхъ, которые смотрѣли на эту женщину и на ея подвигъ съ обожаніемъ, она навѣрное умерла бы. тутъ до суда. Надо замѣтить, что она была беременна. На-

конецъ, черезъ три мѣсяца послѣ покушенія военный судъ приговорилъ ее къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяцъ прожила она на прежнемъ положеніи послѣ суда въ ожиданіи конфирмаціи приговора, проводя безсонныя ночи въ мучительныхъ размышленіяхъ: открыть ли начальству свою беременность и такимъ образомъ, отсрочивъ свою казнь, дать жить своему ребенку, или умолчать объ этомъ и убить вмѣстѣ съ собой свое дитя. Если бы она умолчала, и ее повѣсили бы, и затѣмъ открылось бы, что повѣсили беременную женщину, это вызвало бы большое негодованіе противъ правительства въ сердцахъ всѣхъ друзей гуманности и справедливости; къ тому же — заявлять о своей беременности — это какъ бы просить помилованія. Нѣтъ — это невозможно. Но, съ другой стороны, не будетъ ли она тогда убійцей своего ребенка? Эти размышленія мучили и терзали ея больную душу. Въ концѣ-концевъ она рѣшилась молчать. Въ январѣ 1883 г. получена была конфирмація, замѣнившая смертную казнь пожизненной каторгой*), и ее отправили въ Иркутскъ зимою, безъ теплой одежды, больную. Въ Иркутскѣ ее должны были вынуть изъ саней и на рукахъ внести въ тюрьму. Вскорѣ она родила мертваго ребенка, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, умерла и сама.

Люди, знавшіе Кутитонскую въ Одессѣ, рисовали ее мнѣ веселой, беззаботной дѣвушкой, въ которой трудно было бы признать будущую героиню, съ ея энергіей, мужествомъ, самообладаніемъ и силою воли, которыя характеризуютъ ее во весь этотъ періодъ зарожденія, и исполненія своего предпріятія. Такъ ненависть къ угнетенію и месть за поруганное человѣческое достоинство порождаютъ героевъ и мстителей.

Почти всѣ мои свѣдѣнія о покушеніи Кутитонской на жизнь Ильяшевича собраны мною въ разныхъ мѣстахъ отъ политич. ссыльныхъ. Не смотря на всѣ мои усилія, я не могъ добраться до оффиц. документовъ по этому дѣлу; и очень мало полезныхъ указаній получилъ я отъ оффиц. лицъ, которые, когда разговоръ заходилъ о Кутитонской, или просто бранили ее или съ видимымъ страхомъ заминали опасную тему. Такъ, докторъ въ Иркутской тюрьмѣ, къ которому я какъ-то обратился съ вопро-

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что замѣна эта была, повидимому, результатомъ просьбы самого Ильяшевича. Почувствовалъ-ли онъ нѣкоторое раскаяніе и жалость къ своей мстительницѣ, или просто хотѣлъ показать свое великодушіе, надѣясь этимъ бросить сомнѣніе на донесенія о его жестокостяхъ на Карѣ — я не знаю. Пр. Кеннана.

сомъ о ней, былъ такъ испуганъ, что впослѣдствіи избѣгалъ меня, какъ огня. Впрочемъ, таково было почти всегда отношеніе оффиц. лицъ къ политическимъ каторжанамъ вообще. Такъ, исправникъ Нерчинскаго завода, принимавшій дѣятельное участіе въ поимкѣ Карійскихъ бѣглецовъ, изображалъ мнѣ ихъ, какъ „ловкихъ мошенниковъ“, не заслуживавшихъ ни малѣйшихъ симпатій, „поповскихъ дѣтей“, выгнанныхъ изъ семинарій. Такъ, подполковникъ Новиковъ увѣрялъ меня, что политич. каторжане — „мальчишки“, безъ всякихъ убѣжденій и опредѣленныхъ взглядовъ, а о покушеніи Кутитонской отозвался, какъ о „нелѣпомъ капризѣ“, говоря, что она „сама не знала, къ чему это она дѣлаетъ.“ Читатель пойметъ, надѣюсь, что я не могъ придавать большаго значенія подобнымъ отзывамъ. Если моя исторія Карійской политич. тюрьмы односторонняя, это потому, что другая сторона или отказывалась давать мнѣ свои свѣдѣнія и оцѣнки, или, если давала ихъ, то эти свѣдѣнія были очевидно пристрастны, безтолковы и состояли лишь изъ брани.

Чтобы показать, насколько мало правдоподобны были обыкновенно эти оффиц. характеристики политич. каторжанъ на Карѣ, я дамъ здѣсь короткія біографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Одна изъ самыхъ бросающихся въ глаза фигуръ, несомнѣнно, — Анна Павловна Корба, въ дѣвичествѣ — Менгартъ, родившаяся въ Тверской. Губерніи въ 1849 г. Послѣ заботливаго воспитанія подъ руководствомъ матери, образованной и чрезвычайно религіозной женщины, она вышла замужъ за швейцарца Корба, когда ей было 18—19 л. Ея красота, умъ и образованіе, богатство ея мужа позволили ей играть видную роль въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ она вращалась. Однако эта жизнь не могла удовлетворить ея свѣтлый и серьезный умъ. Въ 1869 г. въ Петербургѣ при одной изъ мужскихъ гимназій были открыты высшіе курсы для женщинъ. Корба тотчасъ же записалась на эти курсы, имѣя ввиду затѣмъ закончить свое образованіе въ Цюрихѣ или въ Парижѣ. Но въ 1870 г. дѣла ея мужа пошли очень плохо; ей пришлось отказаться отъ заграничной жизни, и немного спустя она уѣхала въ Минскъ, гдѣ мужъ ея поступилъ на службу. Здѣсь она усердно занималась общественными дѣлами, успѣла устроить общество, имѣвшее задачей способствовать развитію просвѣщенія и помогать деньгами бѣднымъ студентамъ въ университетахъ. Но, когда въ 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война, передъ нею от-

крылось новое поле дѣятельности. Когда раненые русскіе солдаты начали возвращаться въ отечество, она поступила въ минскій госпиталь, какъ простая сестра милосердія, а затѣмъ вступила въ Международное Общество Краснаго Креста, отправилась на театръ военныхъ дѣйствій и, какъ сестра милосердія заняла мѣсто въ русскомъ полевомъ госпиталѣ за Дунаемъ. Ей было тогда 27 лѣтъ. Что она видѣла и перестрадала за это ужасное время, могутъ себѣ представить тѣ, кто видѣлъ картины Верещагина. Впечатлѣнія эти не прошли безслѣдно для ея глубокой и любящей натуры, но опредѣлили собою направленіе ея будущей жизни. Она прониклась энтузіастическимъ умиленіемъ передъ простымъ величіемъ простаго русскаго мужика, солдата, который на своихъ плечахъ выноситъ всю тяжесть государства, и котораго обираютъ и оскорбляютъ даже на полѣ битвы, гдѣ онъ отдаетъ свою кровь. Она рѣшилась посвятить свою жизнь освобожденію задавленнаго народа отъ окружающаго его жизнь страданія. Въ концѣ войны она вернулась въ Россію, гдѣ тотчасъ же заболѣла тифомъ, привезеннымъ изъ-за Дуная. Оправившись отъ долгой и тяжкой болѣзни, она отдалась „своему дѣлу“. На каждомъ шагу, въ каждой своей попыткѣ вмѣшаться въ окружающую ее жизнь, чтобы внести въ нее облегченіе отъ страданій, она наталкивалась на непреодолимую преграду въ видѣ полиціи и чиновничества, вездѣсущихъ и всемогущихъ. Ея личная жизнь, также какъ для сотенъ и тысячъ другихъ, показала ей всю безплодность *такихъ* попытокъ, все безсиліе ея на *такомъ* пути. Она стала революціонеркой, присоединилась къ партіи „Народной Воли“ и дѣятельно участвовала во всѣхъ дѣлахъ этой партіи, отъ 1879 до 82 г., имѣвшихъ цѣлью опрокинуть правительство въ его формѣ абсолютизма. 5-го іюня 1882 г. она была арестована, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась передъ судомъ Правит. Сената по обвиненію въ принадлежности къ террористической организаціи. Вотъ что она сказала въ своемъ послѣднемъ словѣ:

„Я не признаю себя виновной, хотя и не отрицаю, что я принадлежу къ революціонной партіи и раздѣляю ея надежды и взгляды. Что же касается до какой-то организаціи, которая предпочитаетъ другимъ путямъ путь крови, я не знаю такой организаціи, и сомнѣваюсь въ ея существованіи. Такая партія, можетъ быть, явится, когда революціонное движеніе расширится, но если я буду жить въ это время, я не буду ея чле-

томъ. Если партія Н. В. усвоила политику террора, то не потому что она терроръ предпочитаетъ другимъ путямъ, но потому что другихъ путей, ведущихъ къ цѣли, поставленной намъ историческими условіями Россіи — нѣтъ". Печальныя и фатальныя слова, пророчествующія великія бѣдствія. „Господа сенаторы! Вы знаете основные законы русской имперіи. Вы знаете, что никто не имѣетъ права защищать какую-нибудь перемѣну въ существующей формѣ правленія: — даже думать объ этомъ — преступленіе. Всякая коллективная петиція — преступленіе. . . Но вѣдь страна ростетъ и развивается, условія соціальной жизни усложняются съ каждымъ днемъ, и недалекъ моментъ, когда русскій народъ сломитъ преграды, отдѣляющія его отъ жизни и свѣта". . . .

Президентъ прерываетъ: „Это ваше личное мнѣніе".

Корба продолжаетъ: „Историческая задача, стоящая передъ партіей Н. В. — раздвинуть эти преграды и дать Россіи независимость и свободу. Выборъ средствъ для этой цѣли — зависитъ отъ правительства. Мы не упрямые поклонники терроризма. Рука. поднявшаяся для удара, упадетъ, если правительство измѣнитъ политич. условія страны. Наша партія имѣетъ достаточно самообладанія, чтобы отказаться отъ мести за *свою* пролитую кровь, но она не откажется отъ борьбы, пока не пріобрѣтетъ для русск. народа свободу и благосостояніе. Чтобы показать намъ, что цѣли нашей партіи — умѣренныя и мирныя цѣли, я прошу Васъ прочесть письмо написанное къ императ. Александру III, послѣ 1-го марта. Вы увидите изъ него, что мы хотимъ только реформъ, но реформъ искреннихъ, полныхъ и жизненныхъ".

Эти слова Корба не смягчили, конечно, сердца ея судей: она и не ждала этого. Она была приговорена къ 20 г. катор. раб. съ лишеніемъ всѣхъ правъ. По послѣднимъ моимъ свѣдѣніямъ она еще на Карѣ, жива, но больна и слаба, и скоро, вѣроятно, избавится навсегда отъ лишеній и мукъ каторги.

Въ мужской тюрьмѣ меня особенно занимала личность Ипполита Мышкина, жизнь котораго такъ полна, интересна и характерна. Въ 1864 г. знаменитый русскій экономистъ, Чернышевскій, романъ котораго „Что дѣлать?" недавно переведенъ на англійскій языкъ, былъ судимъ, какъ революціонеръ, осужденъ и сосланъ въ Сибирь. Пробывъ нѣкоторое время въ Александровской центральный тюрьмѣ (возлѣ Иркутска), онъ былъ переведенъ въ Вилюйскъ, жалкій городокъ на далекомъ сѣ-

верѣ Якутск. области, гдѣ и жилъ много лѣтъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Когда, въ 1870-хъ годахъ, началось послѣднее русское революціоное движеніе, мечтой всѣхъ революціонеровъ было — освободить Чернышевскаго и дать ему возможность продолжать свои ученыя и литерат. работы. Но всѣ сдѣланныя попытки не дали никакихъ результатовъ, и проекты его освобожденія были оставлены, какъ неисполнимые. Въ 1875 г. молодой студентъ Технологическаго Института въ Петербургѣ, Ип. Мышкинъ выработалъ свой планъ и рѣшилъ привести его въ исполненіе, а именно, — явиться въ видѣ жандармскаго офицера къ исправнику Вилюйска съ поддѣланнымъ распоряженіемъ требовать передать ему, Мышкину, государст. преступника Чернышевскаго, для препровожденія его въ Петербургъ. Съ этою цѣлью Мышкинъ пріѣхалъ сначала въ Иркутскъ, и, послѣ нѣсколькихъ мясяцевъ жизни здѣсь, успѣлъ поступить на службу въ мѣстную жандармскую канцелярію. Въ короткое время онъ заслужилъ здѣсь расположеніе и довѣріе, и получилъ доступъ къ тому, что ему было нужно. Онъ добылъ для себя необходимые бланки, написалъ на нихъ распоряженіе о передачѣ въ его вѣденіе Чернышевскаго, поддѣлалъ подписи, приложилъ печати, досталъ себѣ надлежащій костюмъ и затѣмъ оставилъ свою службу, подъ предлогомъ необходимости уѣхать въ Россію. Выждавъ нѣкоторое время, онъ отправился въ путь. Въ Вилюйскѣ онъ былъ принятъ съ соотвѣствующимъ его званію уваженіемъ, не вызвавъ вначалѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ представилъ исправнику свои бумаги и потребовалъ выдать ему государст. преступника Чернышевскаго для препровожденія его въ Шлиссельбургъ. Планъ Мышкина несомнѣнно удался бы, если бы у него было достаточно средствъ, чтобы взять съ собой, въ качествѣ сопровождающихъ его жандармовъ, одного или двухъ товарищей. Жандармскій капитанъ, путешествующій по Сибири безъ эскорта, а даже безъ деньщика, который бы смотрѣлъ за его вещами, погонялъ бы ямщиковъ и т. д. — это было что-то совершенно невиданное и неслыханное; тѣмъ болѣе неслыханное, что онъ долженъ былъ взять съ собою важнаго и опаснаго государственнаго преступника. Послѣ первыхъ минутъ раздумья, это вызвало въ умѣ исправника сомнѣнія и подозрѣнія, которыя чѣмъ, онъ больше думалъ, тѣмъ больше росли. Когда послѣ безсонной ночи онъ встрѣтился на слѣдующій день съ Мышкинымъ, онъ сказалъ ему, что безъ разрѣшенія своего непосредственнаго начальника,

Якутск. губернатора, онъ не рѣшается выдать ему такого важнаго преступника, какъ Чернышевскій. Поэтому онъ предложилъ Мышкину подождать пока онъ пошлетъ въ Якутскъ курьера съ донесеніемъ и съ бумагами Мышкина.

„Я не предполагалъ — холодно замѣтилъ Мышкинъ, — что распоряженія императорской полиціи нуждаются въ санкціи губернатора. Но если вы на этомъ настаиваете, то я самъ отправлюсь въ Якутскъ и привезу эту санкцію.

Исправникъ, котораго подозрѣнія обратились за это время почти въ увѣренность, далъ ему въ качествѣ провожатыхъ, двухъ казаковъ, предварительно приказавъ имъ, чтобы они никоимъ образомъ не упускали изъ виду этого подозрительнаго жандарм. офицера, и кромѣ этого послалъ особаго курьера съ донесеніемъ въ Якутскъ, который долженъ былъ перегнать Мышкина на пути. Мышкинъ увидѣлъ, что его партія проиграна окончательно и рѣшилъ бѣжать; не доѣзжая до Якутска, улучивъ минуту, онъ выскочилъ изъ экипажа и бросился въ лѣсъ. Казаки — за нимъ. Онъ выхватилъ револьверъ, выстрѣлилъ, ранилъ одного изъ своихъ конвоировъ и скрылся. Но, конечно, не надолго. Пробродивъ по лѣсамъ съ недѣлю, полумертвый отъ голода, холода и усталости онъ былъ арестованъ, отосланъ въ Петербургъ и здѣсь около трехъ лѣтъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи въ Петропавл. Крѣпости, гдѣ онъ былъ доведенъ почти до помѣшательства.

Въ октябрѣ 1878 г. Мышкинъ былъ судимъ въ знаменитомъ „процессѣ 193-хъ“. Какъ извѣстно, обвиняемые въ этомъ процессѣ потребовали допущенія публики въ залъ суда и присутствія на немъ ихъ собственнаго стенографа, и когда имъ было въ этомъ отказано, они отказались отъ защиты и отъ участія въ судѣ. Подъ конецъ засѣданій, Мышкинъ, въ отвѣтъ на вопросъ, не имѣетъ ли онъ чего сказать въ свое оправданіе, произнесъ пылкую обвинительную рѣчь противъ правительства, въ которой между прочимъ сказалъ, что ни онъ, ни его товарищи не имѣютъ ввиду уклоняться отъ наказанія, но они имѣютъ право требовать, взамѣнъ, чтобы вся страна имѣла возможность, при помощи прессы, составить себѣ представленіе о ихъ винѣ и произнести надъ ними единственно-истинный приговоръ. Когда онъ началъ особенно сильно нападать на правительство, предсѣдатель отнялъ у него слово, но Мышкинъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свою рѣчь. Къ нему бросились жандармы, но прежде чѣмъ его схватили,

онъ сказалъ слѣд. слова: „Нѣтъ, это—не судъ! Это нѣчто худшее, чѣмъ домъ терпимости! Тамъ несчастныя продаютъ только свое тѣло, а вы, вы продаете здѣсь свою честь, правосудіе, законъ!“ Онъ былъ приговоренъ къ 10 г. каторж. раб. и отправленъ въ Харьковскую центральную тюрьму. У меня нѣтъ здѣсь мѣста хоть на минуту остановиться на изображеніи жизни политич. заключенныхъ въ этой тюрьмѣ. Эта жизнь краснорѣчиво описана однимъ изъ нихъ въ подпольной брошурѣ, носящей знаменательное заглавіе: „Надгробное слово Александру II“. Я надѣюсь перевести и напечатать ее. Пока скажу только, что за короткое сравнительно время 6 человѣкъ изъ полит., заключенныхъ въ ней сошло съ ума. — Мышкинъ былъ посаженъ въ камерѣ нижняго этажа. Его неукротимая энергія и настойчивость скоро помогли ему построить планъ побѣга. Онъ сорвалъ одну изъ досокъ пола и лишь съ помощью своихъ ногтей да кусочка доски началъ рыть подкопъ подъ тюремную стѣну, распредѣляя вырытую землю подъ своимъ поломъ, и кладя на свою кровать, во время работы, чучело. Наконецъ, онъ былъ уже близокъ къ концу работъ; ему уже улыбалась свобода. Въ его камерѣ оставались отъ его предшественника, Циціанова, географическія карты. Онъ соскребъ бумагу съ полотна, на коромъ она была наклеена, и сшилъ себѣ изъ нея рубаху и штаны. Все было готово и Мышкинъ только ждалъ удобнаго случая, когда несчастная случайность разрушила разомъ его надежды: въ неурочный часъ къ нему въ камеру вошелъ надзиратель и вмѣсто него нашелъ на постели чучело. Поднялась тревога; подкопъ былъ открытъ; въ подкопѣ нашли и инженера, котораго и вытащили назадъ въ камеру. Послѣ этого его посадили въ камеру, изъ которой побѣгъ былъ невозможенъ, и окружили его жизнь еще большими лишеніями, чѣмъ прежде. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Мышкинъ увидѣлъ, что если эта жизнь еще продолжится, онъ сойдетъ съ ума. Но онъ предпочиталъ смерть и пошелъ на встрѣчу ей. Выпросившись въ одно воскресенье въ тюремную церковь, онъ выждалъ моментъ, когда смотритель тюрьмы, жестокій и ненавистный ему человѣкъ, поцѣловалъ крестъ и повернулся къ нему лицомъ, и далъ ему пощечину. Онъ ожидалъ казни, но какъ разъ въ это время страшный процентъ смертности и помѣшательства среди политическихъ Харьковъ. Центральной тюрьмы, привлекъ, къ ней вниманіе министерства, и проф. Доброславинъ былъ посланъ для выясненія причины этого печальнаго явленія. Доброславинъ резюмировалъ свой рапортъ

слѣд. образомъ: „Тюрьма совершенно не приспособлена для человѣч. существованія; громадный процентъ помѣшательства и смертности совершенно естественъ при подобныхъ гигіенич. условіяхъ тюрьмы; политич. заключенные должны быть изъ нея переведены. „Въ виду такого рапорта, на пощечину Мышкина посмотрѣли, какъ на актъ помѣшаннаго, или, по меньшей мѣрѣ, ненормальнаго человѣка; его даже не судили. Скоро послѣдовало распоряженіе перевести всѣхъ политическихъ изъ Харьк. централ. тюрьмы въ Сибирь, на Кару. На пути туда, въ Иркутскѣ одинъ изъ нихъ, Дмоховскій, умеръ. На похоронной службѣ въ церкви присутствовали всѣ политическіе. Послѣ ея окончанія, Мышкинъ, прежде чѣмъ его успѣли остановить надзирателя, выступилъ впередъ и произнесъ короткую рѣчь надъ гробомъ своего товарища, которою закончилъ подходящею цитатою изъ одного стихотворенія Некрасова и слѣдующими словами: „Изъ праха этого человѣка, и другихъ, подобныхъ людей, когда-нибудь вырастетъ для Россіи дерево свободы". Тутъ его остановили и вытащили изъ церкви. За эту рѣчь, произнесенную въ церкви, „передъ святыми образами", онъ былъ судимъ и осужденъ еще на 15 лѣтъ каторж. раб. Говоря со мною о Мышкинѣ, его товарищи называли его „врожденнымъ" ораторомъ, который за всю жизнь произнесъ двѣ рѣчи; одна обошлась ему въ 10 лѣтъ, другая, — въ 15 лѣтъ каторги. Мышкинъ самъ жалѣлъ впослѣдствіи, что онъ произнесъ эту вторую рѣчь. Посторонняя публика слушать ее не могла; она была совершенно безполезна, а личное удовлетвореніе отъ сознанія исполненнаго передъ товарищемъ долга стоило ему слишкомъ дорого; даже если бы онъ и дожилъ до конца срока, онъ вышелъ бы изъ каторги безполезнымъ для „общаго дѣла", безсильнымъ старикомъ. — Въ 1883 г. Мышкинъ былъ перевезенъ съ Кары въ Шлиссельбургъ, вмѣстѣ съ своими 8-ю товарищами, какъ одинъ изъ самыхъ „опасныхъ" заключенныхъ. Въ 1885 г. онъ былъ тамъ растрѣлянъ за пощечину, данную имъ тюремному доктору.

Въ январѣ 1882 г., т. е. мѣсяца за три до побѣга 8-ми изъ мужской карійской тюрьмы, двѣ политическія каторжанки, Ковальская и Богомолецъ, пересылаемыя на Кару, успѣли бѣжать изъ Иркутской тюрьмы. Но вскорѣ онѣ были пойманы и привезены обратно въ тюрьму, гдѣ ихъ подвергли обычному въ такихъ случаяхъ обыску. Но на этотъ разъ обыскъ производился мужчинами, при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ.

Полковникъ Соловьевъ, адъютантъ генералъ губернатора, пьяница и пошлякъ, руководилъ имъ самолично и, недовольствуясь всевозможными оскорбленіями, приказалъ раздѣть женщинъ догола, въ его присутствіи. Но этого мало. Прійдя затѣмъ въ камеру, гдѣ находилось нѣсколько политическихъ мужчинъ, онъ началъ хвалиться передъ ними своимъ подвигомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ политическихъ, Щедринъ, не выдержалъ, и въ порывѣ негодованія, со словами „наглецъ и негодяй", ударилъ полковника по лицу. Конечно, онъ былъ тутъ же жесточайшимъ образомъ избитъ, и потомъ на Карѣ былъ прикованъ къ тачкѣ. Въ іюлѣ 1882 г. онъ былъ въ числѣ 8-ми, отправленныхъ въ Шлиссельбургъ. Онъ не былъ освобожденъ отъ своей тачки даже въ телѣгѣ, только среди пути его расковали, но тачка слѣдовала за нимъ всюду и еще въ Томскѣ инспекторъ пересыльнаго тракта, полковникъ Винокуровъ, видѣлъ его тачку, привязанную къ телѣгѣ.

Послѣ голодовки 1882 г. жизнь политическихъ на Карѣ стала нѣсколько болѣе сносной. Имъ отдали книги, бѣлье, разрѣшили тратить свои деньги, разрѣшили прогулки и т. п. Но санитарныя условія тюрьмы оставались отвратительными и процентъ болѣзней и смертей былъ непомѣрно великъ*). Между отставкой Кононовича въ 1881 г. и назначеніемъ Николина въ 1885 г. перемѣнилось 5 комендантовъ**) каждый съ своими собственными взглядами, привычками и капризами, къ которымъ должна была приноравливаться тюрьма. У заключенныхъ то отнимали книги, деньги и пр., то снова выдавали ихъ; не было никакого опредѣленнаго плана, никакой послѣдовательности въ веденіи тюрьмы. Перегородки, поставленныя въ камерахъ въ 1882 г., въ 1884 были сняты; вольная команда, уничтоженная въ 1881 г., въ 1885 была возстановлена. Съ новымъ комендантомъ — выступалъ на сцену новый законъ. Луч-

---

**) Кононовичъ, Потуловъ, Халтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Манаевъ, Бурлей, Николинъ. Пр. Кеннана.

*) У меня нѣтъ подъ руками точныхъ цифръ, но вотъ извѣстныя мнѣ случаи (отъ 1879—86 г.) смертей (почти всѣ отъ чахотки, полученной въ тюрьмѣ) Ишутинъ, Кривошеинъ, Жуковъ, Попко, Лисовская, Веймаръ, Тихоновъ, Рогачевъ, Армфельдъ и Кутитонская. Самоубійства: Симоновскій, Родинъ. Помѣшательства: Матвіевичъ, Зубковскій, Янковскій, Позенъ, Ковалевская. Во время нашего пребыванія на Карѣ изъ женщинъ, находившихся въ тюрьмѣ — 8 были больны. Пр. Кеннана.

шимъ изъ всѣхъ, согласно единогласнымъ отзывамъ. былъ Бурлей. Халтуринъ — былъ жестокъ, Шубинъ — безхарактерный самодуръ, Манаевъ — пьяница и воръ, который присвоилъ себѣ около 1000 руб. изъ денегъ заключенныхъ. Всѣ эти господа были представителями Иркутской жандармеріи. Въ 1884 г. тюрьма была взята, наконецъ, подъ управленіе и контроль императорской полиціи, и комендантомъ былъ назначенъ Николинъ.

Слова Кононовича, сказанныя имъ товарищу министра, Дурново, оправдались. Правительство заставило выйти въ отставку честнаго и гуманнаго человѣка, посылало на его мѣсто, одного за другимъ, полдюжину жестокихъ и неспособныхъ людей, и собранная имъ жатва, въ трагедіяхъ и скандалахъ, была такова, какую и надо было ожидать. Оно продолжаетъ свою политику и оно получитъ опять тѣже же печальныя результаты.

12-го ноября Фростъ и я, съ радостными сердцами, оставили Кару и начали свое обратное путешествіе домой, въ Америку. Проѣзжая мимо политич. тюрьмы (мы ѣхали съ Потуловымъ) мы встрѣтились съ двумя политич. вольнокомандцами, шедшими въ тюрьму. Они узнали насъ, сняли свои шапки и поклонились. Это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

Ночь мы провели на Усть-Карѣ. Утромъ, рано, насъ уже ждали лошади у крыльца. Майоръ Потуловъ раскупорилъ бутылку вина, и наливъ всѣмъ по стакану, произнесъ: „за благополучное возвращеніе въ Америку“. Мы выпили свои стаканы, поблагодарили Потулова за его гостепріимство, обѣщали сообщить ему телеграммой о своемъ благополучномъ пріѣздѣ въ Сретенскъ; лошади тронулись . . .

Прощай Кара!

XIII.

Восточно-Сибирскіе серебрянные рудники.

Хотя и не продолжительный, но крайне утомительный и полный лишеній путь отъ Кары до Сретенска отозвался очень тяжело на нашемъ здоровьѣ. Я былъ такъ слабъ, что пройти сто шаговъ было для меня подвигомъ, а надѣть на себя тяжелую мѣховую шубу значило ускорить на 20,30 ударовъ біеніе моего пульса. При такихъ условіяхъ нечего было и думать сейчасъ же продолжать наше путешествіе въ 610 миль по пустынный и дикой странѣ по направленію къ нерчинскимъ серебряннымъ рудникамъ. Надо было нѣсколько дней отдохнуть, воспользоваться возможностью спать и ѣсть по человѣчески. Черезъ три дня мы настолько поправились, что я рѣшилъ отправиться къ мѣстному засѣдателю, чтобы при его помощи достать лошадей. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ направленіи не было правильнаго почтоваго сообщенія и лошадей приходилось нанимать у частныхъ лицъ. Но это не легко—и мы позаботились запастись телеграммой отъ губернатора, предписывавшей полицейскимъ властямъ способствовать намъ въ этомъ; кромѣ того мы имѣли съ собой рекомендательныя письма отъ г. Потулова. Засѣдатель принялъ меня очень любезно, тотчасъ же отдалъ всѣ необходимыя распоряженія, но при этомъ предупредилъ меня, что на нашей дорогѣ свирѣпствуетъ теперь оспа и что поэтому онъ намъ совѣтуетъ не только не почевать въ крестьянскихъ избахъ, но даже по возможности не заходить въ нихъ. Это неожиданное сообщеніе было чрезвычайно непріятно. Наше путешествіе и такъ уже обѣщало быть крайне тяжелымъ; какія же лишенія предстояли намъ при этой добровольной карантинной системѣ. Можно было бы выбрать другой путь, т. е. отправиться на Нерчинскъ, а оттуда повернуть къ рудникамъ съ другой стороны; но это былъ бы слишкомъ большой крюкъ. Въ концѣ концовъ мы рѣшили отдаться на волю судьбы и остаться при первомъ планѣ пути. Въ воскресеньѣ днемъ повозка ждала насъ у крыльца; мы нагрузили ее своимъ багажомъ и запасомъ замороженнаго хлѣба и отправились по направленію къ Александровскому заводу и къ Амачинскимъ рудникамъ.

Нерчинскіе серебрянные рудники представляютъ собою огромную поверхность въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, дикую, пустынную и гористую, на которой тамъ и сямъ разбросаны заводы, образующіе „округъ нерченскихъ серебрянныхъ рудниковъ“. Этотъ округъ занимаетъ большую часть неправильнаго треугольника, образуемаго рѣками Шилкой и Аргунью до ихъ сліянія, и на югѣ граничитъ съ Монголей. Существованіе здѣсь серебрянныхъ и свинцовыхъ рудъ было извѣстно еще до историческимъ аборигенамъ Сибири, и первые русскіе изслѣдователи нашли здѣсь слѣды ихъ давнихъ работъ. Въ 1700 г. греческіе горные инженера, служившіе въ Россіи, основали здѣсь нерченскій заводъ, вблизи Монгольской границы, а къ концу столѣтія шахты были прорѣзаны болѣе чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ и было построено между Шилкой и Аргунью до 8-ми заводовъ, т. е. плавильныхъ печей, для обработки руды. Въ рудникахъ вначалѣ работали сибирскіе крестьяне, насильно переселенные сюда для этой именно цѣли, но съ 1722 г. ихъ мѣсто начали постепенно занимать ссыльно-каторжные. За исключеніемъ поляковъ и немногихъ декабристовъ политическихъ никогда сюда не посылали. Послѣ возстанія 1863 г. тысячи поляковъ были посланы въ эти рудники. (*)

Но еще задолго до этихъ рудниковъ на нашемъ пути лежалъ Александровскій заводъ, отстоящій отъ Сретенска на 150 миль. Рудники, отъ которыхъ этотъ заводъ получилъ свое названіе, давно уже были заброшены, но деревушка, которая выросла нѣкогда во кругъ нихъ, существуетъ и доселѣ, заключая въ себѣ и тюрьму. Такъ какъ недалеко отъ этого завода лежатъ знаменитые въ свое время, но нынѣ оставленные рудники — Акатуй —, то мы имѣли ввиду сдѣлать тамъ маленькую остановку. Но добраться до него было не такъ легко, какъ оказалось. Погода при нашемъ выѣздѣ изъ Сретенска, была холодная, пасмурная и вѣтренная. Поля и холмы кругомъ были покрыты снѣгомъ, но дорога вмѣсто снѣга, была покрыта пылью, которую поднимали колеса нашей телѣги. Въ концѣ перваго же станка — въ 20 миль — мы уже чувство-

(*) По словамъ Максимова („Сибирь и Каторга“) число поляковъ сосланныхъ въ Сибирь отъ 1863—66 г.г. было 18,622. Изъ этого числа 8199 — включая 4252 принадлежавшихъ къ привиллегированному классу — было сослано въ Вост. Сибирь, — 7109 изъ нихъ на каторгу. Почти всѣ каторжные были отправлены въ нерчинскіе рудники. Пр. Кеннана.

вали нужду въ отдыхѣ и въ теплѣ; но деревушка, въ которой мы остановились для перемѣны лошадей, имѣла такой жалкій видъ, что мы, боясь оспы, остались сидѣть въ своихъ телѣгахъ, предпочитая ей холодъ и голодъ; ямщикъ попытался увѣрить насъ, что на этотъ разъ эпидемія была „легкая“, но Фростъ побѣдоносно отвѣчалъ ему, что ему такъ всегда говорили и о сибирскихъ клопахъ, но что эти клопы, какъ они не были милостивы для сибиряковъ, для него, иностранца, всегда оказывались свирѣпѣйшими въ своемъ родѣ. Проѣхавъ второй станокъ, мы остановились въ деревнѣ „Копунъ“. Становилось темно; холодъ усиливался; я былъ страшно утомленъ. „Послушайте, — сказалъ я Фросту, — я не могу выносить этого дольше, я постучусь въ дверь избы и, если въ ней нѣтъ больнаго, я войду погрѣться и съѣсть что-нибудь“.

На мой стукъ блѣдная, усталая женщина отворила дверь: „Скажите пожалуйста — спросилъ я, — у васъ въ домѣ нѣтъ больныхъ оспою?“

„Есть батюшка“ — отвѣчала женщина.

Этого было достаточно, и я поспѣшилъ назадъ къ телѣгѣ. Ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ мѣшку съ хлѣбомъ и попробовать уголить свой голодъ тутъ же, на холоду. Новая бѣда: хлѣбъ весь покрылся дорожною пылью, промерзъ почти насквозь и обратился въ несъѣдобный камень. Такъ мы просидѣли съ часъ въ ожиданіи лошадей дрожа отъ холода и кроша зубами замерзшіе куски хлѣба, но за то мы ушли отъ оспы.

Проѣхавъ новую упряжку, мы остановились, наконецъ, около 9-ти часовъ вечера въ деревнѣ Шелапутной. Здѣсь сходится почтовый трактъ изъ Нерчинска въ Нерчинскій заводъ и имѣется почтовая станція, въ которой мы и остановились переночевать. Напившись чаю, мы не раздѣваясь бросились на свои шубы и заснули какъ убитые. На слѣдующій день утромъ, подкрѣпившись чаемъ и завтракомъ, но, главное, хорошимъ сномъ, мы съ новыми силами продолжали свой путь. Погода была холодная, — 15° ниже нуля; тряская телѣга никакъ не давала намъ укутаться хорошенько въ наши шубы; все кругомъ было такъ печально и угрюмо . . . . Подвечеръ мы остановились напиться чаю въ деревнѣ съ такимъ длиннымъ названіемъ, что число буквъ въ немъ, навѣрное, превосходило число ея жителей (каувикучичазамурская); здѣсь мы встрѣтились съ молодымъ петербурскимъ технологомъ, отправленнымъ въ Нерчинскій заводъ

для ознакомленія рабочихъ съ употребленіемъ динамита, и теперь возвращавшагося въ Петербургъ. Онъ описалъ намъ рудники въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Тюрьмы тамъ — говорилъ онъ — худшія въ имперіи, чиновники жестоки и ничего не понимаютъ; каторжниковъ мучатъ, бьютъ — всякій и за все и заставляютъ работать больныхъ. . . . . Ни одинъ взрывъ не обходится безъ жертвъ вслѣдствіи небрежности и неумѣлости начальства“ и т. д. . . . . Вообще, картина, которую онъ рисовалъ намъ, была даже для меня слишкомъ мрачна и я не хотѣлъ ей вѣрить пока не увижу всего самъ.

Не задолго до полуночи мы были въ Макаровѣ, деревнѣ находящейся въ 112 м. отъ Сретенска. Мы рѣшили здѣсь ночевать и устроиться въ „земской квартирѣ“, т. е. въ избѣ, въ которой живетъ крестьянская семья, на обязанности которой доставлять пищу и кровъ проѣзжающимъ чиновникамъ. Мы поскорѣе покончили съ чаемъ и улеглись спать. Фростъ расположился на полу, — я на лавкѣ. Въ комнатѣ было страшно натомлено и душно; отъ деревянныхъ стѣнъ, находившихся вблизи отъ печи, распространялся сильнѣйшій замахъ резины и т. д.; я долго не могъ уснуть. Но, наконецъ, я сталъ забываться... еще секунда и я спалъ бы крѣпчайшимъ сномъ, когда вдругъ надъ самимъ моимъ ухомъ раздалось громогласное „ку-ку-ре-ку“. Я невольно вскочилъ съ своей лавки. Оказалось, что подъ ней расположенъ былъ цѣлый курятникъ, пѣтухъ, думая, что насталъ часъ поднять тревогу, закричавъ свое „ку-ку-ре-ку“ въ мое ухо. Я перебрался на полъ, подальше отъ этого сосѣдства, но оно давало себя знать всю ночь черезъ короткіе промежутки покоя. Мнѣ приходилось спать въ сибирскихъ избахъ вмѣстѣ съ собаками, съ овцами, коровами и т. д., но я убѣжденъ что одинъ пѣтухъ можетъ гораздо легче отравить жизнь несчастнаго путника, чѣмъ цѣлое стадо четвероногихъ.

Во вторникъ въ 10 часовъ утра мы въѣхали въ Александровскій заводъ, — заброшенный въ пустынной степи, бѣдную деревню съ двумя или тремя сотнями обитателей, съ полуразвалившимся мостомъ при въѣздѣ, съ голыми, покрытыми снѣгомъ, горами на горизонтѣ. Каторжная тюрьма, въ которую повелъ насъ самъ смотритель, Фоминъ, оказалась „богадѣльней“, въ которой доживаютъ свой вѣкъ дряхлые старики или безнадежно больные каторжане Нерчинскаго округа. Эта тюрьма — деревянное зданіе обычнаго Сибирскаго типа построена полъ вѣка назадъ. Во время нашего посѣщенія въ ней содержалось

137 заключенныхъ. Санитарныя условія, по обыкновенію, отвратительны: полы покрыты густымъ слоемъ грязи, воздухъ въ камерахъ испорченный, въ корридорахъ неизбѣжныя параши; сумасшедшіе — вмѣстѣ съ здоровыми и т. д. Небольшой тюремный госпиталь, въ противность всѣмъ прочимъ сибирскимъ госпиталямъ, оказался не переполненнымъ и сравнительно чистымъ. Постельное бѣлье не блистало чистотой, но фельдшеръ объяснилъ мнѣ, что онъ тутъ не причемъ: запасъ бѣлья крайне не достаточенъ, и ему съ трудомъ удается поддерживать и ту степень чистоты и порядка, какую мы нашли. Онъ былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему, что его госпиталь лучшій изъ всѣхъ, какіе я видѣлъ въ Забайкальѣ.

Послѣ осмотра тюрьмы мы вернулись въ комфортабельное помѣщеніе смотрителя и застали тамъ исправника Нерчинскаго завода—высокаго, добродушнаго человѣка лѣтъ 40-ка; онъ дѣлалъ свой объѣздъ по округу. Онъ оказался очень веселымъ и сообщительнымъ собесѣдникомъ, и разговаривалъ съ нами совершенно свободно и откровенно о нерчинскихъ рудникахъ и о ихъ управленіи и эксплуатаціи, которыя, по его мнѣнію, были крайне неудотворительны. Было бы много лучше, для всѣхъ, если бы эксплуатація руды была свободна для всѣхъ; правительственные инженеры — или воры или невѣжды, и рудники не доставляютъ и половины количества серебра, которое они могли бы доставить въ умѣлыхъ рукахъ. Ввидѣ иллюстраціи онъ разсказалъ намъ исторію двухъ золотоносныхъ рудниковъ въ его округѣ. Кабинетскіе (*) инженеры, послѣ тщательнаго изслѣдованія объявили ихъ нестоющими обработки. Ими завладѣла частная инціатива, которая и съумѣла извлечь изъ нихъ 600 пудовъ золота. Дѣло объясняется очень просто. Инженеры были въ стачкѣ съ будущими собственниками рудниковъ и получили за свое донесеніе „хорошій кушъ.“

Послѣ обильнаго обѣда, приправленнаго разнообразными „питіями“ мы всей компаніей на двухъ тройкахъ, отправились въ Акатуй. Акатуйскія мины давно уже заброшены и залиты водой, но я очень интересовался ими съ одной стороны, потому

(*) Почти всѣ рудники въ этой части Забайкалья — собственность царя и называются кабинетскими. Какъ и почему принадлежатъ они ему—никто не знаетъ. Одинъ мой знакомый русскій литераторъ имѣлъ ввиду издать заграницей сочиненіе, начатое имъ и носившее названіе „Происхожденіе богатствъ Романовыхъ“..... Но онъ скоро былъ сосланъ въ Сибирь. Пр. Кеннана.

что нѣкогда онѣ были самымъ страшнымъ мѣстомъ каторжныхъ работъ; съ другой, потому что правительство въ это время готовилось перевести сюда съ Кары политическихъ. Дорога шла на протяженіи 6—8 миль по пустынной степи, направляясь къ подножью низкой холмистой цѣпи, откуда она повернула въ узкую долину; нигдѣ ни слѣда растительности, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ кустарниковъ. Долина, чѣмъ дальше, дѣлалась все уже и уже и, миляхъ въ двухъ отъ маленькой деревушки „Акатуй", обратилась въ какую-то придавленную со всѣхъ сторонъ, угрюмую щель, какъ бы отрѣзанную отъ всего живаго міра. Таковы узкія долины Гренландіи около полюса.

„Вотъ старая политическая тюрьма", — сказалъ вдругъ исправникъ, и мы остановились передъ полуразвалившимися постройками, съ какой-то деревянной аркой передъ ними. Это, очевидно, были ворота бывшихъ здѣсь когда-то палей, отъ которыхъ почти не осталось и слѣда, и кордегардія. По обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ, шагахъ въ 50-ти отъ нихъ, стояли два кирпичные корпуса; одинъ изъ нихъ — безъ крыши; оба доживающіе свои послѣдніе дни. Желѣзныя рѣшетки были вырваны, окна зіяли темными дырами въ полуразрушенныхъ стѣнахъ. . . Я вошелъ въ правое зданіе, надѣясь найти тамъ какой-нибудь слѣдъ прошлой жизни тюрьмы: надпись на стѣнѣ, обрывокъ цѣпи, которой приковывали арестантовъ и пр. Но нигдѣ не осталось ни слѣда желѣза; полы сгнили; штукатурка опала, не осталось ничего, что могло бы говорить воображенію о прошлой исторіи тюрьмы и свидѣтельствовать о тѣхъ ужасахъ, которые нѣкогда имѣли здѣсь мѣсто, оставивъ надолго печальную память знаменитому „Акатую". Лѣвое зданіе сохранилось нѣсколько лучше, но его окна были наглухо забиты, а двери заперты, такъ что я не могъ войдти въ него. Невдалекѣ отсюда виднѣлся входъ въ акатуйскій рудникъ, на вершинѣ холма, на 500—600 футахъ надъ уровнемъ долины. Если бы не было такъ поздно, я предложилъ бы осмотрѣть его. Но уже наступали сумерки, становилось холодно, и мои спутники нетерпѣливо посматривали на телѣги, такъ что мнѣ удалось только наскоро осмотрѣть то, что находилось вокругъ старыхъ воротъ. Декабристъ Лунинъ жилъ и умеръ здѣсь; онъ похоронилъ не одного своего товарища по несчастію изъ сосланныхъ сюда поляковъ, гдѣ нибудь здѣсь по сосѣдству. Но я не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ могилъ. Русское правитель-

ство не заботится о сохраненіи слѣдовъ жизни и страданій своихъ жертвъ, надъ останками которыхъ часто не возвышается даже земляного холма. — Послѣ моего посѣщенія Акатуя здѣсь была построена новая тюрьма, въ которую имѣютъ быть переведены политич. каторжане съ Кары. Правительство намѣрено выкачивать воду изъ рудниковъ и возобновить въ нихъ работы руками политическихъ. Ихъ положеніе здѣсь, конечно, только ухудшится. Если есть въ Вост. Сибири болѣе мрачное, заброшенное, богомъ-забытое мѣсто, чѣмъ Кара, — это Акатуйская долина.

Мы вернулись изъ нашей экскурсіи только къ ночи, и на слѣдующій день, послѣ крѣпительнаго сна и сытнаго завтрака, съ новыми силами продолжали свой путь. Слѣдующая остановка должна была имѣть мѣсто въ Алгачинскихъ рудникахъ, до которыхъ было 22 мили. Дороги шли все по такой же пустынной мѣстности. Рядъ за рядомъ мы проѣзжали по невысокимъ, круглымъ холмамъ, покрытымъ снѣгомъ и лишеннымъ всякой растительности. Съ вершины послѣдняго перевала, откуда мы могли видѣть страну на 30 милль кругомъ, она со своими холмами казалась океаномъ, внезапно застывшимъ и схваченнымъ льдомъ въ моментъ суроваго урагана. Далеко впереди насъ, между двумя холмами-волнами, ямщикъ указалъ намъ едва видное чернѣющее пятно — деревню Алгачи, которая казалась отсюда какими то жалкими остатками разбитаго корабля, охваченнаго ледяной поверхностью. Ничто кругомъ не нарушало этой угрюмой гармоніи, напоминавшей смерть: волнующаяся снѣжная поверхность вездѣ однообразно бѣла; нигдѣ ни дерева, ни чернѣющей проталины.... Спустившись съ горы, мы скоро въѣхали въ длинную и грязную улицу и остановились передъ земской квартирой, гдѣ рѣшили провести ночь. Было уже слишкомъ поздно (5 ч.) для визитовъ, и мы тотчасъ же занялись хозяйствомъ. Сторожъ внесъ въ комнату кипящій самоваръ, молоко, масло. Фростъ съ торжествомъ вытащилъ изъ потаеннаго угла своего чемадана банку консервированныхъ персиковъ, которую онъ купилъ въ Сретенскѣ и припряталъ для праздника и т. д. Послѣ этого необычнаго обѣда послѣдовалъ не менѣе комфортабельный сонъ въ теплой и чистой комнатѣ, хотя и на полу.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы отправились съ визитами къ мѣстному начальству: къ Нестерову, — главному горному инженеру и къ подполковнику Зальштейну, смотрителю

тюрьмы. Нестеровъ принялъ насъ съ обычнымъ русскимъ гостепріимствомъ, заставилъ насъ еще разъ позавтракать вмѣстѣ съ нимъ и съ такимъ усердіемъ наполнялъ наши рюмки водкой, крымскимъ виномъ и другими напитками, что я началъ бояться, не прійдется ли отложить до завтра осмотръ тюрьмы и рудниковъ. Зальштейнъ, жившій въ большомъ комфортаб. домѣ, полномъ олеандрами, гераніумомъ и др. цвѣтами, съ своей стороны заявилъ намъ, что онъ не двинется съ мѣста, если мы не позавтракаемъ еще разъ у него. Такимъ образомъ, только къ часу мы выбрались, наконецъ, на экскурсію.

Подполковникъ Зальштейнъ, родомъ Финнъ и говорившій довольно плохо по русски, произвелъ на меня впечатлѣніе честнаго и порядочнаго человѣка. Онъ былъ съ нами простъ и откровененъ.

Я боюсь, — сказалъ онъ намъ по дорогѣ къ тюрьмѣ, — что Вы найдете мою тюрьму самой скверной изъ всѣхъ, Вами видѣнныхъ. Но . . . я тутъ не причемъ. Мы слишкомъ далеко отъ Питера".

Я отвѣчалъ ему, что я видѣлъ Усть-Карійскую тюрьму и, значитъ, предохраненъ навсегда отъ удивленія, и что я теперь уже достаточно опытенъ чтобы понимать, его положеніе и всю трудность улучшеній въ русскихъ тюрьмахъ. Онъ не отвѣчалъ, но недовѣрчиво покачалъ головой, какъ бы желая сказать: „пока ты не видѣлъ моей тюрьмы, — не говори о своемъ опытѣ!" Скоро мы остановились передъ высокими тюремными палями. Дежурный офицеръ ввелъ насъ въ обширный дворъ, посреди котораго стояла тюрьма, длинное, низкое деревянное зданіе, съ досчатой крышей. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что она падаетъ. И дѣйствительно, она такъ покосилась на одинъ бокъ, что не поддерживай ее цѣлый рядъ толстыхъ, подпирающихъ ее бревенъ, она бы давно упала. Тюрьма была древняя, на столько древняя, что смотритель не могъ сказать мнѣ, когда она построена, вѣроятно въ 1810 г., когда была начата разработка Алгачинскихъ рудниковъ. Войдя въ двери, мы очутились въ длинномъ, темномъ и страшно-вонючемъ корридорѣ, раздѣлявшемъ тюрьму на двѣ половины. Въ первой камерѣ на лѣво была аптека, во второй — больница. Здѣсь стояло 8—10 грязныхъ кроватей, на которыхъ лежали больные и раненые арестанты. Два изъ нихъ только нѣсколько дней назадъ были принесены сюда, изувѣченные взрывомъ динамитнаго патрона. Видъ больныхъ былъ ужасенъ; об-

становка отвратительна; воздухъ невозможенъ. . . . Въ слѣдующей камерѣ, съ огромной печкою, съ двумя окнами и съ нарами вдоль трехъ стѣнъ, толпились ея обитатели — здоровые арестанты. Первое, что меня поразило въ ней, — была длинная и широкая темно-красная полоса, идущая вдоль стѣнъ надъ нарами. Замѣтивъ мой любопытный взоръ, Зальштейнъ сказалъ мнѣ съ полу-добродушной, полу-циничной улыбкой: „это они красятъ стѣны своихъ камеръ“. Я подошелъ ближе и тогда оказалось, что эта красная полоса состояла изъ милліона кровавыхъ пятенъ, произшедшихъ отъ казни на стѣнѣ блохъ и клоповъ. Арестанты красили свои стѣны кровью своихъ немилосердныхъ враговъ. Сколько десятковъ лѣтъ, сколько тысячъ арестантовъ, сколько милліоновъ ихъ жертвъ нужно было, чтобы оставить такой слѣдъ, — истинный историческій памятникъ тюрьмы.

Остальныя камеры ничѣмъ не отличались отъ этой. Всѣ были переполнены, всѣ были до невозможности грязны; воздухъ былъ вездѣ почти такъ же невозможенъ, какъ на Усть-Карѣ и т. д. и т. д.

„Я положительно не понимаю, — сказалъ я при первомъ удобномъ случаѣ Зальштейну, — какъ Вы терпите такую тюрьму. У васъ подъ руками 169 арестантовъ. Только 40 или 50 изъ нихъ заняты работами въ рудникахъ; остальные безъ всякаго дѣла валяются на нарахъ въ своихъ ужасныхъ камерахъ. Кругомъ есть лѣса; всякій русскій крестьянинъ сумѣетъ построить деревянную избу.... Почему Вы не употребите на эти работы своихъ арестантовъ? Съ ничтожными издержками Вы своими средствами могли бы въ нѣсколько мѣсяцевъ возвести человѣческое помѣщеніе для своихъ арестантовъ, вмѣсто этой позорной тюрьмы.“

„Эхъ, государь мой, — отвѣчалъ мнѣ Зальштейнъ, — какъ легко Вы все это разсудили! Я не могу отправить своихъ арестантовъ на работы въ лѣсъ безъ разрѣшенія тюремнаго Департамента. Вдругъ кто нибудь изъ нихъ бѣжитъ! — Я долженъ отвѣчать, я потеряю мѣсто. Петербургскія власти знаютъ о положеніи здѣшней тюрьмы. Я рапортую объ этомъ изъ году въ годъ. 5 лѣтъ назадъ, послѣ одного изъ самыхъ настоятельныхъ моихъ рапортовъ, я получилъ приказаніе, снестись съ архитекторомъ, составить планъ и смѣту для новой тюрьмы. Ну, что же?—я исполнилъ приказаніе, но, вѣдь, Вы знаете какъ у насъ дѣлаются эти дѣла. Мой рапортъ черезъ 2—3 мѣсяца получается въ Петербургѣ и ждетъ своей очереди въ ряду сотенъ

подобныхъ же рапортовъ со всѣхъ концовъ Имперіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ доходитъ очередь и до него. Его разсматриваютъ.... оказывается нужнымъ снестись съ Министерствомъ В. Д., съ Министерствомъ Финансовъ, или ждать составленія росписи бюджета на слѣд. годъ. Такъ проходитъ годъ и больше, но, наконецъ, принимается рѣшеніе. Планы высылаются назадъ ко мнѣ, съ требованіемъ сдѣлать такія-то и такія-то измѣненія, сообразно со вкусами и взглядами петербургскихъ чиновниковъ. Я исполняю и это требованіе; исправленные документы снова отправляются въ Питеръ для утвержденія. Въ это время происходятъ измѣненія въ составѣ персонала департамента; поправки оказываются не въ соотвѣтствіи съ новыми вкусами, новыми теоріями. Проходитъ еще годъ, полтора, и наши планы еще разъ возвращаются для исправленія сюда. И такъ изъ году въ годъ. Моя смѣта для новой тюрьмы была послана первый разъ въ Петербургъ въ 1880 г. Съ тѣхъ поръ они третій разъ дѣлаютъ свое путешествіе въ Департаментъ. Даже если, наконецъ, и получится окончательное разрѣшеніе возвести постройки, онѣ возводятся крайне медленно. Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ правительство начало строить новую кирпичную тюрьму въ городѣ Зерентуѣ, а она еще безъ крыши.... о полахъ, конечно, и говорить нечего....

„Нѣтъ, воля ваша, не могу я понять этого, — отвѣчалъ я. Корреспондировать цѣлые годы съ ничего непонимающими петербургскими чиновниками о дѣлѣ, которое мѣстный губернаторъ,— да что губернаторъ, — исправникъ могъ бы покончить въ сутки! Вездѣ, по всей Сибири видѣлъ я полуразвалившіяся тюрьмы: вездѣ сотни и тысячи здоровыхъ арестантовъ живутъ въ полномъ бездѣйствіи; вездѣ у васъ подъ руками необходимый для постройки лѣсъ, умѣніе, руки... Почему не строить тюремъ самимъ?

— „У насъ не достаточно конвоя для такихъ работъ, — отвѣчалъ Зальштейнъ. — Арестанты будутъ бѣгать.“

„Боже мой! Неужели же ваше правительство не могло бы для этого усилить временно конвой? Да, наконецъ, пусть нѣсколько человѣкъ убѣжитъ. По моему, лучше чтобы половина ихъ бѣжала, если такой цѣной можно достигнуть сноснаго и цѣлесообразнаго существованія для оставшихся. Нѣтъ, никто до сихъ поръ не могъ мнѣ объяснить сколько нибудь резонно, почему арестантскій трудъ пропадаетъ даромъ, когда имъ можно было бы воспользоваться такъ хорошо!“ Смотритель пожалъ плечами и не отвѣчалъ ничего.

Сердечно поблагодаривъ Зальштейна за его гостепріимство и любезность, мы съ нимъ разстались и отправились осматривать рудники съ инженеромъ Нестеровымъ. Алгачинскіе рудники расположены въ 1 м. отъ деревни, на сѣверномъ склонѣ одного изъ большихъ холмовъ — волнъ, заключающихъ между собою долину. День былъ ясный, но холодный. Все кругомъ было покрыто бѣлою снѣжною пеленою. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ деревни наше вниманіе привлекли къ себѣ какія-то чернѣющія вдали существа, искавшія подъ снѣгомъ прошлогоднюю траву.

„Послушайте, вѣдь это верблюды, — сказалъ Фростъ.

Верблюды, — воскликнулъ я насмѣшливо, — кто слышалъ когда нибудь о верблюдахъ въ Нерчинскихъ рудникахъ? Какъ они могли бы существовать здѣсь при такомъ климатѣ?“

Однако, это оказались, дѣйствительно, верблюды. Кому они принадлежали, отъ куда и куда они шли, — я не знаю, но странно мнѣ было видѣть здѣсь эти существа, ассоціированныя съ Сахарой.

Если бы мы ожидали найти въ Алгачинскомъ рудникѣ всѣ тѣ зданія, паровыя машины, крушильни, приводы и передатчики механической силы, которые неизмѣнно обозначаютъ своимъ присутствіемъ мѣсто американскаго рудника, мы были бы жестоко разочарованы. Всѣ рудниковыя постройки и принадлежности сводились здѣсь къ пороховому магазину, погребу для динамита, амбару и маленькой мастерской, которая служила и кузницей, и слесарней, и крушильней, и сортировочной, и кордегардіей, наконецъ. — Здѣсь съ полъ-дюжины каторжанъ (въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ) дробили и сортировали руду небольшими ручными молотками; надсмотрщикъ точилъ на изведенномъ точилѣ сверло, и 4—5 солдатъ лѣниво сидѣли на лавкѣ, надъ которой висѣли на стѣнѣ ихъ берданки.

Самъ Нестеровъ не выразилъ особаго желанія спуститься съ нами въ шахту и далъ намъ въ провожатые рабочаго, который „покажетъ намъ все.“ Каждый изъ насъ получилъ въ руки по сальной свѣчѣ; нашъ проводникъ засунулъ за пазуху съ полъ-дюжины динамитныхъ патроновъ, такъ небрежно, что ихъ длинныя, бѣлыя трубки висѣли у него на груди, и мы отправились. Поднявшись на сотню шаговъ въ гору, мы вошли черезъ узкую деревянную дверь въ низкую горизонтальную галлерею съ обшитыми досками стѣнами и съ досчатой дорогой для тачекъ на полу. Здѣсь мы зажгли свои свѣчи и, согнув-

шись, послѣдовали за провожатымъ, который, прыгая отъ времени до времени съ доски на доску, держалъ насъ все время въ крайне тревожномъ настроеніи: споткнись онъ, или упади, — огонь его свѣчи могъ очень легко сообщиться висящимъ изъ за его пазухи трубкамъ патроновъ, что вызвало бы страшный взрывъ. Пройдя шаговъ 450, мы добрались до отверстія главной шахты, изъ котораго торчалъ верхъ старой, обледенѣлой лѣстницы. Проводникъ началъ спускаться внизъ, крича намъ отъ времени до времени и рекомендуя осторожность, такъ какъ тамъ и самъ недоставало ступенекъ, и лѣстницы, расположенныя діагональнымъ рядомъ, иногда отстояли одна отъ другой такъ далеко, что требовалось не мало умѣнія и присутствія духа, чтобы благополучно перебираться съ конца одной на начало другой. Но, по правдѣ сказать, насъ гораздо больше смущала его свѣчка, которая, капризно мелькая внизу, каждое мгновеніе грозила намъ взрывомъ. Передъ моими глазами невольно вставали фигуры изувѣченныхъ рабочихъ, которыхъ я видѣлъ въ тюремномъ госпиталѣ, лежащими подъ окровавленными одѣялами, и я съ трепетомъ представлялъ себя въ такомъ же положеніи.

По мѣрѣ того какъ мы спускались ниже и ниже, все ощутительнѣе становился какой-то странный запахъ, который я объяснилъ себѣ недавнимъ динамитнымъ взрывомъ мины въ одной изъ боковыхъ галлерей. Наши свѣчи горѣли все тусклѣе и тусклѣе и, наконецъ, потухли, оставивъ насъ въ полной темнотѣ надъ бездонной пропастью. Хотя мы и не чувствовали еще признаковъ задушенія, но въ воздухѣ было, очевидно, слишкомъ недостаточное количество кислорода, и оставаться здѣсь долго было бы опасно. Однако, истративъ безчисленное количество спичекъ, мы скоро спустились по двумъ или тремъ лѣстницамъ и очутились у входа въ новую галлерею, гдѣ свѣчи загорѣлись снова. Здѣсь работало нѣсколько арестантовъ, вывозя на ручныхъ тачкахъ добытую руду къ отверстію шахты. Пройдя шаговъ сто по этой галлереѣ, мы углубились въ лабиринтъ узкихъ ходовъ и, въ концѣ концовъ, добрались до новой шахты, спускавшейся на самое дно рудника, при посредствѣ такихъ же лѣстницъ, какъ и въ первой шахтѣ. Температура вездѣ была ниже нуля, и стѣны галлерей были покрыты ледяными сосульками. Мы спустились внизъ. Здѣсь нѣсколько арестантовъ добывали руду и буравили дыры для динамитныхъ патроновъ. Ихъ инструменты были самые первобытные; они вызвали бы презрительную улыбку на устахъ минера Невады. Здѣсь запасъ кис-

лорода въ воздухѣ былъ такъ малъ, что наши свѣчи тухли поминутно; — и никакихъ приспособленій для движенія и перемѣщенія воздуха кромѣ кругообразнаго желѣзнаго вентилятора, который вертѣлъ приставленный къ нему арестантъ. Но такъ какъ ни къ нему, ни отъ него не было проведено никакихъ трубъ, то этотъ механизмъ, не взирая на значительный шумъ, имъ производимый, былъ абсолютно безполезенъ. Онъ волновалъ испорченный воздухъ въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, но результаты этого были таковы же, какъ если бы арестантъ вертѣлъ здѣсь точильный камень.

Побродивъ съ полъ-часа по руднику, осмотрѣвъ сереброносныя жилы, подобравъ нѣсколько обращиковъ руды и поглядѣвъ на работу арестантовъ, мы возвратились къ отверстію шахты и, поднявшись по 30 или 40 лѣстницамъ, выбрались на свѣтъ божій здравыми и невредимыми. Здѣсь было холодно и вѣтренно. Группа каторжниковъ человѣкъ въ 15, окончившихъ свой „урокъ“, обратилась къ Нестерову съ просьбой позволить имъ вернуться въ тюрьму. Нестеровъ раздраженно крикнулъ въ отвѣтъ, что еще не вся руда вывезена, и что они должны ждать товарищей. Они съ утра ничего еще не ѣли; тамъ негдѣ было укрыться отъ пронизывающаго холоднаго вѣтра; тюрьма была такъ близко, и тѣмъ не менѣе имъ было приказано ждать еще часъ, полтора... Зачѣмъ это никому не нужное страданіе? Конечно, это страданіе не велико, это — „пустяки“, но пустяки характерные, показывающіе степень жестокаго индифферентизма, съ которымъ рудниковое начальство относится къ своимъ рабамъ — арестантамъ. Нестеровъ, казалось, былъ даже раздраженъ этой безобидной просьбой, видя въ ней дерзость и распущенность.

Въ четырехъ миляхъ дальше къ сѣверу находился Покровскій рудникъ. Мы и отправились туда вмѣстѣ съ Нестеровымъ. Дорога шла все по тому же схваченному льдомъ въ моментъ бури бушующему морю, среди тѣхъ же волнъ-холмовъ, лишенныхъ всякой растительности, подавляющихъ своимъ мрачнымъ однообразіемъ. У входа въ рудникъ здѣсь были тѣ же жалкія строенія, какъ и въ Алгачахъ: мастерская, сараи для вольнокомандцевъ, амбаръ, погребъ и двѣ маленькихъ тюрьмы, одна изъ которыхъ, очевидно, недавно построенная. Фростъ сказалъ, что его любопытство на счетъ рудниковъ удовлетворено вполнѣ, отказался спуститься съ нами въ шахту и занялся рисованіемъ, какъ былъ — въ зимнихъ перчаткахъ.

Мы съ Нестеровымъ послѣдовали за нашимъ провожатымъ. Покровскій рудникъ почти ничѣмъ не отличается отъ Алгачинскаго: онъ только не такъ великъ и глубокъ. Воздухъ въ немъ оказался сырой и теплый; лѣстницы, покрытыя липкою грязью, скользили подъ ногами. Чему надо приписать эту странную разницу въ температурѣ двухъ рудниковъ, отстоящихъ на 4 м. одинъ отъ другаго, — я не знаю; и Нестеровъ, съ своей стороны, не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго объясненія. Кислороду въ воздухѣ было здѣсь достаточно, и наши свѣчи горѣли все время. Нѣсколько арестантовъ вытаскивали на веревкѣ руду изъ рудника. Въ этомъ состояли всѣ работы во время нашего посѣщенія.

Послѣ довольно продолжительнаго осмотра рудника, усталые и мокрые, мы выбрались изъ шахты. Проводникъ задулъ свою свѣчу и не ожидая пока она перестанетъ тлѣть, положилъ ее въ ящикъ, въ которомъ я замѣтилъ динамитный патронъ, достаточный, чтобы раздробить на кусочки насъ всѣхъ, въ случаѣ взрыва. Я, вообще, неотличаюсь нервозностью или робостью, но тутъ я предпочелъ выйти изъ мастерской, въ которую я вернулся только тогда, когда свѣча должна была давно уже потухнуть въ своемъ опасномъ сосѣдствѣ.

Сереброносныя жилы въ Алгачахъ и въ Покровскомъ разнообразятся въ толщинѣ отъ 12—14 дюймовъ до 5—6 футовъ. Руда, имѣющая свѣтлый блестящій видъ, состоитъ изъ серебра и свинцу, въ пропорціи 1 къ 100, съ большей или меньшей примѣсью такъ называемой тутъ „цинковой обманки". Такъ какъ послѣдній металъ трудноплавкій, онъ очень затрудняетъ операціи въ плавильныхъ печахъ; поэтому рабочіе, разбивая предварительно руду на мелкіе кусочки, отбрасываютъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ замѣчается большая примѣсь его. Разбивка и сортировка руды исполняется обыкновенно женщинами и слабыми арестантами, такъ какъ это — работа здѣсь самая легкая. Изъ Алгачинскаго и Покровскаго рудниковъ, самыхъ производительныхъ въ округѣ, добывается ежегодно 400 тонъ руды, доставляющей около 1440 ф. серебра (на 20.000 долларовъ) и 144.000 ф. свинцу, который, вслѣдствіе дороговизны перевозки, — не даетъ ничего. Въ мое время около 2000 т. свинцу лежало въ забросѣ въ Кутомарскомъ заводѣ въ теченіе многихъ уже лѣтъ. Среднее число каторжниковъ, употребляемыхъ на работы въ этихъ двухъ рудникахъ, — 220, каждый изъ которыхъ добываетъ до 3600 фунтовъ руды въ годъ. Эти

цифры достаточно показываютъ, какъ слабо и не производительно обработываются рудники. Арестанты работаютъ по „урокамъ," которые нормальный, здоровый человѣкъ можетъ окончить въ 8—10 ч. Они получаютъ такую же пищу, такую же одежду, какъ и каторжники на Карѣ, и каждый изъ нихъ обходится казнѣ въ 40 долларовъ въ годъ.

Какъ мѣсто наказанія, Нерчинскіе рудники не такъ ужасны, какъ ихъ иногда изображаютъ. Конечно, это далеко не удовольствіе — работать 10 час. въ день въ сырыхъ темныхъ галлереяхъ, въ атмосферѣ, въ которой тухнетъ свѣча; но даже такія работы, я думаю, предпочтительнѣе, чѣмъ постоянное заключеніе въ грязныхъ, переполненныхъ и насквозь прогнившихъ тюрьмахъ. По крайней мѣрѣ, я предпочелъ бы первое. Смертность серди арестантовъ, работающихъ въ рудникахъ, не выше, чѣмъ въ тюрьмахъ, не взирая на неосторожность и невѣжество въ обращеніи съ динамитомъ. Ночныхъ работъ въ рудникахъ нѣтъ, и арестанты, окончивъ урокъ, возвращаются въ свои тюрьмы. Да не подумаетъ читатель, что я хочу сказать, что жизнь арестантовъ въ рудникахъ сносна. Нѣтъ, она ужасна; она хуже, чѣмъ жизнь бездомнаго пса, это — 'жизнь проводимая на половину въ сырыхъ галлереяхъ рудника, на половину въ ужасныхъ камерахъ сибирской тюрьмы, но все-же я думаю, что самыя ужасныя стороны этой жизни не въ каторжной работѣ въ рудникѣ, а въ тюремномъ заключеніи.

Мы вернулись въ Алгачи уже поздно вечеромъ. На слѣдующій день, 20-го ноября, мы, распрощавшись съ Нестеровымъ и Зальштейномъ и съ новымъ запасомъ провизіи, отправились въ Кадайскій рудникъ, отстоявшій отсюда на 90 м. По дорогѣ мы остановились на нѣсколько часовъ въ Кутомарскомъ заводѣ, гдѣ плавится руда и рано утромъ, въ воскресенье, не мало пострадавъ отъ холода и голода, добрались, наконецъ, до деревни Кадайя, гдѣ и остановились на земской квартирѣ. Закусивъ и погрѣвшись, мы въ то же утро отправились, Фростъ — рисовать, я — на розыски уставщика, представителя власти въ здѣшнемъ рудникѣ.

Кадайскій рудникъ — самый старый и обширный въ Нерчинскомъ округѣ. Онъ эксплоатируется больше ста лѣтъ и одно время былъ очень богатъ. Теперь лучшія жилы выработаны, и рудникъ даетъ меньше серебра, чѣмъ даже Алгачинскій или Покровскій. Уставщикъ, — интеллигентный и до извѣстной степени образованный сибирскій крестьянинъ, встрѣтилъ меня очень любезно, хотя и не безъ удивленія. Онъ прочелъ мои реко-

мендательныя письма, и черезъ 10 минутъ мы были на дорогѣ къ руднику. Здѣсь мы переодѣлись (я надѣлъ сверху платье одного арестанта, которое оказалось полно насѣкомыхъ), взяли по свѣчѣ и начали спускаться въ шахту. Спустившись футовъ на 120, мы очутились въ довольно большой центральной площадкѣ, отъ которой радіусами расходились въ разныя стороны 4 горизонт. галлереи, гораздо выше и шире, чѣмъ галлереи Алгачинскаго и др. рудниковъ. Галлереи были покрыты водою на нѣсколько дюймовъ. На глубинѣ 200 ф. мы вышли на другую площадку, въ которую выходило отверстіе другой галлереи, еще болѣе широкой и высокой, идущей по направленію къ центру горы. Темнота, усугубляемая дымомъ недавнихъ взрывовъ, была здѣсь страшная, и я едва видѣлъ мелькающую впереди свѣчу уставщика, за которой я шелъ, спотыкаясь, шлепаясь въ лужи и попадая въ глубокія щели, готовый ежеминутно полетѣть куда нибудь внизъ, въ заброшенную шахту. Потолокъ галлерін поддерживали почернѣвшія отъ времени бревна, стоящія тутъ болѣе ста лѣтъ, и истлѣвшія на столько, что я свободно отрывалъ отъ нихъ куски своими пальцами. Эта часть мины, — сказалъ уставщикъ, — считается очень опасной, и дальше идти не слѣдуетъ. Мы повернули назадъ. Повсюду, по всѣмъ направленіямъ капризно извивались узкіе ходы, входившіе въ центральную галлерею. Очевидно, за жилами слѣдовали совершенно рабски, думая только о скорости и дешевизнѣ работъ, и ничуть не заботясь о безопасности и объ устраненіи обваловъ. Отсюда, гдѣ галлереи были еще временъ Екатерины II, мы спустились въ самую глубину рудника черезъ шахту, вырытую въ каменистой почвѣ подъ угломъ въ 45°, и безъ всякихъ лѣстницъ. Мы спустились, держась за протянутую на одной сторонѣ цѣпь, вмѣстѣ съ бурнымъ, хотя и мелкимъ, потокомъ, несшимся по этой покатости въ глубину шахты. Здѣсь, на глубинѣ 300—400 ф., арестанты работали, пробивая динамитомъ новую галлерею. Вернулись мы изъ рудника черезъ перпендикулярную шахту, при помощи длиннаго ряда старыхъ и скользкихъ лѣстницъ. Когда я выбрался, наконецъ, на поверхность, я такъ усталъ, что не могъ держаться на ногахъ.

IX.

Наши приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвъ мрачный Кадаинскій рудникъ и его жалкую деревянную тюрьму, мы отправились въ Горный Зерентуй, расположенный въ широкой, безлѣсной долинѣ, въ 40 миляхъ отъ Кадаинскаго и 30 — отъ Монгольской границы. Пріѣхали мы туда поздно ночью и, по обыкновенію, остановились въ земской квартирѣ, напились на скоро чаю и улеглись спать на грязномъ и, конечно, полномъ насѣкомыхъ полу. На слѣдующее утро мы представились здѣшнему начальнику, капитану Демидову, и получили отъ него разрѣшеніе на осмотръ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Тюрьма — старая, полуразвалившаяся и деревянная, обычнаго восточно-сибирскаго типа, — не представляла ничего новаго и интереснаго. Въ ней содержалось 180 арестантовъ. Приблизительно столько-же жило вблизи въ вольной командѣ. Недалеко отъ нея воздвигалась новая трехэтажная, кирпичная тюрьма, но работы въ ней были почему-то пріостановлены и, хотя она строится уже 10 лѣтъ, работы хватитъ еще лѣтъ на 5—6. Во время нашего посѣщенія, зданіе было еще безъ половъ и крыши и обставлено лѣсами. А тутъ же, рядомъ, 180 праздныхъ арестантовъ отравлялось въ переполненныхъ камерахъ старой тюрьмы, которую, очевидно, не спѣшили сдать въ бракъ. (*).

(*) По моему возвращенію въ Петербургъ, весной слѣдующаго года, я видѣлся съ Галкинымъ — Врасскимъ, главноуправляющимъ тюремнаго вѣдомства. Во время разговора, я обратилъ его вниманіе на состояніе тюремъ въ Нерчинскомъ Горнозаводскомъ округѣ вообще и на не законченную Горно-Зерентуйскую каменную тюрьму. Онъ призналъ, что еще въ 1872 г. стала очевидною крайняя нужда въ новыхъ тюрьмахъ при Нерчинскихъ серебряныхъ рудникахъ, и что въ 1874 г. былъ созданъ спеціальный" строительныйкомитетъ", на который было возложено изслѣдованіе положенія вещей, приготовленіе плановъ и смѣтъ и приведеніе ихъ въ исполненіе. Когда, въ 1881 г., 7 лѣтъ спустя, онъ (Г. Врасскій) производилъ ревизію по Сибири, оказалось, что этотъ „комитетъ" успѣлъ истратить 74.318 руб. на постройку двухъ-трехъ небольшихъ деревянныхъ тюремъ и на ремонтировку нѣсколькихъ старыхъ, и 61.090 руб. — на жалованіе своимъ членамъ и другіе расходы по администраціи; за все это время комитетъ не представилъ въ Тюремное Вѣдомство ни одного рапорта и ни одной смѣты.

Намъ, американцамъ, трудно понять и еще труднѣе найти естественными и законными крайнюю безпомощность, индифферентный формализмъ и бездѣятельность, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза положительно во всемъ въ Нерчинскомъ горнозаводскомъ округѣ. Рудники не выработываются и на половину; сотни каторжныхъ праздно валяются и отравляютъ себя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ отвратительныхъ, переполненныхъ тюремныхъ камерахъ; планы и смѣты изъ года въ годъ путешествуютъ изъ рудниковъ въ Петербургъ и обратно, и когда, наконецъ, какая нибудъ особенно счастливая смѣта утверждается, и отдается распоряженіе привести ее въ исполненіе, начатыя

— Что-же было предпринято въ виду этого“ — спросилъ я,

— Я предложилъ упразднить строительный „комитетъ“, отвѣтилъ мнѣ Г. Врасскій.

— „И онъ былъ упраздненъ?“

— „Да.“

— Признаюсь, — сказалъ я, — я не видѣлъ въ Нерчинскомъ округѣ слѣдовъ этой громадной затраты въ 74.318 руб., если не считать одной маленькой деревянной тюрьмы въ Покровскомъ рудникѣ и незаконченнаго кирпичнаго зданія въ Горномъ Зерентуѣ. Кстати, почему это зданіе воздвигается такъ безконечно медленно: — 10 лѣтъ?*

— Отчасти, отвѣчалъ мнѣ г. Врасскій, вслѣдствіе неоднократной перемѣны плановъ. Вначалѣ вовсе не имѣлось въ виду строить кирпичное зданіе. Тщательныя смѣты указали, что постройка кирпичнаго зданія на 300 арестантовъ обошлась бы въ 160.000 руб., между тѣмъ какъ хорошая деревянная постройка такихъ же размѣровъ потребовала бы не болѣе 52.000 руб. Къ тому же разница въ долговѣчности кирпичной и деревянной тюрьмы въ рудникахъ — дѣло совершенно второстепенное, потому что, когда рудникъ выработанъ, тюрьму все равно приходится бросать. При такихъ условіяхъ деревянное зданіе казалось во всѣхъ отношеніяхъ болѣе экономнымъ. Но когда я принялъ на себя завѣдованіе Тюремнымъ Департаментомъ, Горно-Зерентуйская кирпичная тюрьма уже настолько далеко подвинулась въ постройкѣ, что, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, едва-ли стоило бросать эти работы и начинать новыя.

Ни Галкинъ-Врасскій, ни его помощникъ, Коковцевъ, не могли дать мнѣ удовлетворительныхъ объясненій на счетъ причинъ всѣхъ этихъ перемѣнъ плановъ, отсрочекъ, ошибокъ и, вообще, крайне безпорядочнаго веденія дѣлъ въ тюремномъ вѣдомствѣ Забайкальскаго округа. Они дѣлаютъ все возможное, — говорили они, но имъ приходится нести на своихъ плачахъ печальное наслѣдіе ихъ предшественниковъ; у нихъ не было времени для рѣшительныхъ реформъ. . . . Быть можетъ я, дѣйствительно, не вполнѣ ясно представляю себѣ всѣ тѣ трудности, съ которыми имъ приходится бороться, но мнѣ кажется, что многія — чуть не всѣ, можетъ быть, печальныя стороны ссыльной системы и, въ частности, тюремной администраціи суть результатъ индифферентизма, бездѣйствія и всемертвящей, бюрократической рутины, наслѣдованной, да, но продолжающей безпрепятственно царить и нынѣ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ Россіи.

Пр. Кеннана.

работы тянутся лѣниво цѣлыя десятилѣтія, безъ всякихъ, сколько нибудь основательныхъ, причинъ. Я сказалъ какъ-то горному инженеру въ Кутомарскомъ заводѣ: „Почему Вы не пользуетесь тѣми усовершенствованіями, которыми обязательно пользуются теперь всѣ, сколько нибудь значительные рудники? Почему Вы не заведете и у себя желѣзныхъ машинъ, современныхъ инструментовъ, паровыхъ помпъ, подъемныхъ машинъ, вентиляціи, однимъ словомъ, всего того, что необходимо для правильной выработки рудниковъ? Ну, стоитъ ли копаться въ нихъ такъ первобытно, какъ это дѣлается вездѣ у васъ?

— „Батюшка мой, отвѣчалъ онъ, да знаете-ли Вы, что стоитъ здѣсь желѣзо. Вѣдь, намъ надо было бы доставлять его изъ Петровскаго завода, — 600 верстъ на лошадяхъ; пудъ-то и обойдется въ 5 $^1/_2$ цѣлковыхъ."

— „Но развѣ у васъ по сосѣдству нѣтъ желѣзныхъ рудъ?"

— „Есть, да ее не добываютъ."

— Такъ почему-же ее не добывать, — сказалъ я, — не построить плавильныхъ печей и не приготовлять желѣза самимъ... здѣсь же! Вѣдь, половина вашихъ каторжниковъ живутъ безъ всякаго дѣла по тюрьмамъ; почему не утилизировать ихъ трудъ?" Мы не можемъ добывать желѣзную руду безъ разрѣшенія изъ Петербурга," отвѣчалъ инженеръ.

— Такъ почему-же вы не получите такого разрѣшенія? Неужели кто нибудь можетъ противодѣйствовать такимъ полезнымъ и необходимымъ работамъ? Я не понимаю, кому можетъ быть полезно современное положеніе вещей."

Въ отвѣтъ мнѣ инженеръ пожалъ плечами. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Что онъ не знаетъ, или что это — не его дѣло?

Изъ тюрьмы мы отправились на дрожкахъ Демидова къ Завенскому руднику, расположенному въ миляхъ, въ 2-хъ отъ деревни, на безлѣсномъ склонѣ горы. Постройки у входа въ шахту были, по обыкновенію, жалки и не достаточны, но въ одной изъ нихъ стояла маленькая паровая машина, — первая, которую я встрѣтилъ. Пока Фростъ рисовалъ, я спустился въ шахту, но не нашелъ тамъ ничего, что вознаградило бы меня за опасное и утомительное карабканіе по старымъ, обледенѣлымъ лѣстницамъ. Шахта шла въ глубину не далѣе 100 футовъ; галлереи вездѣ были такъ низки, что я не могъ въ нихъ стоять; атмосфера сырая и холодная, и стѣны густо покрыты ледяными сосульками. Въ рудникѣ работало 35 арестантовъ,

большинство которыхъ сносило руду въ маленькихъ корзинахъ къ шахтѣ, наполняя ею деревянную бадью, вмѣстимостью приблизительно въ бушель, а за тѣмъ поднимало эту бадью на поверхность посредствомъ стараго, неуклюжаго деревяннаго ворота. Болѣе первобытнаго способа работъ я не встрѣчалъ никогда; я сильно сомнѣваюсь даже, что бы тотъ, который употребляли здѣсь 300 лѣтъ назадъ дикари — туземцы, былъ первобытнѣе. „Почему у васъ такъ мало людей на работѣ? сказалъ я уставщику, провожавшему меня. Я только что былъ въ тюрьмѣ; вѣдь, тамъ у васъ валяются безъ дѣла по меньшей мѣрѣ 150 арестантовъ."

— „У насъ въ галлереяхъ нѣтъ мѣста больше, какъ на 35—40 человѣкъ, — отвѣчалъ уставщикъ.

— „Но, вѣдъ, вы могли-бы расширить ваши галлереи. Нѣсколько десятковъ лишнихъ рабочихъ скоро прибавили бы достаточно мѣста. Если въ рудникѣ есть руда, почему не выработывать ее какъ слѣдуетъ. Вамъ слѣдовало-бы расширить и поднять ваши галлереи, проложить въ нихъ рельсы, усовершенствовать подъемный апаратъ, приложить къ дѣлу лошадиную силу и, вообще, расширить ваши операціи".

Уставщикъ не отвѣчалъ ничего и только смотрѣлъ на меня изумленнымъ взоромъ. Очевидно, мои идеи казались ему дикими и неосуществимыми.

Число каторжныхъ въ Нерчинскомъ горнозаводскомъ округѣ было въ мое время 952; распредѣлены они были слѣдующимъ образомъ: Въ Александровскомъ заводѣ — 188; въ Алгачахъ — 150; въ Покровскомъ — 70; въ Кадаинскомъ и Смирновомъ — 184 и въ Савенскомъ и Горно-Зерентуѣ — 360. Не больше трети ихъ работало въ рудникахъ. Остальные, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, жили въ вынужденной праздности, несмотря на грамадное количество труда, которое можно было бы вызвать здѣсь къ жизни при самыхъ ничтожныхъ усиліяхъ со стороны властей. Единственнымъ объясненіемъ такого положенія вещей были, по словамъ свѣдущихъ людей, слѣдующія обстоятельства: 1) въ галлереяхъ рудниковъ слишкомъ мало мѣста; 2) нѣтъ достаточнаго конвоя, чтобы наблюдать за арестантами во время работъ въ лѣсу и на открытомъ мѣстѣ; 3) постройка тюремъ своими средствами, при помощи арестантскаго труда, подъ наблюденіемъ мѣстной администраціи, должна обойтись дороже, чѣмъ по контракту съ посторон-

ними предпринимателями, (*) и 4) арестантовъ нельзя употреблять на тѣ работы, на которыя я указывалъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія изъ С. Петербурга. По моему, всѣ эти соображенія не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Праздность арестантовъ и бездѣйствіе властей есть прямой результатъ индифферентизма, неспособности и отсутствія предпріимчивости въ официальныхъ сферахъ. Энергичный Американецъ, съ полномочіями и съ какими нибудь 10—15 тысячами долларовъ капитала, съ помощью этихъ 952 нерчинскихъ каторжниковъ въ 2 года построилъ бы при каждомъ рудникѣ новую тюрьму, а въ 5 лѣтъ удвоилъ бы или учетверилъ производительность самихъ рудниковъ, не потребовавъ на это ни копѣйки изъ государственныхъ суммъ. Таково, по крайнѣй мѣрѣ, убѣжденіе, которое составилось у меня послѣ тщательнаго и близкаго ознакомленія съ предметомъ на мѣстѣ.

Савинскій рудникъ былъ послѣдній, который мы посѣтили въ Восточной Сибири. Въ понедѣльникъ утромъ, 23 ноября, мы выѣхали отсюда въ Нерчинскій Заводъ, большое село, миляхъ въ 10 отъ Горно—Зерентуя, а во вторникъ начали обратное путешествіе къ Шилкѣ и Нерчинску, до котораго отсюда было 200 миль. Нѣтъ нужды описывать подробно нашъ долгій, скучный и утомительный путь. Страна, по которой проходила дорога, была все та же мрачная пустыня, покрытая волнообразными, низкими холмами, на которыхъ лежалъ тонкій пластъ снѣга. Термометръ стоялъ постоянно на 27° ниже нуля; твердая, замерзшая, но еще безснѣжная дорога мучительно трясла нашу телѣгу, кажется, худшую во всей Сибири. Все время мы страдали отъ холоду, голоду тряски и безсонницы и были, наконецъ, доведены до того состоянія молчаливаго, апатичнаго, полу-дикаго отчаянія, при которомъ жизнь, — по крайнѣй мѣрѣ, *такая* жизнь, — становится почти невыносимой тягостью. За теплую ванну, хорошій обѣдъ и двѣнадцати-часовой безпросып-

*) Это соображеніе основывается на признанныхъ некомпетентности или мошенничествѣ мѣстныхъ властей, чодъ вѣденіемъ которыхъ должны были бы производиться постройки. Были случаи, что такіе „строители" клали всю ассигновку въ карманъ и, абсолютно ничего не сдѣлавъ, рапортовали въ Петербургъ, что назначенная постройка, напр. тюрьма, готова и служитъ своему назначенію. Одинъ подобный случай, — съ Укирскимъ этапомъ, — цитировка въ Верхнеудинской корреспонденціи Восточнаго Обозрѣнія отъ 12 янв. 1884 г. Одинъ извѣстный Сибирскій фотографъ показывалъ мнѣ фотографію вновь выстроеннаго правительственнаго зданія, которую онъ снялъ по распоряженію изъ Петербурга. Эта фотографія должна была служить доказательствомъ, что зданіе это дѣйствительно существуетъ и что оно построено по планамъ, утвержденнымъ начальствомъ.

Пр. Кеннана.

ный сонъ мы готовы были отдать тогда всѣ наши земныя права и богатства.

Послѣ 40-а часовъ безпрерывной ѣзды, мы добрались до станціи Біянкинской, расположенной на Шилкѣ. Здѣсь мы пересѣли на сани и вдоль по Шилкѣ продолжали свой путь къ Нерчинску. Холодъ не ослабѣвалъ, и для насъ, почти лишенныхъ все это время сколько нибудь сносной и существенной пищи, онъ былъ чрезвычайно ощутителенъ. Я ѣхалъ въ 3-хъ шубахъ, надѣтыхъ одна на другую, и представлялъ собою какой-то куль, увѣнчанный на верху мѣховой шапкой и грязнымъ, небритымъ, корявымъ отъ мороза лицомъ. Но несмотря даже на три шубы, я страдалъ отъ холода все время. Фростъ страдалъ еще больше: у него ихъ было лишь двѣ. Наконецъ, въ четвергъ подъ вечеръ мы въѣхали въ Нерчинскъ. Въѣздъ этотъ былъ далеко не тріумфаленъ. На улицахъ города снѣгу почти не было, и наши лошади отказались тащить наши сани по голой землѣ. Мы вышли изъ саней и, идя за медленно тянущимися лошадьми, безславно вступили въ городъ, подобно какимъ-то мумiямъ, сопровождающимъ похоронную процессію.

Въ Нерчинскѣ мы остановились въ гостинницѣ въ первый разъ въ этотъ мѣсяцъ; но въ отношеніи чистоты и комфорта гостинница, надо признаться, была ниже даже тѣхъ земскихъ квартиръ, въ которыхъ мы останавливались на ночь во время нашей экскурсіи по округу. Это была худшая изъ всѣхъ Сибирскихъ гостинницъ. Главный залъ, раздѣлявшій гостинницу на двѣ половины, былъ грязенъ и теменъ и служилъ одновременно кладовой. Комната, которую намъ отвели, холодная и пустая, была полна угаромъ; древніе обои обрывками и лоскутками висѣли на сырыхъ стѣнахъ; краска на оконныхъ рамахъ давно выцвѣла; стекла были грязны до невозможности, а расшатавшійся полъ зіялъ щелями; бойкіе тараканы бѣгали по скатерти, покрывавшей единственный столъ; кровати, на которой усталый путникъ могъ бы найти отдохновеніе, не было вовсе; не было и зеркала, которое могло бы доставить ему меланхолическое удовлетвореніе въ созерцаніи своей покраснѣвшей и покоробившейся отъ мороза физіономіи. Единственный слуга, — подростокъ въ высокихъ сапогахъ и въ фланелевой рубахѣ, — принесъ намъ мѣдный тазъ для умыванія. Этотъ тазъ служилъ, очевидно, для другой, безконечно менѣе достойной цѣли, и его никогда не чистили и не мыли. Какъ мы ни были усталы и какъ не привыкли къ грязи и всевозможнымъ неудобствамъ,

мы съ ужасомъ смотрѣли на нашу гостинницу; но она была единственная въ городѣ. Ея хозяинъ былъ ссыльный полякъ Клементовичъ, и я невольно подумалъ, что если онъ былъ сосланъ сюда за содержаніе подобныхъ же гостинницъ у себя, въ Польшѣ, — хотя бы и административнымъ порядкомъ, въ данномъ случаѣ административная ссылка должна была бы быть оправданной, во имя общественнаго блага, и безъ всякаго отношенія къ политическимъ взглядамъ преступника.

Позавтракавъ, мы пообчистились, пріодѣлись и вышли посмотрѣть на городъ. Въ Нерчинскѣ считается до 4000 жителей; расположенъ онъ на лѣвомъ берегу Нерчи, миляхъ въ двухъ отъ впаденія ея въ Шилку. До Петербурга отъ него 4600 миль. По богатству и процвѣтанію онъ смѣло выдержитъ сравненіе съ большинствомъ среднихъ Сибирскихъ городковъ. Въ немъ имѣются: банкъ, двѣ или три школы, госпиталь на двадцать кроватей, библіотека, музей, общественный садъ, 50—60 лавокъ, и его торговые обороты (главнымъ образомъ — Сибирскіе мѣха и мануфактуры изъ Европейской Россіи) доходятъ въ годъ до 1,000,000 руб. Но что особенно поражало въ городѣ всякаго новаго человѣка, то это роскошныя палаты богачей — золотопромышленниковъ Бутиныхъ. Эти палаты могли бы поспорить и съ богатыми столичными домами. Бутины, во время нашего проѣзда, были въ финансовыхъ затрудненіяхъ, и ихъ имущество находилось подъ секвестромъ, но, благодаря рекомендательнымъ письмамъ, насъ все-таки допустили въ оставленный, но еще блестящій дворецъ. Попасть въ него изъ гостинницы Клементовича было все равно, что сразу перейти изъ восточно-сибирскаго этапа въ сказочный дворецъ Аладина; и когда я вошелъ въ роскошный бальный залъ и увидѣлъ себя во весь ростъ въ громадномъ зеркалѣ,*) занимавшемъ чуть не всю стѣну, я невольно хотѣлъ протереть себѣ глаза, чтобы убѣдиться, что я не сплю. И въ самомъ дѣлѣ, кто же могъ бы ожидать найти въ заброшенномъ Сибирскомъ городкѣ, въ 5000 миляхъ отъ Петербурга, такое пышное частное жилище, съ изысканными паркетными полами, пелковыми занавѣсами, съ изящными, тканными обоями, съ цвѣтными стеклами, блестя-

*) Это громадное зеркало было куплено Бутинымъ на Парижской выставкѣ 1878 г. и считалось тогда самымъ большимъ въ свѣтѣ. Чтобы попасть въ Нерчинскъ, оно объѣхало моремъ полъ-свѣта, и изъ Николаевска (восточно-Сибирскій портъ) на особо выстроенной для него баржѣ, по Амуру и Шилкѣ было доставлено въ Нерчинскъ. Теперь оно находится въ бальномъ залѣ Бутинскаго дома и находится въ полной гармоніи съ окружающимъ. Пр. Кеннана.

щими канделябрами, восточными коврами, золоченной и крытой бархатомъ и атласомъ мебелью, картинами старой Фламандской школы, статуями, фамильными портретами кисти *Маковскаго*, и съ обширной оранжереей, съ пальмами, лимонными деревьями и рѣдкими тропическими орхидеями? Такая роскошь не вызываетъ удивленія въ богатыхъ и населенныхъ европейскихъ городахъ, но здѣсь, въ снѣжной пустынѣ Забайкалья, въ 3000 миляхъ отъ Европейской границы, это поражаетъ. Къ сожалѣнію, домъ стоялъ пустой уже нѣсколько мѣсяцевъ и потерялъ часть своего блеска. Каковъ же онъ долженъ былъ быть въ время процвѣтанія Бутиныхъ! Бальный залъ — самая большая комната — имѣетъ 65 фут. въ длину и 45 въ ширину; на его хорахъ помѣщается громадный оркестріонъ, играющій 60—70 пьесъ. Другая большая комната — библіотека — полна хорошо подобранными книгами, газетами и журналами, на нѣсколькихъ языкахъ; тутъ-же находится обширная коллекція Сибирскихъ минераловъ и рудъ. Съ домомъ соединены конторы и лавки, которыя накопляли громадныя богатства, олицетвореніемъ которыхъ служитъ этотъ дворецъ. Бутины, кромѣ золотоискательства, занимались торговлей, водочнымъ дѣломъ, постройкой пароходовъ и пр. Ихъ фирма извѣстна во всей Восточной Сибири и занимала очень много рабочихъ рукъ.

Вдоволь налюбовавшись Бутинскимъ дворцомъ, мы возвратились въ свою гостинницу, а къ вечеру отправились къ Чарушину и Кузнецову, — мѣстнымъ политическимъ ссыльнымъ, которые вынесли каторгу и теперь жили на поселеніи въ Нерчинскѣ и жили сравнительно сносно. Оба они были интеллигентные, хорошо воспитанные и чрезвычайно симпатичные люди, и въ продолженіи тѣхъ трехъ дней, которые мы пробыли въ городѣ, мы провели не мало пріятныхъ часовъ въ ихъ домѣ. Въ Нерчинскѣ съ ними обращались хорошо; имъ было позволено заниматься обученіемъ дѣтей и открыть фотографію, что выходило изъ крайне узкихъ предѣловъ того, что дозволено поднадзорнымъ министерскими циркулярами. Ихъ переписка находилась еще подъ контролемъ, но полиція не надоѣдала имъ своими преслѣдованіями на каждомъ шагу, что дѣлается съ ссыльными во всѣхъ почти Сибирскихъ городахъ, и они жили сравнительно спокойною и сносною жизнью. Чарушинъ провелъ раньше $4\frac{1}{2}$ года въ одиночномъ заключеніи, изъ которыхъ $2\frac{1}{2}$ — въ Петропавловской крѣпости. Онъ об-

винялся въ пропагандѣ среди рабочихъ въ одной изъ фабрикъ Петербургскихъ предмѣстій. На Кару за нимъ отправилась добровольно его жена, съ которой онъ и поселился, когда, окончивъ испытуемый срокъ, былъ выпущенъ въ вольную команду. Онъ былъ одинъ изъ 9-ти вольнокомандцевъ, которыхъ циркуляръ Лорисъ-Меликова вернулъ назадъ въ тюрьму, и въ его домѣ застрѣлился несчастный Симоновскій.

29-го Ноября, сердечно распрощавшись съ Чарушиными, мы оставили Нерчинскъ. Ледяныя сосульки, которыми быстро покрылись лошадиныя морды, рѣзкое металлическое визжаніе полозьевъ по твердому снѣгу, синеватый отливъ далекихъ горъ и высокіе столбы неподвижнаго дыма надъ печами избъ говорили о сильномъ морозѣ. Дѣйствительно, термометръ показывалъ 27° ниже нуля. Къ ночи холодъ еще увеличился, и мы порядочно таки натерпѣлись отъ него, несмотря на непомѣрное количество горячаго чаю, который мы неукоснительно пили при каждой перемѣнѣ лошадей. Но за то, съ другой стороны, мы ѣхали быстро и безъ задержекъ на станціяхъ: лошади были вездѣ. Такъ дѣло шло до вечера понедѣльника, когда мы въѣхали въ деревню Турино-Поворотная. Здѣсь насъ ожидалъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Вся деревня была пьяна, какъ стелька. Сани, полныя парней и дѣвокъ, съ невѣроятнымъ гамомъ и пѣснями сновали по улицѣ. Крестьянскія дѣвушки и бабы, въ разноцвѣтныхъ, праздничныхъ платьяхъ, обнявшись и пошатываясь, ходили по улицѣ, распѣвая веселыя пѣсни; станція была переполнена сильно подпившими людьми, очевидно, съѣхавшимися сюда по случаю праздника и теперь собиравшимися домой; почтовый смотритель, не окончившій еще, вѣроятно, празднованія, изчезъ неизвѣстно куда; ямщиковъ — ни слѣда, и, наконецъ, самъ староста, — толстый приземистый старикъ, похожій на голландскаго бюргера, — былъ такъ пьянъ, что, даже опираясь на палку, едва стоялъ на ногахъ. Напрасно я старался узнать причину этого грандіознаго пьянства. Никто не былъ настолько трезвъ, чтобы объяснить намъ это. Изъ обрывковъ безсвязныхъ разговоровъ собравшейся на станціи публики я узналъ, что самъ деревенскій „батюшка“ напился до того, что наитрезвѣйшій изъ его прихожанъ отряженъ былъ свести его на саняхъ домой. Но если почтмейстеръ, староста, священникъ, ямщики и вся деревня были такъ пьяны, очевидно, нечего было и думать о лошадяхъ. Намъ оставалось только внести на станцію свой багажъ и, выбравъ незанятый уголокъ, наблюдать

это всеобщее пьянство и ожидать послѣдствій. Мы такъ и поступили. На станціи всѣ были пьяны, кромѣ насъ и груднаго ребенка на колѣняхъ одной дамы. Отецъ этого ребенка, молодой и красивый офицеръ, въ полной формѣ, шатаясь бродилъ по комнатѣ, находясь, очевидно, подъ давленіемъ одной неотвязной мысли, — что онъ долженъ собрать свои пожитки и быть готовымъ къ отъѣзду; онъ собиралъ свои вещи, тутъ же снова ронялъ ихъ, и отъ времени до времени обмѣнивался съ своими столь же пьяными спутниками обрывками воспоминаній празднества. Въ концѣ концевъ его осѣнила, повидимому, счастливая мысль, и онъ стремительно бросился въ уголъ комнаты, вытащилъ оттуда свою саблю, принесъ ее своей подвыпившей супругѣ и торжественно вручилъ драгоцѣнность ея заботамъ; оказалось, что почему то эту саблю надо было тотчасъ же снести въ сани. Жена резонно, но нѣсколько неумѣренно сурово, отвѣчала ему, что на дворѣ холодно, у нея на рукахъ ребенокъ, пусть ее оставятъ въ покоѣ. Тогда офицеръ только прижалъ саблю къ своей груди и, безумно вороча глазами, началъ въ волненіи кричать, что эта сабля — его лучшій другъ, его первая подруга жизни, что онъ никогда не забудетъ ее и поэтому самъ, *самъ* снесетъ ее бережно въ сани. Съ этими словами онъ уронилъ ее и схватился за что-то другое. Не будь тутъ его второй подруги жизни, онъ такъ и забылъ би ее здѣсь.

Такъ мы просидѣли часа два. Наконецъ, часовъ уже въ 8, я успѣлъ какъ-то поймать старосту и напалъ на него такъ энергично, что онъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и чего мы отъ него хотимъ. Онъ вписалъ насъ въ станціонную книгу („г. Кеннанъ съ слѣдующимъ, граждане *сосѣднихъ* штатовъ“ — такъ писалъ бѣдный староста, пока я держалъ его за рукавъ) и, выйдя на крыльцо, началъ кричать, обращаясь къ проходящимъ мимо кучкамъ народу: „Андрей! Николай! Лошадей сейчасъ!“ Эти крики встрѣчали въ отвѣтъ только раскаты здороваго хохота, насмѣшки и остроты. Видя такое пренебреженіе къ его авторитету, староста только поднималъ руки къ небу, съ комичнымъ жестомъ безпомощнаго отчаянія и жалостно восклицалъ: „Всѣ пьяны! что прикажете дѣлать? Чистое наказаніе!“

Часамъ къ 9-ти шумъ въ деревнѣ началъ по немного утихать. Откуда то явился, наконецъ, и почтмейстеръ, опьяненіе котораго приняло форму сугубаго оффиціальнаго достоинства. Мрачнымъ и угрожающимъ тономъ онъ спросилъ, гдѣ ящики

и что означаетъ весь этотъ безпорядокъ. Молодой офицеръ, который къ этому времени впалъ въ чрезвычайно нѣжное настроеніе, перецѣловалъ всѣхъ присутствовавшихъ женщинъ, набожно перекрестился и поплелся къ своимъ санямъ, въ сопровожденіи жены съ ребенкомъ и знаменитой сабли. Двѣ духовныя особы, въ рясахъ и въ своихъ форменныхъ шляпахъ, и, конечно, тоже пьяныя, появились у крыльца, дали облобызать свои руки молодому офицеру и его пріятелямъ, сѣли въ почтовыя сани и уѣхали съ ямщикомъ, который едва сидѣлъ на козлахъ. Наконецъ, когда мы начали терять всякую надежду, явился какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій въ общемъ погромѣ трезвый ямщикъ, въ оборванной шубѣ и дѣловымъ тономъ заявилъ смотрителю, что лошади для насъ готовы. Пьяный смотритель, уже давно искавшій, къ кому бы придраться и на комъ бы вымѣстить свое оскорбленное достоинство, набросился на ямщика съ жесточайшей руганью и оштрафовалъ его на 50 коп., — за то-ли, что онъ оказался трезвъ, за то-ли, что лошади его были готовы, — не знаю. Такимъ образомъ, мы выѣхали, наконецъ, съ благодарными сердцами изъ этой поголовно пьяной деревни.

— „Что все это значитъ? обратился я къ ямщику. — Почему это всѣ сплошь пьяны?

— „Новую церковь освящали“, — отвѣчалъ онъ.

— „Освящали церковь!“ — вокликнулъ я въ изумленіи. — Такъ вотъ какъ у васъ освящаютъ церкви?“

— „Бываетъ, что пьютъ, — сказалъ ямщикъ. Послѣ службы гулянку устраиваютъ; иные и напиваются.“

— *Иные!* — воскликнулъ я. Помилуй, всѣ пьяны. Ты единственный трезвый человѣкъ въ деревнѣ. Какъ это случилось, что и ты не пьянъ?“

— „Я не христіанинъ, — отвѣчалъ онъ просто. — Я бурятъ.“

Какъ христіанинъ, — хотя и не православный, я со стыдомъ умолкъ передъ этой ненамѣренной ироніей въ его отвѣтѣ. Единственнымъ трезвымъ человѣкомъ въ деревнѣ въ нѣсколько сотъ душъ, въ такой торжественный день, оказался ямщикъ, котораго въ добавокъ христіанинъ чиновникъ оштрафовалъ на 50 коп. за то, что и онъ не напился съ прочими и не проявилъ такимъ общепринятымъ способомъ своего уваженія къ святынѣ.

Часовъ въ 10 утра, 1-го Декабря, мы въѣхали, наконецъ, въ Читу и остановились въ маленькомъ, одноэтажномъ

деревянномъ зданіи, извѣстномъ здѣсь подъ названіемъ „Отель Владивостокъ.“ Какъ я уже говорилъ раньше, въ Читѣ поселена довольно обширная и очень интересная для меня колонія политическихъ ссыльныхъ. Мы познакомились съ нею, когда проѣзжали черезъ Читу на пути на Кару, но это знакомство было слишкомъ бѣгло: мы слишкомъ спѣшили тогда попасть на Кару раньше зимы и не могли поэтому удѣлить Читѣ достаточно времени. Теперь я рѣшился провести здѣсь недѣли $1\frac{1}{2}$—2. Большинство Читинскихъ ссыльныхъ принадлежало къ категоріи поселенцевъ, отбывшихъ свои сроки на Карѣ, т. е. къ категоріи „особенно опасныхъ“ въ глазахъ администраціи. Въ виду этого, тѣмъ болѣе, что мы успѣли уже поднять тревогу на Карѣ, я считалъ нужнымъ вести себя здѣсь съ особенной осторожностью и заручиться, на сколько возможно, пріятельскими отношеніями съ мѣстными властями. Карійскій комендантъ, Николинъ, уже навѣрное успѣлъ, — думалъ я, — донести кому слѣдуетъ о нашихъ тайныхъ сношеніяхъ съ политическими вольнокомандцами; если бы и здѣсь замѣтили за нами подобные грѣхи, это могло бы повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, — къ обыску и пр. Поэтому я прежде всего отправился къ полковнику Свѣчину, занимавшему временно мѣсто губернатора Барабаша. Я подробно разсказалъ ему о нашей экскурсіи на Кару и въ рудники, не касаясь, конечно, компрометирующихъ сношеній съ политическими и о нашихъ дальнѣйшихъ планахъ. Полковникъ былъ все время очень внимателенъ и любезенъ и не затрогивалъ щекотливыхъ темъ. Я ушелъ отъ него успокоенный. Онъ или не зналъ ничего о нашихъ Карійскихъ приключеніяхъ, или не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

На третій или четвертый день нашего пребыванія въ Читѣ, мѣстный богатый купецъ, Немѣровъ, съ которымъ я успѣлъ познакомиться, зашелъ къ намъ съ предложеніемъ отправиться вечеромъ на любительскій спектакль, устраиваемый въ мѣстномъ театрѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ согласились: это должно было расширить кругъ нашихъ оффиціальныхъ знакомствъ; къ тому же мы лишній разъ показались бы передъ публикой въ „благонадежной“ компаніи. Такъ и вышло. Во время антрактовъ мы познакомились со многими военными и гражданскими чиновниками, были встрѣчены чрезвычайно любезно Свѣчинымъ и обратили на себя всеобщее вниманіе, какъ „знатные“ иностранцы, извѣстные высшимъ властямъ и находящіеся въ

пріятельскихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и начальникомъ штаба. Уже, конечно, никто, думали мы, не заподозритъ *такихъ* иностранцевъ въ томъ, что они остановились въ Читѣ съ нарочною цѣлью поближе познакомиться съ политическими ссыльными, нигилистами, террористами и т. д.

Между прочимъ я былъ представленъ и нѣкоему полковнику Новикову, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, прогуливался по фойе. Услыхавъ мое имя, онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня и безъ всякихъ предварительныхъ вопросовъ, сказалъ; „я слышалъ, что Вы были на карійскихъ пріискахъ?“

— „Да, — отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ и безпокойствомъ. — Я только что оттуда.

— „Что же Вы нашли тамъ хорошаго?“ — спросилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лице.

Я не зналъ, что отвѣчать на подобный вопросъ, но рѣшилъ, что наиболѣе безопасно будетъ отозваться благопріятно о представителяхъ власти, насколько позволяла мнѣ это совѣсть. Поэтому я отвѣчалъ ему безъ колебанія, что я нашелъ тамъ хорошаго человѣка, майора Потулова.

— „Гм! — пренебрежительно пробормоталъ полковникъ — и, конечно, онъ показалъ вамъ все въ самомъ лучшемъ видѣ“?

— „Къ сожалѣнію, не все тамъ можно показать въ такомъ свѣтѣ, — отвѣчалъ я, чувствуя, что положеніе становится все затруднительнѣе, и рѣшившись „взять быка за рога“

— „Осматривали ли вы тамошнія тюрьмы?“ спросилъ онъ.

— „Да, мы осматривали большую часть изъ нихъ“.

— „Показали вамъ и „голую команду?“ — продолжалъ полковникъ.

— „Нѣтъ. Я даже не знаю, что Вы подъ этимъ подразумѣваете“

— „Я подразумѣваю подъ этимъ камеру, наполненную голыми арестантами. Когда я въ первый разъ былъ на Карѣ и инспектировалъ тюрьмы, я нашелъ такую камеру, населенную 25 совершенно голыми людьми. Вотъ ихъ-то и называютъ „голой командой“.

— „То-есть, какъ-же это? Что-же это значитъ“? — спросилъ я.

— „Право, не знаю, — отвѣчалъ Новиковъ, передернувъ плечами. — Знаю только, что они — голы, и что имъ со-

вершенно нечего одѣть (*). Показывалъ ли Вамъ вашъ „хорошій человѣкъ“ (съ пренебрежительной улыбкой по адрессу Потулова) и одиночки въ Средне-Карійской тюрьмѣ?“

— „Нѣтъ; а онѣ чѣмъ нибудь замѣчательны?“

— О! ничѣмъ! — воскликнулъ Новиковъ съ напускнымъ простодушіемъ. — Вотъ развѣ только, что въ нихъ нельзя ни стоять, ни лежать, такъ онѣ низки и тѣсны. Да, Вы видѣли, очевидно, только то, что Вамъ хотѣли показать. Жаль, что я не былъ тамъ. Я показалъ бы Вамъ вещи, какъ онѣ есть; не такъ, какъ Вамъ показалъ ихъ вашъ „любезный“ хозяинъ“.

Во все время этого разговора я чувствовалъ себя нѣсколько смущенно. Былъ ли полковникъ Новиковъ искрененъ, или онъ строилъ мнѣ ловушку, чтобы вывѣдать у меня мои настоящіе взгляды? Я боялся проговориться и отвѣчалъ односложно и кратко, но Новиковъ продолжалъ, не обращая на это вниманія.

— Я прожилъ на Карѣ 3 $^1/_2$ года въ качествѣ командира казачьяго батальона, и когда меня, наконецъ, перевели оттуда, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — я въ благодарность отслужилъ торжественный молебенъ“.

— „Вы видите мою бороду, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,— вѣдь она почти совсѣмъ сѣдая, не такъ ли? Это результатъ того людскаго горя, котораго я насмотрѣлся на Карѣ. Когда я ѣхалъ туда, въ ней не было ни одного сѣдаго волоса. Какъ Вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?“

Я отвѣчалъ, что далъ бы ему лѣтъ 55.

— „Вотъ видите, — съ горечью отвѣчалъ онъ, — а мнѣ только 45. Когда я ѣхалъ на Кару, я смотрѣлъ однихъ лѣтъ съ Вами.“

И онъ остановился въ угрюмомъ молчаніи, какъ бы перебирая тяжелыя воспоминанія.

---

*) Я впослѣдствіи узналъ, что „голой командой“ называютъ арестантовъ, которые регулярно продаютъ казенныя вещи и на вырученныя деньги играютъ или пьютъ. Такіе находятся вездѣ. Въ видѣ наказанія ихъ собираютъ иногда (какъ въ случаѣ, на который ссылается Новиковъ) въ одной камерѣ, безъ всякой одежды. Само собой разумѣется, что арестанты не могли бы продавать свои вещи, играть и пить на нихъ, если бы они на находили себѣ пособниковъ въ лицѣ самойже тюремной администраціи. Во всякомъ случаѣ, существованіе „голыхъ командъ“ указываетъ скорѣе на взяточничество или безпорядки въ средѣ тюремныхъ властей, чѣмъ на жестокость. Полковникъ Новиковъ думалъ повидимому иначе.

Пр. Кеннана

Я прервалъ его размышленія вопросомъ: о какого рода горѣ онъ говоритъ.

— „Всякаго рода, — отвѣчалъ онъ. — Чего только не дѣлаютъ съ этими несчастными каторжниками. Ихъ ругаютъ, бьютъ, дерутъ розгами и плетьми, морятъ голодомъ и холодомъ; ихъ трудъ эксплоатируютъ въ свою пользу тюремщики и смотрителя. Я разскажу Вамъ въ видѣ примѣра одинъ случай, происшедшій въ мою бытность тамъ. Жена одного смотрителя случайно узнала, что ея любовникъ, — каторжный изъ вольной команды, — завелъ связь съ одной изъ ея прислужницъ, тоже каторжанкой, — молодой, скромной дѣвушкой. Разсвирѣпѣвшая баба бросилась къ своему супругу и настояла на томъ, чтобы эту дѣвушку наказали подъ какимъ то выдуманнымъ предлогомъ. Ей дали 150 розогъ, а когда она пошла жаловаться къ завѣдывающему, ей дали еще 90 плетей, — 240 ударовъ получила эта несчастная. И я долженъ былъ тутъ же стоять и смотрѣть. . . . Вы думаете, это весело, это проходитъ даромъ?.... У меня не много волосъ на головѣ, но они всѣ становятся дыбомъ, когда я припоминаю всѣ тѣ ужасы, которые я перевидѣлъ на этихъ проклятыхъ пріискахъ. Чтобы вынести ихъ безнаказанно, надо вмѣсто нервовъ имѣть желѣзныя проволки.“ (*)

Пусть не думаетъ читатель, что этотъ разговоръ происходилъ конфиденціально, гдѣ нибудь въ уголкѣ. Нѣтъ. Мы ходили взадъ и впередъ по фойе, компаніей въ 6—7 человѣкъ, и полковникъ Новиковъ говорилъ такъ возбужденно и громко, что его могли слышать всѣ, кто хотѣлъ. И это былъ далеко не единственный случай такой смѣлой и откровенной критики правительственной дѣятельности въ той или другой области, который мы могли свидѣтельствовать. Въ тотъ же вечеръ другой офицеръ, котораго я не могу назвать, подошелъ ко мнѣ, представился и говорилъ о томъ же предметѣ. Онъ скоро задалъ мнѣ тотъ же вопросъ о среднекарійскихъ одиночкахъ, подтвердилъ описаніе ихъ, данное мнѣ Новиковымъ и прибавилъ,

(*) Слова Новикова произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я записалъ ихъ тотчасъ же по возвращеніи домой. Переданы онѣ здѣсь совершенно вѣрно. Быть можетъ ихъ не слѣдуетъ принимать слишкомъ буквально: Новиковъ, повидимому, былъ далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Петровымъ и другими представителями Карійской администраціи, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ значеніе, какъ слова офицера его чина и положенія, имѣвшаго полную возможность знать истину. Этотъ же самый Новиковъ сказалъ мнѣ, говоря о политическихъ „преступникахъ“, что если бы дѣло зависило отъ него, онъ наказывалъ бы ихъ *шпицрутенами*.

Пр. Кеннана.

что онѣ служили, какъ мѣсто заключенія для политическихъ заключенныхъ, и что даже женщины, какъ Россикова, должны были жить въ нихъ, пока, наконецъ, докторъ не заявилъ начальству, что дальнѣйшее ея пребываніе въ такой камерѣ повлечетъ за собой неминуемую смерть. Этотъ офицеръ пригласилъ меня къ себѣ, обѣщая дать мнѣ много матерьяловъ, если я интересуюсь тюрьмами и ссылкой въ Сибири. Я былъ у него и обязанъ ему очень многими свѣденіями. Онъ подтвердилъ мнѣ почти все, что разсказывали мнѣ политическіе; передалъ мнѣ всю исторію съ покушеніемъ Кутитонской на жизнь Ильяшевича, и показалъ мнѣ не мало оффиціальныхъ документовъ, касающихся этого и другихъ дѣлъ.

Во все время нашего пребыванія въ Читѣ большую часть дней мы проводили съ „благонадежными“ элементами города, а ночей — съ ссыльными. Мы сходились съ ними въ ихъ столярной мастерской, помѣщавшейся въ большомъ деревянномъ домѣ, построенномъ еще декабристами. Часамъ къ 9-ти каждаго вечера 10—15 ссыльныхъ собирались въ большой комнатѣ втораго этажа, а немного погодя прокрадывались туда и мы съ Фростомъ. Фанни Морейнисъ, веселая, прелестная дѣвушка лѣтъ 20-ти, исполняла обязанности хозяйки. Г-жа Гелисъ садилась за самоваръ, и часамъ къ 10, 11 мы въ полномъ составѣ собирались вокругъ большаго стола, курили, пили безконечный чай, разсказывали другъ другу свои приключенія, и обсуждали всевозможные общественные и политическіе вопросы. Многіе изъ ссыльныхъ были прекрасно-образованные, умные и симпатичные люди, бесѣда съ которыми была всегда полна прелести и интереса. Я и теперь еще не рѣдко вспоминаю съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ какою то болью, эти вечерніе часы. Мы не всегда были угрюмы и печальны, не всегда перебирали лишь темныя стороны русской дѣйствительности. Иногда Лазаревъ или Валуевъ бралъ гитару и подъ ея аккомпаниментъ пѣлъ намъ русскіе романсы, или я съ Фростомъ вытягивали имъ наши американскія пѣсни: „Bingo“, „The Bull-dog“ или „Solomon devi,“ или, наконецъ, мы пѣли хоромъ какую нибудь изъ любимыхъ русскихъ революціонныхъ пѣсенъ.

Но главнымъ нашимъ занятіемъ всегда оставалось обсужденіе наиболѣе интересныхъ для меня вопросовъ, касающихся положенія Россіи, русскаго революц. движенія, жизни политическихъ ссыльныхъ въ тюрьмахъ, на пути и въ ссылкѣ. Здѣсь.

я въ первый разъ близко познакомился съ страшной исторіей „Харьковскихъ централокъ“ и съ героической голодовкой четырехъ слабыхъ женщинъ въ Иркутской тюрьмѣ (Ковальская, Россикова, Богомолецъ и Кутитонская). Болѣе ужасныхъ трагедій я не зналъ никогда: и ночь за ночью я возвращался въ свою гостинницу разстроенный, возбужденный до невозможности спать или думать о чемъ либо другомъ; и лежа на своей постели, цѣлыми часами переживалъ снова и снова событія и сцены, только что разсказанныя мнѣ съ такою мучительной живостью истины.

Одно дѣло — читать о нихъ въ холодномъ отчетѣ, вродѣ того, который я пытаюсь здѣсь дать; другое — слишать разсказы о нихъ въ трепещущихъ устахъ живыхъ людей, актеровъ въ описываемой трагедіи, которые сами лишь чудомъ вернулись въ міръ изъ этой долины, населенной тѣнями погибшихъ и погибающихъ. И если, при этихъ разсказахъ, мои глаза наполнялись слезами и мои руки судорожно сжимались въ кулакъ, въ порывѣ молчаливаго и безпощаднаго негодованія, — я не стыжусь этого; иногда я былъ бы радъ, если бы могъ облегчить себя слезами. За время нашего путешествія по Сибири намъ пришлось вынести не мало всякихъ физическихъ лишеній: холодъ, голодъ, усталость, болѣзнь, сопровождали насъ постоянно. Но эти лишенія еще можно выносить съ болѣе или менѣе философскимъ терпѣніемъ. Не то съ нравственными мученіями, съ вѣчнымъ зрѣлищемъ людскаго страданія, вызывающаго въ васъ всю силу симпатіи, на которую вы способны, держащаго въ крайнемъ напряженіи ваши нервы и быстро истощающаго ваши жизненныя силы. А такихъ мученій въ нашемъ путешествіи было еще больше, чѣмъ физическихъ. Прибавьте къ этому и постоянное безпокойство по поводу крайней шаткости нашего положенія передъ властями. До сихъ поръ, повидимому, за нами не слѣдили, но сосѣднюю съ нашей комнату занимало 4 офицера, между ними одинъ жандармскій капитанъ, и Фростъ утверждалъ, что онъ не разъ слышалъ черезъ тонкую перегородку обрывки разговоровъ нашихъ сосѣдей, изъ которыхъ явствовало, что они очень интересуются дѣйствительной цѣлью нашей экскурсіи и ищутъ способа заглянуть въ наши бумаги. Одною ночью, вернувшись домой часа въ 2, я долго не могъ заснуть, до крайности взволнованный только что выслушаннымъ разсказомъ объ убійствѣ въ Одесской тюрьмѣ политическаго заключеннаго Сомова. Я за-

жегъ свѣчу и попробовалъ читать. Прошло съ пол-часа гробоваго молчанія, прерываемаго только звуками правильнаго дыханія спящаго Фроста, какъ вдругъ „трахъ“ — надъ моей головой раздался въ сосѣдней комнатѣ револьверный выстрѣлъ. Встревоженный, я поднялся на локтѣ и сталъ слушать. — Нигдѣ ни звука, кромѣ легкаго шелеста осыпающейся съ перегородки штукатурки. Проснувшійся Фростъ поднялся на своей постели и спросилъ: „Въ чемъ дѣло?“

— Кто-то выстрѣлилъ въ нашу перегородку, — отвѣчалъ я шепотомъ.

— Который теперь часъ?

— Половина третьяго, — отвѣчалъ я, — но шт... молчите и слушайте!“

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали мы минуты двѣ; вездѣ полная тишина; въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ, тоже. Что это значитъ? Вѣдь, тамъ четыре человѣка; если это самоубійство, — товарищи самоубійцы должны бы были поднять тревогу. Выстрѣлъ былъ достаточно громокъ, чтобы поднять весь домъ. При такихъ условіяхъ, наступившая тишина была болѣе загадочна, чѣмъ самъ выстрѣлъ.

— „Надо постучать къ нимъ и спросить, въ чѣмъ дѣло“. — предложилъ Фростъ.

— „Ни коимъ образомъ, — отвѣчалъ я. Я боялся какъ нибудь попасть въ исторію и дать полиціи поводъ арестовать меня или порыться въ моемъ багажѣ. Мнѣ казалось, что намъ лучше лежать спокойно и быть, какъ говорятъ русскіе — „тише воды, ниже травы.“ Мы не ранены, — и слава Богу; да и слишкомъ невѣроятно было бы предположеніе, что стрѣляли въ насъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Въ комнатѣ офицеровъ началось нѣкоторое движеніе; раздалось щелканіе взводимаго и спускаемаго курка, и чей то голосъ шепотомъ спросилъ: „сколько еще у тебя патроновъ.“ Отвѣта и послѣдовавшаго затѣмъ короткаго разговора шепотомъ я немогъ разслышать. Скоро снова все замолкло и на этотъ разъ окончательно. Что означалъ этотъ эпизодъ, я до сихъ поръ не знаю. Вѣроятнѣе всего, что какой нибудь чудакъ хотѣлъ такимъ образомъ испытать нашу храбрость; если бы это было такъ, и если бы кто нибудь обратился бы ко мнѣ на слѣдующій день съ вопросомъ, я отвѣтилъ бы ему, что у насъ, въ Американскихъ отеляхъ, револьверный

выстрѣлъ совсѣмъ не диво, и что меня удивляетъ не выстрѣлъ, а то, что нѣтъ убитаго.

Я и теперь не знаю, знала ли полиція о моихъ сношеніяхъ съ читинскими ссыльными во время моего пребыванія тамъ. Впослѣдствіи она узнала объ этомъ. Я думаю это потому, что единственное письмо, которое я получилъ оттуда, — совершенно невинное письмо купца Немѣрова, — прежде чѣмъ попасть ко мнѣ въ руки, было вскрыто и прочтено.

До самой Читы я продолжалъ носить наиболѣе компрометирующія бумаги въ кожанномъ поясѣ, вокругъ тѣла. Но ихъ въ концѣ концовъ набралось такъ много, что надо было искать иного способа сохранять ихъ, на случай обыска. У меня былъ хорошій, для этой цѣли приготовленный, дорожный ящикъ для провизіи и чайныхъ принадлежностей, съ выдолбленными тайничками въ стѣнкахъ. Въ эти то тайнички я и задѣлалъ большую часть моихъ бумагъ. Такіе ящики встрѣчаются у путешественниковъ по Сибири очень часто, они должны постоянно находиться подъ рукою, и ни въ комъ бы не могло вызвать ни малѣйшаго подозрѣнія, если бы я постоянно носилъ бы его съ собою на станціи и т. п. Прочіе документы и нѣсколько писемъ отъ политическихъ ссыльныхъ въ Россію, которыя я везъ съ собою, я задѣлалъ въ переплетъ книгъ, которыя мнѣ дали въ Читѣ. Книги эти, — „Давидъ Копперфильдъ," „логарифмы" и номеръ русскаго журнала, — были все книги дозволенныя. Наконецъ, нѣсколько важнѣйшихъ для меня бумагъ задѣлалъ въ небольшую квадратную досточку, на которой масляными красками былъ нарисованъ портретъ одного изъ декабристовъ. Этотъ портретъ, какъ драгоцѣнная находка, былъ вполнѣ естественъ въ моихъ рукахъ любопытнаго иностранца. Чтобы добраться до нихъ, полиціи надо было переломать и перервать всѣ мои вещи.

Въ пятницу, 9 го декабря, мы провели послѣдній вечеръ въ бывшемъ домѣ декабристовъ, и въ послѣдній разъ, пропѣвши хоромъ: „Есть на Волгѣ утесъ" и обмѣнявшись разными подарками на память, на всегда простились съ Читинской ссыльной компаніей. На слѣдующее утро мы уже мчались къ Иркутску. Въ продолженіи 5 сутокъ ѣхали мы безостановочно, по 8 миль въ часъ, останавливаясь только для перемѣны лошадей, страдая отъ холода, голода и отсутствія сна до послѣдней степени. Байкалъ еще далеко не сталъ, но послѣдній пароходъ уже прошелъ. Намъ пришлось ѣхать „кругоморскимъ трактомъ," въ

объѣздъ озера—моря. Въ какихъ нибудь 50—60 миляхъ отъ Иркутска, на станціи не оказалось лошадей. Въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ уже мы были отрѣзаны отъ цивилизованнаго міра, и вдругъ новая остановка, такъ близко отъ Иркутска!... Мы напяли крестьянина до слѣдующей станціи, не зная, какую бѣду мы готовили себѣ на эту ночь. Холодно было до крайности, дорога была трудная, все съ горы на гору, и несчастныя крестьянскія лошаденки, полумертвыя отъ голода, послѣ первыхъ трехъ верстъ положительно отказались везти. Пришлось почти всю станцію пройти пѣшкомъ, ночью, въ темнотѣ, при страшномъ холодѣ, по гористой дорогѣ. Мы добрались до станціи только къ 2-мъ часамъ утра. Но... все кончается, и 15 Декабря мы въѣхали въ Иркутскъ и остановились въ Московской гостинницѣ. Здѣсь насъ ждало 50—60 писемъ съ родины; самое позднѣе изъ нихъ было послано 2 $^1/_2$ мѣсяца тому назадъ!

Было уже половина Декабря; термометръ показывалъ 30—35° мороза, но Ангара у Иркутска еще далеко не стала. Три недѣли прождали мы въ Иркутскѣ, но такъ и не дождались этого. Тогда мы рѣшили подняться подальше отъ Байкала, по ея правому, восточному берегу, гдѣ, какъ говорили свѣдущіе люди, ледъ уже долженъ былъ сковать непокорную рѣку. Мы продали свой тарантасъ, купили зимнюю кибитку и 8 Января направились къ Александровской Центральной тюрьмѣ. Эта тюрьма пользовалась тогда репутаціей одной изъ наилучшихъ и наибольшихъ въ восточной Сибири. Она расположена на правомъ берегу Ангары, миляхъ въ 40 отъ Иркутска, и при постройкѣ была предназначена для водочнаго завода. Въ 1874 г. она была перестроена на тюрьму, содержащую около 1000 каторжныхъ, осужденныхъ на работы. Иркутскій временный губернаторъ Петровъ описывалъ мнѣ ее какъ образцовую тюрьму, и мнѣ, естественно, хотѣлось видѣть это, въ своемъ родѣ, чудо. Послѣ пріятной 8-ми часовой ѣзды, мы пріѣхали въ поселеніе, гдѣ расположена тюрьма, часамъ къ 10-ти вечера напились чаю и улеглись спать, по обыкновенію, на полу. Утромъ слѣдующаго дня мы отправились къ смотрителю тюрьмы, — капитану Сипягину, который уже получилъ изъ Иркутска извѣстіе о нашей поѣздкѣ. Это былъ интеллигентный и образованный офицеръ, 35—45 лѣтъ отъ роду; онъ принялъ насъ чрезвычайно любезно, ни за что не захотѣлъ отпустить насъ безъ завтрака, послѣ котораго самъ повелъ насъ въ тюрьму.

Тюрьма эта представляетъ большое двухъ-этажное зданіе, подъ желѣзной крышей, окруженное обширнымъ дворомъ, ограниченнымъ высокой кирпичной стѣной. Само зданіе нѣсколько неправильной формы; въ самомъ длинномъ мѣстѣ оно считаетъ 300 ф., въ самомъ широкомъ — 100 ф. Въ немъ 57 большихъ общихъ камеръ, 10 одиночекъ и 5 секретныхъ — для особенно опасныхъ преступниковъ. Всего въ тюрьмѣ содержалось въ это время 992 человѣка; около 900 другихъ, окончившихъ испытуемые сроки, жили возлѣ тюрьмы въ вольной командѣ. — Мы пошли сперва въ „мельничную“, — большое помѣщеніе съ сводообразнымъ потолкомъ, гдѣ 75—100 арестантовъ на ручныхъ мельницахъ мололи рожь на муку для тюремнаго употребленія. Воздухъ здѣсь былъ свѣжій и хорошій; трудъ, хотя и тяжелый, не былъ непосильнымъ; рабочій, вертящій колеса, мѣнялся, какъ только уставалъ. Это единственный родъ тяжелаго и принудительнаго труда въ тюрьмѣ, — сказалъ мнѣ Сипягинъ; онъ не занимаетъ больше 3—4 часовъ въ день у каждаго. Изъ мельничной мы пошли по камерамъ, которыя занимаютъ главный корпусъ. Камеры различны по величинѣ; смотря по размѣрамъ, въ нихъ живутъ отъ 15 до 25 чел. Всѣ онѣ достаточно велики для того числа арестантовъ, которое ихъ занимаетъ; онѣ достаточно высоки; воздухъ въ нихъ достаточно чистъ; полы и нары вездѣ блестятъ чистотой, но зато и тутъ, въ образцовой тюрьмѣ, нѣтъ и признаковъ постельныхъ принадлежностей. Въ камерахъ вездѣ есть вентилляторы; коридоры высоки, просторны, свѣтлы и чисты... Изъ камеръ мы направились къ кухнямъ, гдѣ каждый день готовятъ пищу болѣе чѣмъ на 1000 человѣкъ, и гдѣ все гармонировало съ общей чистотой и порядкомъ. Я попробовалъ хлѣбъ и супъ, и то и другое было очень сносно. Порція каждаго арестанта состоитъ здѣсь а) 3 фунта ржанаго хлѣба, 7 унцевъ мяса и 3 унц. ячменю въ день, съ прибавкою отъ времени до времени картофели или иныхъ овощей. Чай и сахаръ не входятъ въ казенную порцію, но арестанты могутъ покупать эти продукты на свои деньги. Когда мы вышли изъ кухонъ, смотритель спросилъ насъ, не желаемъ ли мы взглянуть на школьную комнату. Я отвѣчалъ, что, конечно, да; если мы сами не выразили такого желанія, то лишь потому, что никогда не видѣли ничего подобнаго школьной комнатѣ въ русскихъ тюрьмахъ и даже не предполагали возможности ея существованія. Сипягинъ засмѣялся и провелъ насъ въ чистую,

свѣтлую комнату втораго этажа. Парты въ ней были сдѣланы самими арестантами въ тюремныхъ мастерскихъ, администрація доставила доску, глобусъ, карты Сибири и Св. Земли и нѣсколько дешевыхъ литографій. Комната была пуста, но смотритель сказалъ мнѣ, что арестанты часто сходятся здѣсь, чтобы читать, пѣть или слушать поученія священника. Тюрьма чрезвычайно нуждается въ книгахъ и для обученія, и для чтенія. Кромѣ нѣсколькихъ брошюръ и экземпляровъ священнаго писанія, оставленныхъ здѣсь преподобнымъ Ланделемъ, (только здѣсь я и нашелъ кое-какіе слѣды раздачи имъ книгъ), здѣсь нѣтъ ничего. — Изъ школьной мы пошли въ мастерскія, гдѣ 25—30 портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и пр. работали самымъ усерднымъ образомъ. Арестантамъ разрѣшалось работать всякую работу, на какую только они способны, причемъ $^1/_3$ получаемой платы они могли тратить въ тюрьмѣ, другая треть сохранялась до окончанія срока, а третья — удерживалась въ пользу казны. — Намъ осталось только осмотрѣть госпиталь. Онъ тоже оказался на высотѣ положенія, блисталъ чистотой и порядкомъ. Тюрьма, дѣйствительно, содержалась хорошо, и если и не могла бы быть названа „образцовою“ вообще, то, сравнительно съ другими сибирскими тюрьмами, была таковой по всей справедливости. Смотритель, казалось, былъ очень доволенъ, когда я высказалъ ему это откровенно, прибавивъ, что если тюрьма и нуждается кое-въ-какихъ улучшеніяхъ, чтобы стать вполнѣ безупречной, эти улучшенія не въ его власти и зависятъ отъ иного рода условій, чѣмъ личныя усилія смотрителя.

Мы потомъ пошли по тюрьмѣ еще разъ, ночью, когда всѣ тамъ уже давно спали. Заключенные рядами лежали на нарахъ, одѣтые, безъ подушекъ, подстилокъ и одѣялъ. Нѣкоторые изъ нихъ проснулись при громѣ засововъ и испуганно поднялись съ своихъ мѣстъ, но увидѣвъ, что никто ихъ не безпокоитъ, скоро улеглись снова. Во всѣхъ комнатахъ стояли параши, и воздухъ уже былъ нѣсколько испорченъ; но и въ это самое неблагопріятное время онъ былъ лучше, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ днемъ. Вообще, мнѣ кажется, Александровская тюрьма является свѣтлымъ исключеніемъ въ Сибири и дѣлаетъ честь ея смотрителю. Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ констатирую здѣсь это, что мнѣ такъ рѣдко приходится хвалить что нибудь въ этой области въ Сибири.

Въ понедѣльникъ утромъ мы простились съ Сипягиными и отправились дальше. Дорога шла вдоль рѣки, по ея покатому берегу, подъ нависшими крутыми утесами, подходящими къ ней иногда вплотную. Она была въ эту пору ужасна, усѣянная глыбами льда и налетами, образовавшимися при замерзаніи бурной рѣки. Приходилось постоянно лавировать между этими льдинами; нагромажденными одна на другую, совершать объѣзды и взбираться на крутые утесы. Наконецъ, береговая дорожная полоса стала такъ поката, что лошади начали поминутно скользить и падать. Пришлось съѣхать на тонкій, еще не достаточно окрѣпшій, береговой ледъ. Нѣкоторое время мы ѣхали благополучно, но недалеко отъ деревни Олонь произошла, наконецъ, давно жданная катастрофа. Ледъ не выдержалъ и проломился. Лошади и сани погрузились въ быстрый потокъ. Къ счастью, отводы саней поддерживали ихъ нѣкоторое время на поверхности, и мы успѣли соскочить на ледъ. Кое-какъ и сани и лошади были вытащены. Приходилось ворочаться въ Олонъ. Здѣсь, послѣ совѣщанія съ ямщиками, было рѣшено, что новая попытка была бы безумiемъ: дороги нѣтъ, ледъ — слишкомъ тонокъ; проломись онъ снова, вдали отъ помощи, да еще въ темнотѣ, — и дѣло можетъ кончиться очень дурно. Оставалось ждать до завтрашняго дня. Но къ вечеру въ деревнѣ отыскался смѣлый ямщикъ, который за 15 рублей, невѣроятно громадную по здѣшнимъ мѣстамъ плату, взялся свезти насъ на слѣдующую станцію какой— то другой, обходной и трудной дорогой по горамъ. Дороги тамъ, въ сущности, не было, но предпріимчивый ямщикъ, расчитывая на то, что снѣгъ былъ еще не глубокъ, надѣялся ее проложить. Въ половинѣ 11-го мы выѣхали. Я не помню ночи болѣе утомительной, безпокойной и ужасной, чѣмъ эта ночь. Около полуночи начался снѣжный буранъ. Мы скоро потеряли всякіе признаки дороги и продолжали путь по оврагамъ и кручамъ. Поминутно приходилось выпаскивать тяжелыя сани изъ этихъ, наполненныхъ снѣгомъ, овраговъ, поворачивать ихъ, поддерживать, втаскивать и т. д. Часамъ къ четыремъ я былъ въ полномъ изнеможеніи; въ груди началось острое колотье... я не могъ бороться дольше и, оставивъ Фроста и ямщика выпутываться, какъ знаютъ, забрался въ сани, укутался полушубками и скоро забылся, въ мрачныхъ предвкушеніяхъ неизбѣжнаго, очевидно, воспаленія въ легкихъ. Уже передъ разсвѣтомъ меня разбудилъ лай собакъ. Мы таки добрались какими-то судьбами

до жилаго мѣста. Передъ нами была цѣль нашего путешествія, маленькая деревушка Пашка. Погрѣвшись и закусивъ, мы отсюда безъ приключеній добрались до Каменки, переправились по ставшей здѣсь окончательно Ангарѣ на ея другую, западную сторону и остановились ночевать въ комфортабельномъ домикѣ почтовой станціи на большомъ Сибирскомъ трактѣ! —

X.

Послѣдняя сибирская трагедія.

Въ воскресномъ номерѣ „New-York Tribune," отъ 19-го Января, помѣщено слѣдующее письмо отъ „Случайнаго Корреспондента" въ Петербургѣ, по поводу недавняго избіенія русскихъ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ:

С. Петербургъ, 1-го Января.

„Сообщеніе Лондонской „Times" о избіеніи политическихъ ссыльныхъ, якобы произведенномъ послѣднею осенью властями въ Якутскѣ, въ Восточной Сибири, вызвало здѣсь значительную сенсацію. Императорское правительство обыкновенно относится съ молчаливымъ презрѣніемъ къ сообщеніямъ лондонскаго „громовержца," зная, какое положеніе въ этой газетѣ занимаетъ убійца генерала Мезенцева, Кравчинскій, болѣе извѣстный подъ литературнымъ псевдонимомъ „Степняка". Но въ данномъ случаѣ сообщеніе „Таймса" получило такое широкое распространеніе и вызвало въ континентальной прессѣ такой взрывъ негодованія, что царское правительство нашло полезнымъ оставить на время свою политику презрительнаго молчанія и дать оффиціальное разъясненіе событія. Оно отрицаетъ „избіеніе", но признаетъ, что двѣ кровавыхъ стычки съ ссыльными дѣйствительно имѣли мѣсто въ Якутскѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Около года назадъ Департаментъ полиціи получилъ свѣденія, что большинство нигилистическихъ брошюръ, прокламацій и пр. не только были написаны, но и напечатаны въ Сибири. Тѣмъ не менѣе рѣшено было провѣрить эти свѣденія на мѣстѣ, и капитанъ Русановъ, одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ 3-го Отдѣленія, былъ посланъ въ Сибирь. Послѣ тщательныхъ розысковъ, онъ открылъ въ Якутскѣ существованіе правильно обставленной нигилистической типографіи. Якутскъ, конечно, послѣднее мѣсто на землѣ, гдѣ можно было бы предположить устройство подобной типографіи: сюда ссылаются самые опасные и отчаянные политическіе преступники; самыя имена ихъ неизвѣстны мѣстнымъ властямъ, потому что, начиная съ Томска, они слѣдуютъ въ пути не подъ своими именами, а подъ но-

мерами; на мѣстѣ ссылки они должны быть подчинены самому строгому надзору.

Капитанъ Русановъ открылъ, однако, что ссыльные успѣли, при помощи большихъ денегъ, подкупить назначенныхъ для надзора за ними Байкальскихъ казаковъ, которые и помогали имъ переправлять въ Россію ихъ произведенія. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, Русановъ окружилъ домъ, въ которомъ помѣщалась типографія, отрядомъ полицейскихъ и солдатъ, и, послѣ кровопролитной стычки, въ которой было ранено револьверными пулями и сабельными ударами нѣсколько ссыльныхъ и солдатъ, хозяева типографіи были схвачены и брошены въ тюрьму. Черезъ нѣсколько недѣль они предстали передъ судомъ, который съ необычной при такихъ обстоятельствахъ снисходительностью, приговорилъ ихъ къ высылкѣ въ различныя отдаленныя мѣста. Цѣль судей была — разсѣять банду, разселивъ ея членовъ далеко другъ отъ друга и прекративъ, такимъ образомъ, всякое сообщеніе между ними. Оффиціальный рапортъ прибавляетъ, что, выйдя изъ залы суда, подсудимые внезапно напали на свой конвой, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ бросились съ револьверами на присутствовавшаго тутъ полицейскаго офицера. Солдаты бросились на выручку офицера и, прежде чѣмъ бунтъ былъ усмиренъ, пришлось убить и ранить пулями и штыками нѣкоторыхъ изъ бунтовщиковъ. Трое изъ уцѣлѣвшихъ были впослѣдствіи повѣшены, остальные осуждены, вмѣсто прежняго поселенія, на каторгу.

Это правительственное объясненіе встрѣчено здѣсь всеобщимъ довѣріемъ."

Утѣшительно, конечно, видѣть, что русскіе министры хотя до нѣкоторой степени считаются съ мнѣніями цивилизованнаго міра и находятъ нужнымъ давать ему объясненія, хотя и безстыдно лживыя объясненія, по поводу нѣкоторыхъ изъ своихъ возмутительныхъ дѣлъ; но, право, русское правительство поступило бы въ данномъ случаѣ умнѣе, если бы оно прошло, съ невиннымъ видомъ невѣденія, мимо этихъ послѣднихъ обвиненій „Таймса," а не прибѣгло бы къ вышеприведенному ряду объясненій, которыя уже слишкомъ очевидно нелѣпы и безстыдно лживы.

Якутское избіеніе случилось въ Мартѣ 1889 г. Даже въ странѣ, гдѣ жестокость и произволъ обыденны, такое событіе: — батальный огонь роты солдатъ, направленный противъ 15—20 почти безоружныхъ людей; штыковая работа, не оста-

навливающаяся передъ безоружными женщинами; повѣшеніе троихъ, и осужденіе остальныхъ на долгіе сроки каторги, — такое событіе должно было бы привлечь къ себѣ вниманіе самой беззаботной прессы. Оно слишкомъ важно, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на него. Однако, самый прилежный читатель русской періодической прессы не нашелъ бы въ ней все это время ни слова, ни намека по поводу этой ужасной исторіи; не потому, конечно, это произошло, что русскіе издатели находятъ нормальнымъ разстрѣливаніе беззащитныхъ людей, не потому, что они не знаютъ объ этомъ, а потому, что ихъ душитъ тяжелая рука цензуры. Я самъ получаю нѣсколько русскихъ изданій, между прочимъ: „Русскія Вѣдомости," „Вѣстникъ Европы" и „Восточное Обозрѣніе", издающееся въ Иркутскѣ, сравнительно близко отъ мѣста дѣйствія. Ни въ одномъ изъ нихъ — ни слова. Правительство не рѣшалось, очевидно, дать публикѣ даже свою редакцію факта. Если бы оно чувствовало себя правымъ, почему оно не сообщило своей странѣ, что, такъ и такъ, въ Якутскѣ открыта была типографія; ссыльныхъ судили; они, выйдя изъ залы суда, напали на конвой; усмиряя бунтъ, пришлось прибѣгнуть къ оружію и т. д. Оно не смѣло сдѣлать этого, потому что первое прикосновеніе критики разрушило бы безъ слѣда всю эту ложь и показало бы дѣло въ настоящемъ видѣ. Оно надѣялось упорнымъ молчаніемъ потушить это дѣло и оставить свою страну въ полномъ невѣденіи не только обстоятельствъ, сопровождавшихъ избіеніе, но и самого факта. Первые слухи о Якутской трагедіи дошли до меня прошлымъ лѣтомъ, въ частномъ письмѣ изъ Сибири. Съ тѣхъ поръ я получилъ изъ разныхъ концовъ Россіи 8 самостоятельныхъ и подробныхъ отчетовъ о ней, съ копіями оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ дѣлу, съ планами мѣста избіенія, съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ предсмертными письмами повѣшенныхъ и т. д. Эти отчеты составили бы въ печати цѣлый томъ. Получилъ я ихъ отъ 8-ми различныхъ лицъ, изъ различныхъ мѣстъ. Съ нѣкоторыми изъ приславшихъ ихъ я знакомъ лично и знаю ихъ за людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, неспособныхъ сознательно лгать, даже въ виду пользы для ихъ дѣла; наконецъ, они физически не могли сговориться между собой и составить общую редакцію отчета, даже если бы хотѣли этого; ни одинъ изъ нихъ не знаетъ о томъ, что другіе послали мнѣ эти отчеты и т. д. Едва ли мнѣ надо доказывать, что свидѣтельства, добытыя при такихъ усло-

віяхъ и взаимно подтверждающія другъ друга, заслуживаютъ полнаго довѣрія публики; и я увѣренъ, что американскій народъ, познакомившись съ ними, убѣдится вполнѣ въ жестокости и въ безстыдной лживости правительства, способнаго на такія дѣла и на такія объясненія.

Оффиціальныя сферы, на которыя ссылается „Случайный Корреспондентъ“ „Tribune“, прежде всего пытаются подорвать довѣріе къ сообщенію „Таймса“, приписавъ его хорошо извѣстному писателю Степняку и, затѣмъ, стараясь очернить послѣдняго въ глазахъ читателей. Это — не новый способъ: приписать непріятное разоблаченіе врагу и обозвать этого врага убійцей — въ глазахъ русскаго бюрократа замѣчательно ловкая стратегика. Я не буду защищать здѣсь Степняка: онъ можетъ сдѣлать это самъ. Я не знаю даже, принимаетъ ли онъ какое нибудь участіе въ „Таймсъ“; но я знаю, что сообщеніе, помѣщенное въ „Таймсъ“, совершенно истинно и совпадаетъ во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ съ 8 отчетами, имѣющимися у меня.

„Случайный Корреспондентъ“ „Tribune“ сообщаетъ, что Якутская трагедія была косвеннымъ результатомъ открытія тамъ капитаномъ Русановымъ правильно устроенной нигилистической типографіи. Это ложь, и во всѣхъ отношеніяхъ. Генералъ — а не капитанъ, Русиновъ — а не Русановъ, совершалъ свой объѣздъ Сибири съ миссіей, — изслѣдовать условія существованія политическихъ ссыльныхъ,— два года тому назадъ, въ Якутской области не былъ вовсе и давно уже возвратился изъ своей поѣздки. Это тотъ самый генералъ, главными подвигами котораго были: — прекращеніе „Сибирской Газеты“ за то, что въ ней участвовали нѣкоторые ссыльные, и распоряженіе соскоблить съ крестовъ и надгробныхъ плитъ на могилахъ политическихъ ссыльныхъ въ Томскомъ кладбищѣ имена и эпитафіи умершихъ. Между прочими надписями были соскоблены и слова Спасителя: „больше сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя.“ Я готовъ допустить, что чиновникъ, способный *такъ* преслѣдовать ненавистныхъ ссыльныхъ даже въ ихъ могилахъ, способенъ бы былъ открыть и нигилистическую типографію въ городѣ, гдѣ онъ никогда не былъ; но, если и такъ, то почему же онъ не арестовалъ ее тогда, когда былъ еще въ Сибири? Почему онъ ждалъ цѣлый годъ?

Люди, которые знаютъ Якутскъ, какъ я его знаю, видятъ съ перваго взгляда, что исторія открытія въ немъ нигилисти-

ческой типографіи есть явная, невѣроятно-нелѣпая басня. Типографскіе станки не растутъ въ Россіи на деревьяхъ. Ихъ считаютъ опаснѣе динамита въ рукахъ „неблагонамѣренныхъ“ людей, и добывать ихъ безъ разрѣшенія — стоитъ невѣроятныхъ трудностей и большихъ средствъ даже въ Петербургѣ и Москвѣ. Какъ могла бы добыть такой станокъ кучка безправныхъ ссыльныхъ въ Якутскѣ, безъ средствъ, подъ строжайшимъ надзоромъ? Наконецъ, въ Якутскѣ не издается ни книгъ, ни газетъ, и на 1000 миль кругомъ нѣтъ никакихъ типографскихъ принадлежностей. Но, и помимо этого, зачѣмъ ссыльнымъ типографія въ Якутскѣ, если бы они и могли устроить ее. Якутскъ — полудеревня съ 6000 жителей, изъ которыхъ половина полудикіе туземцы; всѣ тамъ знаютъ всю подноготную другъ о другѣ. Полиціи извѣстно, кто какъ живетъ и что дѣлаетъ; почтмейстеру извѣстно, кто кому и что пишетъ и посылаетъ. Какъ ссыльные могли бы отсылать въ Россію, за 4000 миль, свои печатныя произведенія, если бы даже у нихъ и была типографія?

Далѣе „Случайный Корреспондентъ“ сообщаетъ со словъ оффиціальныхъ лицъ, что въ Якутскъ высылаютъ „самыхъ опасныхъ и отчаянныхъ государственныхъ преступниковъ,“ которыхъ и имена даже неизвѣстны мѣстному начальству; мѣсто именъ занимаютъ номера съ самаго Томска . . . и т. д. Все это нелѣпѣйшій и чистѣйшій вздоръ. Половина Якутскихъ политическихъ ссыльныхъ — административно ссыльные, т. е. люди, противъ которыхъ не найдено уликъ, сколько нибудь достаточныхъ для преданія ихъ суду; таковы эти „самые опасные преступники, которыхъ и судить было не за-что. Далѣе, всѣ ссыльные — и уголовные, и политическіе — во всѣхъ частяхъ Сибири, въ томъ числѣ и въ Якутскѣ, конечно, извѣстны подъ своими именами и нигдѣ, даже на рудникахъ, не практикуется система обозначенія ссыльныхъ и заключенныхъ номерами. Конечно, имена эти бываютъ иногда ложныя, но это только въ тѣхъ случаяхъ, когда власти не знаютъ настоящихъ и вынуждены принимать тѣ, которыя имъ даютъ заключенные. Такъ, я знаю, что одинъ бродяга шелъ въ партіи подъ именемъ „№ 2“, потому что онъ скрылъ свое настоящее имя и выбралъ это, какъ бродяжескую кличку.

Далѣе, „Случайный Корреспондентъ“, въ объясненіе избіенія, сообщаетъ, что эти „самые опасные и отчаянные ссыльные, выходя изъ залы суда, осудившаго ихъ за имѣніе

тайной типографіи, внезапно напали съ револьверами на конвой. При усмиреніи этого бунта начальство и прибѣгло къ оружію.

Читая сообщеніе „Tribune“, можно подумать, наконецъ, что русскіе ссыльные и заключенные обладаютъ чудодѣйственнымъ секретомъ доставать себѣ не только типографскіе станки, но и заряженные револьверы, при условіяхъ совершенно для этого невозможныхъ. Всякій, знающій порядки русскихъ — да и иныхъ — тюремъ, прекрасно знаетъ, что прежде чѣмъ арестанта запираютъ въ камеру, его тщательно обыскиваютъ; его обыскиваютъ еще тщательнѣе, когда ведутъ на судъ. Какъ при такихъ условіяхъ Якутскіе ссыльные могли напасть на конвой съ револьверами въ рукахъ, — остается неразрѣшимой загадкой. Русскіе полицейскіе чины не блещутъ умомъ, но они во всякомъ случаѣ не такъ наивно глупы, чтобы позволить своимъ „самымъ опаснымъ и отчаяннымъ“ преступникамъ нагружать свои карманы заряженными револьверами, идя изъ тюрьмы въ судъ.

Такимъ образомъ, оффиціальный варіантъ корреспондента „Tribune“ на всѣхъ своихъ подробностяхъ носитъ слѣдъ грубой и глупой поддѣлки, разсчитанной на простодушныхъ читателей, совершенно незнакомыхъ съ условіями Якутской ссылки. Нѣтъ. Якутская исторія не была результатомъ, ни открытія тамъ тайной типографіи, ни вооруженнаго нападенія ссыльныхъ на конвой; она была прямымъ слѣдствіемъ глупости и грубой свирѣпости властей, и косвеннымъ — безсмысленнаго и жестокаго распоряженія временнаго губернатора Осташкина. Онъ рѣшилъ отправить 20—30 административныхъ въ полярные округа Якутской области, не подготовивъ ничего для этой отправки, имѣя въ виду послать ихъ туда большими партіями, которыя почти неминуемо погибли бы по дорогѣ, гдѣ негдѣ достать пищи, гдѣ такъ недостаточны перевозочныя средства. Я хорошо знаю эту страну. Зимою 1867 г. я проѣзжалъ по ней на собакахъ, при чемъ термометръ стоялъ на 40—50° мороза. Одинъ изъ моихъ спутниковъ чуть не замерзъ; я самъ страдалъ отъ холода до крайности, не смотря на то, что я былъ одѣтъ, питался очень хорошо и ѣхалъ безъ задержекъ. Въ эту то полярную пустыню Осташкинъ хотѣлъ бросить толпу людей, съ женщинами и дѣтьми, безъ запаса пищи и иныхъ принадлежностей пути, не озаботившись о перевозочныхъ средствахъ и прочее. Когда ссыльные обратились къ губернатору съ просьбой внести кое-какія измѣненія въ свои распоряженіе, онъ послалъ въ домъ, гдѣ они собрались въ ожиданіи

отвѣта, отрядъ вооруженныхъ солдатъ, съ приказаніемъ взять ихъ въ полицію. Солдаты начали гнать ссыльныхъ прикладами и штыками; иные изъ ссыльныхъ рѣшили сопротивляться, и вотъ послѣдовало то ужасное избіеніе, которое разсказано въ „Таймсъ“; въ результатѣ 6 человѣкъ было убито, въ томъ числѣ молодая дѣвушка, поднятая на штыки, 9 тяжело ранено, остальные жестоко избиты и брошены въ тюрьму.

„Таймсъ„ спрашиватъ: “возможно ли, чтобы такія вещи дѣлались съ вѣдома царя, который слыветъ за гуманнаго человѣка? Неужели онъ до такой степени ослѣпленъ своимъ абсолютизмомъ, что успѣлъ заковать свою грудь въ непроницаемую броню, отъ которой, какъ онъ стѣны, отскакиваютъ всѣ эти исторіи страданій, насилій и жестокостей, которыя лишь приводятъ въ бѣшенство людей, противъ которыхъ направляются. Если нѣтъ, — вотъ прекрасный случай прекратить, наконецъ, эти сцены ужаса, позорящія его правительство и его религію.

Пережившіе страшное кровопролитіе были судимы военнымъ судомъ, безъ защитниковъ, по обвиненію въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и всѣ признаны виновными. Трое были повѣшены; четырнадцать, изъ нихъ 4 женщины, приговорены къ вѣчной каторгѣ; 5 — къ пятнадцатилѣтней; 4-хъ несовершеннолѣтнихъ — къ 10 лѣтней и 2-хъ — къ ссылькѣ въ Верхоянскъ и Среднеколымскъ. И такой приговоръ иные называютъ „необычно снисходительнымъ“ со стороны судей. Не такую — ли же „необычную снисходительность“ со стороны палачей доказываетъ и тотъ фактъ, что одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти, Коганъ-Бернштейнъ, получившій во время избіенія 4 опасныхъ раны пулями и пролежавшій 5 мѣсяцевъ въ тюремномъ госпиталѣ, былъ поднесенъ на кровати къ эшафоту, гдѣ на него надѣли петю и затѣмъ повѣсили, выдернувъ изъ подъ него его кровать? О, если это „умѣренность“, „снисходительность“, то какова же должна быть русская жестокость?!

Одинъ изъ повѣшенныхъ, за 2 часа передъ смертью, написалъ поспѣшную записку своимъ товарищамъ. Въ ней онъ говоритъ между прочимъ: „мы не боимся смерти; но постарайтесь вы, чтобы наши смерти не прошли даромъ, — сообщите объ этомъ Кеннану. . . . .“

Этотъ призывъ ко мнѣ не останется безъ послѣдствій. Если я буду жить, весь говорящій по англійски свѣтъ будетъ знать всѣ подробности этого ужаснаго преступленія.

XI.

Подвиги цензуры.

Немногіе изъ иностранцевъ знаютъ, до чего стѣсняется печатное выраженіе мнѣній и распространеніе свѣденій въ Россіи правительственной цензурой. Мы, обыкновенно, знаемъ, что въ Россіи такая цензура существуетъ, что она задерживаетъ прогрессивную интеллектуальную дѣятельность вообще, политическую, революціонную въ частности, но рѣдко кто изъ насъ имѣлъ случай видѣть, до какихъ размѣровъ доходитъ ея ретроградная сила. Она не только затыкаетъ всѣмъ рты, не допуская обсужденія общественныхъ дѣлъ, она завязываетъ всѣмъ глаза, не позволяя, такимъ образомъ, даже видѣть дѣйствительное положеніе страны. Я не думаю, что съ моей стороны будетъ преувеличеніемъ сказать, что Лондонецъ, читая „News," „Times," „Standart" и т. д., имѣетъ гораздо болѣе ясныя и точныя свѣденія о цѣлыхъ категоріяхъ фактовъ русской политической жизни, чѣмъ петербургскій житель со всѣми русскими газетами подъ рукою. Такое не обычное и не нормальное положеніе вещей объясняется, однако, при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ томомъ, изданнымъ Министерствомъ В. Д. и извѣстномъ какъ „Законы о печати." Чтобы показать, какъ эти законы устраняютъ не только обсужденіе, но даже самый легкій намекъ на многіе важные общественные вопросы, я разскажу здѣсь одинъ случай изъ моего личнаго опыта.

Въ Іюнѣ 1886 г. въ Казани засѣдало якобы представительное собраніе, въ насмѣшку названное мѣстными либералами „Чумной Парламентъ." Оно состояло изъ делегатовъ отъ приволжскихъ земствъ и было созвано съ цѣлью изыскать мѣры противъ свирѣпствовавшей тогда по Волгѣ скотской эпидеміи. Я былъ въ это время въ Казани, и въ самое утро открытія „Парламента" бесѣдовалъ о русскихъ дѣлахъ съ моими гостями, редакторомъ одной изъ мѣстныхъ газетъ и профессоромъ мѣстнаго университета.

„Мнѣ слѣдуетъ, я думаю, — сказалъ редакторъ, — помѣстить въ завтрашнемъ номерѣ передовую по поводу того, что этимъ собраніемъ делегатовъ слѣдовало бы воспользоватся

для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ, интересующихъ приволжскія губерніи."

— „Знаете-ли вы, что изъ этого выйдетъ? — спросилъ профессоръ.

— „Что же можетъ изъ этого выйти? — отвѣчалъ, смѣясь, редакторъ.

— А то, что завтра же утромъ и ваша газета, и „Чумной Парламентъ" окончатъ свое существованіе."

— „Да неужели же, вмѣшался я, газетѣ не позволятъ сдѣлать даже такой безобидный намекъ?"

— „Само собой разумѣется, нѣтъ, — отвѣчалъ профессоръ. — Нашъ губернаторъ получилъ строжайшее распоряженіе отъ министра В. Д., никоимъ образомъ не допускать выходить преніи изъ строго опредѣленныхъ границъ одного поставленнаго передъ собраніемъ вопроса и каждый день сообщать ему по телеграфу полное резюме дебатовъ. Х. (редакторъ) можетъ прикрывать и затушевывать свой намекъ сколько ему угодно, — я убѣжденъ, что цензоръ непропуститъ его."

— „Я все-таки попробую, сказалъ редакторъ, и если Вы зайдете, м-ръ Кеннанъ, въ редакцію часовъ въ 11—12 ночи, Вы узнаете результатъ попытки.

Въ назначенный часъ я былъ въ редакціи. Около полуночи раздался звонокъ, и минуту спустя въ комнату вбѣжалъ прислужникъ и съ крикомъ — „отъ цензора!" — бросилъ на столъ передъ нами книгу корректуръ.

Х. быстро просмотрѣлъ ихъ и передалъ мнѣ, не говоря ни слова, корректуру передовой статьи — „Собраніе делегатовъ приволжскихъ земствъ." Тонъ этой статьи былъ совершенно невинный, даже съ точки зрѣнія самого узколобаго и консервативнаго бюрократа. Но въ заключительныхъ строкахъ, въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ, указывалось на то, что, быть можетъ, было бы недурно, чтобы собравшіеся делегаты воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ и коснулись бы въ своихъ дебатахъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, столь же важныхъ для Поволжья, какъ и свирѣпствующая эпидемія. Весь этотъ заключительный параграфъ былъ перечеркнутъ красными чернилами, и на поляхъ красовалась надпись цензора: „запрещено." Предсказаніе профессора исполнилось. Правительство нашло возможнымъ допустить, или даже вызвать коллегіальное обсужденіе мѣръ, направленныхъ противъ скотской эпидеміи въ Поволжьи; но мысль, что делегаты могли бы обратить свое

вниманіе и на нужды жителей края, показалась его цензору какимъ-то мятежнымъ поползновеніемъ на священныя прерогативы короны. Съ скотской эпидеміей можно бороться, но на бюрократическую эпидемію нельзя даже намекать, хотя бы въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ „нѣкоторые другіе вопросы.“

Возвратившись изъ Сибири въ Европейскую Россію, я съ особеннымъ интересомъ занялся системой русской предварительной цензуры и посвятилъ этому вопросу очень много времени. Я никогда не упускалъ случая побесѣдовать съ знакомыми редакторами и писателями; проводилъ длинные часы въ редакціяхъ и съ интересомъ вслушивался въ разнообразныя коментаріи, которыми всегда сопровождалось появленіе отъ цензора перемаранныхъ корректуръ; я, наконецъ, составилъ себѣ довольно богатую коллекцію такихъ корректуръ, осязательно иллюстрирующихъ эту систему репрессій и показывающихъ всю ограниченность предѣловъ, въ которыхъ можетъ вращаться мысль и дѣятельность русскаго писателя.

Послѣдніе корректурные листы приносятся отъ цензора въ редакцію ежедневной газеты часовъ въ 12—1 ночи. Но весь вечеръ до этого послѣдняго часа въ редакціи царитъ обыкновенно оживленіе, усиливающееся при каждомъ призывномъ крикѣ: „отъ цензора,“ которымъ объявляется о полученіи корректуръ. Редакціонный штабъ собирается вокругъ редактора, который наскоро сообщаетъ другимъ, какія измѣненія и разрушенія произвела въ ихъ произведеніяхъ неумолимая рука хранителя общественнаго благомыслія и морали. Происходитъ быстрое совѣщаніе: вычеркутыя мѣста въ статьяхъ замѣняются другими; статьи, слишкомъ для этого исковерканныя, хоронятся окончательно, и на мѣсто ихъ наскоро пишутся другія. Изуродованный и окровавленный газетный трупъ покрываютъ пластырями и перевязками и отсылаютъ къ цензору для новыхъ операцій, и т. д. до 12—1 ночи, когда корректуры въ послѣдній разъ являются въ редакцію, и цензоръ отправляется опочить отъ дѣлъ своихъ. Москва можетъ сгорѣть до основанія, царь можетъ погибнуть въ какомъ нибудь покушеніи..., но послѣ того, какъ цензоръ удалился на покой, ни одна новая строка не можетъ появиться въ газетѣ.

Иные читатели могутъ подумать, что русскіе цензора, обладая такою громадною властью, не злоупотребляютъ ею, пользуются ею съ осмотрительностью и снисхожденіемъ. Что это да-

леко не такъ, достаточно краснорѣчиво говорятъ имѣющіеся въ моихъ рукахъ обращики корректуръ, возвращенныхъ отъ цензора: вовсе не рѣдкость, что въ одной газетѣ вычеркнуты, какъ „неумѣстныя“ или „вредныя“, 8—10 статей, не говоря уже о безчисленныхъ помаркахъ и поправкахъ въ тѣхъ, которыя оставлены, какъ „безвредныя.“

Ночью съ 9 на 10 Мая 1881 г. редакторъ-издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ, Адріяновъ, получилъ отъ цензора корректурные листы для завтрашняго номера газеты въ самомъ жалкомъ видѣ: по крайней мѣрѣ половина матеріала была безжалостно перечеркнута. Адріяновъ, возмущенный до глубины души этой послѣдней каплей, переполнившей чашу давно накоплявшейся горечи, принялъ на этотъ разъ героическое рѣшеніе. Онъ ничѣмъ не замѣнилъ вычеркнутыя мѣста, оставилъ на ихъ мѣстѣ пустоты и въ такомъ видѣ выпустилъ на завтра номеръ своей газеты. „Сибирская Газета“ отъ 10-го Мая навѣрное затмила оригинальностью своего внѣшняго вида все до сихъ поръ бывшее. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ пустаго полу-столбца бѣлой бумаги, слѣдовало продолженіе какой-то статьи, даже не начинающееся иногда съ большой буквы; въ другомъ красовался непонятный параграфъ, безъ начала и конца; въ третьемъ, среди безграничнаго моря бѣлой бумаги, виднѣлось нѣсколько маленькихъ островковъ напечатаннаго шрифта и т. д.

Необычный видъ газеты произвелъ въ городѣ сенсацію, и никогда она еще не распродавалась такъ успѣшно. Но полиція не зѣвала: быстро послѣдовало распоряженіе арестовать и уничтожить номеръ. Это распоряженіе было исполнено такъ удачно, что едва ли одинъ номеръ избѣгъ этой печальной участи. Самъ Адріяновъ не могъ мнѣ достать хоть одинъ экземпляръ, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, разсказывалъ мнѣ эту исторію. Но онъ далъ мнѣ, взамѣнъ, слѣдующій номеръ газеты, гдѣ, *съ разрѣшенія цензора,* было напечатано слѣдующее „обращеніе къ читателямъ:“

„Издатель „Сибирской Газеты“ считаетъ своимъ долгомъ увѣдомить подписчиковъ газеты, что 11-й номеръ ея не могъ быть имъ разосланъ по слѣдующей причинѣ: не находя въ нашихъ законахъ о печати ничего, что запрещало бы оставлять пустыми мѣста, не разрѣшенныя къ печати правительственнымъ цензоромъ, издатель усвоилъ эту систему. Но, въ отвѣтъ на запросъ по этому поводу, онъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ гофмейстра П. П. Вяземскаго, временно исправляющаго должность

главноуправляющаго по дѣламъ печати: „пустыя мѣста въ столбцахъ газеты являются косвеннымъ протестомъ противъ предварительной цензуры, и не могутъ быть допущены.“

Несчастная „Сибир. Газета“ была съ тѣхъ поръ два раза пріостановлена за „упорно-враждебное направленіе“ и, наконецъ, прекращена зато, что пользовалась сотрудничествомъ политическихъ ссыльныхъ и помѣстила на своихъ столбцахъ извѣщеніе о смерти одного изъ нихъ, Забалуева. „Вредное направленіе“ газеты, насколько можно судить объ этомъ по цензурнымъ отмѣткамъ на лежащихъ теперь передо мною корректурныхъ листахъ ея, проявлялось въ попыткахъ ея привлечь вниманіе общества на продажность, взяточничество, вымогательства и произволъ сибирскихъ чиновниковъ, „грѣшки“ которыхъ она немилосердно разоблачала. Ея издатель, Адріяновъ, — человѣкъ безупречнаго характера, — теперь состоитъ членомъ Западно-Сибирскаго Императорскаго Географическаго Общества и занимается археологическими изысканіями; археологія, имѣющая дѣло съ доисторическимъ періодомъ, есть одна изъ тѣхъ рѣдкихъ отраслей человѣческаго знанія, въ которую мало вмѣшивается русская цензура, и, быть можетъ, Адріяновъ окончитъ свои дни спокойно; но бѣда ему, если онъ откопаетъ какія нибудь древнія надписи, свидѣтельствующія о томъ, что были народы, не знавшіе благодѣяній цензуры и царскаго всемогущества.

Американскому писателю кажется крайне нелѣпымъ и непослѣдовательнымъ — сжечь цѣлый номеръ газеты за пустыя мѣста, оставленныя тамъ, гдѣ гуляло цензорское перо и затѣмъ, въ слѣдующемъ номерѣ, позволять редактору объяснить всѣ обстоятельства дѣла въ „обращеніи къ читателямъ.“ Но.... пути русской бюрократіи неисповѣдимы. Я знаю еще одинъ случай въ исторіи русской прессы, когда газета старалась обойти правительственное распоряженіе и обратить на него вниманіе публики. Это было въ Февралѣ 1886 г. Вся Россія дѣятельно готовилась отпраздновать 25-лѣтній юбилей 19-го Февраля. Никто, конечно, не предполагалъ, чтобы правительство позволило себѣ помѣшать празднованію самого памятнаго событія въ русской исторіи послѣдняго времени. Однако, реакціонная ревность графа Толстого, — тогда министра В. Д., — не остановилась передъ этимъ, и по всей Россіи были разосланы распоряженія, недопускать въ этоть день ни малѣйшихъ демонстрацій публичнаго характера и запретить всѣмъ газетамъ касаться освободительнаго манифеста и сопряженныхъ съ нимъ событій. Въ ре-

зультатѣ, въ день 19-го Февраля, всѣ русскія газеты, — за исключеніемъ одной, — появились какъ въ самый обычный день и ни словомъ, ни намекомъ не помянули знаменательнаго событія. Всѣ — кромѣ одной. Это единственное исключеніе — „Русскія Вѣдомости“. Не имѣя возможности высказать передъ публикой то, что они считали своимъ долгомъ высказать по поводу 25-тилѣтія 19-го Февр., они рѣшили отпраздновать этотъ день единственнымъ доступнымъ имъ способомъ: газета въ этотъ день совсѣмъ не появилась. Она предпочла замолчать, чѣмъ съ самодовольно-рабскимъ видомъ носить намордникъ и показывать всѣмъ, какъ будто бы его не замѣчаешь. Если бы министръ В. Д. былъ предувѣдомленъ объ этомъ заранѣе, онъ, конечно, заставилъ бы „Р. Вѣдомости“ выпустить свой ежедневный номеръ; но онъ не зналъ ничего, и типографія газеты была заперта въ ночь съ 18-го на 19-е. Когда на слѣдующее утро читатели газетъ замѣтили отсутствіе „Русскихъ Вѣдомостей,“ по всему городу быстро разнесся торжествующій шепотъ: „этимъ молчаніемъ празднуется 25-тилѣтіе освобожденія крестьянъ.“

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ читатель можетъ составить себѣ нѣкоторую идею о томъ, какъ царское правительство управляетъ своими газетами и журналами, если тѣ пытаются проявлять свое „вредное направленіе“. Но, вѣдь, въ имперіи очень распространены иностранные журналы, издающіеся въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Іоркѣ и разносящіе заразу по всему міру. Какъ защитить своихъ подданныхъ отъ этой „язвы“? Русская цензура, могущественная у себя дома, не можетъ перечеркивать красными чернилами корректуры „Times“; она не можетъ запретить „Century Magazine“ за рядъ статей о ссылкѣ. Что дѣлать? Какъ обезвредить ядъ мятежа, который эта чужая пресса вноситъ въ дѣвственную Россію? Русское правительство разрѣшаетъ этотъ вопросъ съ свойственной ему рѣшимостью и основательностью. Оно, прежде всего, провозгласило преступленіемъ обладаніе запрещенными литературными произведеніями. И, затѣмъ, смѣло нарушая неприкосновенность своихъ же почтовыхъ посылокъ, оно начало задерживать и просматривать каждый экземпляръ иностранной литературы, идущій въ Россію, для чего былъ организованъ цѣлый штатъ „рѣшительныхъ“ цензоровъ, на обязанности которыхъ было вырѣзывать или затушевывать всѣ статьи и параграфы, неблагопріятно отзывающіеся о русской правительственной системѣ и вообще отличающіеся „вреднымъ направленіемъ.“

Въ число этихъ послѣднихъ попали, конечно, и мои статьи о Сибири и ссылкѣ, не смотря на мои военныя хитрости. Думая пріучить русскихъ цензоровъ къ представленію о „Century Magazine," какъ о сравнительно невинномъ журналѣ, я началъ посылать номера его въ Россію, еще до объявленія о будущемъ появленіи въ этомъ журналѣ моихъ статей о Россіи: „можетъ быть, хоть нѣсколько первыхъ статей пройдутъ, прежде чѣмъ спохватятся усыпленные церберы, думалъ я. Но мои хитрости не привели ни къ какимъ результатамъ, и я не усыпилъ русскихъ цензоровъ. Первый же номеръ журнала, посланный мною въ Россію, въ которомъ была помѣщена первая изъ моихъ статей о Россіи — „Визитъ къ гр. Толстому" — былъ задержанъ; статья эта была вырѣзана, и съ тѣхъ поръ ни одна послѣдующая статья не успѣла ускользнуть отъ цензорскихъ ножницъ. Лѣтомъ 1888 г. м-ръ Голлъ, американецъ, путешествовавшій въ Россіи, получилъ свой номеръ „Century," въ которомъ на этотъ разъ не только статья о Сибири, но и почти всѣ листы объявленій были безжалостно вырѣзаны. Онъ обратился за разъясненіями въ полицію. Онъ понималъ еще, почему вырѣзываютъ статьи о Россіи, но объявленія?.... развѣ потому, сказалъ онъ шутливо, что въ этихъ объявленіяхъ главнымъ образомъ расхваливаютъ американское мыло, продуктъ, насколько онъ могъ судить изъ своихъ поѣздокъ, строго запрещенный въ Россіи?.... Эта шутка чуть не обошлась ему очень дорого, и онъ едва успѣлъ успокоить возмущеннаго чиновника, который, въ концѣ концовъ, согласился посмотрѣть на эти слова какъ на шутку и самымъ серьезнымъ образомъ отвѣтилъ ему на поставленный вопросъ, что эти объявленія вырѣзаны, потому что въ нихъ рекомендуютъ „безбожныя книги". Какія? Когда? — такъ это и осталось невыясненнымъ.

Изъ посланныхъ мною въ Россію номеровъ „Century", ни одинъ не дошелъ благополучно. Всѣхъ ихъ на границѣ изувѣчили немилосерднѣйшимъ образомъ. Увѣчья эти терпѣли не только мои статьи, но многія главы „Жизни Линкольна." Обезвреживаніе иностранныхъ книгъ на границѣ происходитъ двоякимъ образомъ: если статья длинна и опасна сплошь, ее просто на просто вырѣзываютъ; если въ ней опасны лишь отдѣльныя мѣста, ихъ закрашиваютъ типографскими чернилами, при помощи особеннаго четырехугольнаго штампа, шириною въ обычную газетную колонну. Этотъ штампъ насеченъ и даетъ на бумагѣ оттискъ, состоящій изъ пересѣкающихся чертъ и

бѣлыхъ полосъ и напоминаетъ собою видъ зернистой икры. У меня сохраняется одинъ номеръ Century, исправленный такимъ образомъ. Вся моя статья вырѣзана; ея начало и конецъ, связанные съ другими статьями журнала, заштампованы, и невредимыми остались лишь моя подпись — George Kennan и слова: „Фростъ нарисовалъ.“ — Русскому читателю, который захотѣлъ бы узнать, что же такое „Фростъ нарисовалъ,“ а „Kennan“ написалъ, остается только попросить первый попавшійся иностранный книжный магазинъ вырѣзать запрещенную статью и переслать ее ему въ Россію съ письмѣ; и пока русское правительство не прекратило всѣхъ сношеній Россіи съ Европой и допускаетъ между ними почтовое сообщеніе и не подвергаетъ частную переписку цензорскому контролю, и штамповка, и вырѣзываніе, и проч. подвиги иностранной цензуры останутся совершенно безполезнымъ варварствомъ, не предохраняющимъ отъ заразы россійскихъ границъ. Хотя всѣ посланные мною въ Россію номера Century прошли чрезъ цензорскія операціи, — мои статьи нашли себѣ путь въ Россію, были тамъ даже переведены, гектографированы и забрались даже до Восточной Сибири. Мнѣ больно сказать, что нѣкоторые изъ русскихъ успѣли даже пострадать за нихъ. Между прочимъ, пострадалъ и одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, бывшій ссыльный Бѣлоконскій, которому я послалъ по его усиленной просьбѣ мои статьи въ Century. Вотъ письмо, изъ котораго я узналъ эту печальную новость:

„Дорогой м-ръ Кеннанъ! Пользуюсь случаемъ, чтобы написать Вамъ нѣсколько и сообщить непріятную новость. Я не знаю, слышали-ли Вы уже, что Вашъ пріятель, Иванъ Петровичъ Бѣлоконскій имѣлъ раньше непріятности по случаю посланныхъ ему Вами картинъ, иллюстрацій къ вашимъ статьямъ. Его пріятель, которому онъ далъ эти картины, былъ арестованъ; картинамъ придали чрезвычайно вольное значеніе; Бѣлоконскаго много допрашивали, и, въ концѣ концовъ, изъ Петербурга было получено распоряженіе, наблюдать за нимъ „съ особымъ вниманіемъ“. 29-го Апрѣля 1889 г. ночью у него сдѣлали обыскъ. Ничего не было найдено, кромѣ сочиненія Леруа Болье „L'empire des Tzars“ и нѣсколькихъ Вашихъ статей изъ Century. Тѣмъ не менѣе, 8-го Мая его позвали на допросъ, откуда отправили въ тюрьму. Васъ, конечно, это удивляетъ: за что, почему? . . . Но мы, русскіе, такъ привыкли къ такимъ видамъ, что давно перестали имъ удивляться . . . Такъ, только немного сердце сожмется отъ боли . . . . и т. д“

Комментаріи тутъ безполезны. Мой пріятель Бѣлоконскій будетъ, вѣротно, отправленъ административно въ Сибирь за то, что у него нашли мои статьи, и я ничѣмъ не могу помочь ему.

На что же надѣется, чего думаетъ добиться русское правительство, вырѣзывая статьи, говорящія лишь правду о Россіи и бросая въ тюрьму людей, у которыхъ такія статьи находятъ?

Извѣстный русскій писатель Пругавинъ, въ книгѣ, которая какъ-то случайно была пропущена въ началѣ цензурой и лишь впослѣдствіи была изъята изъ обращенія и сожжена, — задаетъ себѣ тотъ же вопросъ: „Можно ли задушить идею? — говоритъ онъ. Можетъ ли мысль быть убита, погребена и уничтожена? Развѣ истина, любовь и справедливость не безсмертны? Это самая ужасная ошибка — думать, что можно задавить идею. Народы гибли; люди умирали въ казематахъ и въ цѣпяхъ, ихъ трупы разсыпались въ прахъ; ихъ могилы сравнивались съ землей; самые ихъ имена забывались; но ихъ идеи и стремленія живутъ. Освященныя кровью мучениковъ, онѣ становятся дорогой мечтой всякаго, въ мозгу котораго работаетъ мысль, въ сердцѣ котораго бьется сердце.“

Цензура, сжигая книгу Пругавина, думала, что она на всегда разрушила ея тлетворное вліяніе, но „идеи и стремленія“ талантливаго писателя „живутъ“, — и его слова, послѣ ауто да-фе такъ же, какъ и раньше, будутъ взывать къ сочувствію сотенъ тысячъ сердецъ.

Когда нибудь, въ будущемъ, свободный тогда русскій патріотъ, просматривая страницы своей національной исторіи, полныя этихъ попытокъ задушить человѣческую мысль, отъ всего своего сердца пожалѣетъ, что эти позорныя и унижающія страницы не могутъ быть заштампованы цензорскими чернилами.

КОНЕЦЪ.